

СЕРГЕЙ ГЛЕЗЕРОВ

ЗАКАТ
Листательного
ПЕТЕРБУРГА

БЫТ И НРАВЫ СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Всё о Санкт-Петербурге

Сергей Глезеров

**Закат блистательного Петербурга.
Быт и нравы Северной
столицы Серебряного века**

«Центрполиграф»

2021

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

Глезеров С. Е.

Закат блистательного Петербурга. Быт и нравы Северной столицы
Серебряного века / С. Е. Глезеров — «Центрполиграф»,
2021 — (Всё о Санкт-Петербурге)

ISBN 978-5-227-09470-4

Подборка разнообразных публикаций и других источников начала предыдущего столетия подробно прокомментирована и позволяет представить Северную столицу в неожиданном и непривычном ракурсе, узнать о быте и нравах того времени, узнать, как жили горожане, увидеть всю многогранность бытия большого города, где роскошь соседствовала с уродливой нищетой. О чем думали и грезили петербуржцы? Какие мечты, планы и надежды строили? Какие тайные роковые страсти их обуревали? Каким кумирам поклонялись и кого безудержно порицали, низвергали с пьедесталов? Каков же, наконец, был город в пору, о которой сегодня принято говорить с придыханием? Прочитав книгу, вы узнаете много интересного и сможете провести поразительные параллели между нравами той эпохи и нашим временем. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-227-09470-4

© Глезеров С. Е., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Предисловие	7
«Злободневные вопросы дня»	10
«Герои нашего времени»	11
Битва с Натом Пинкертоном	24
Уездные нравы	28
На «задворках» столицы	29
Ревизия Петербургской стороны	32
«Питеен-Брюх»	34
Налог на веселье	41
Лорд-мэру – «зеленую улицу»	44
«В критике черпаю правдивые указания»	45
«Тюремные нравы»... Смольного института	49
Порка в Петропавловке	51
Месть кронштадтского гимназиста	52
«Вертеп азарта» в русской Бастилии	54
Налог на холостяков	56
«Пора положить конец владычеству моды!»	57
«Петербургжцы не знают о своих музеях»	63
«Театр ужасов»	65
Вернуть праздник Масленицы!	67
От тюрьмы и от сумы не зарекайся...	68
Нищая братия	69
«В царстве невежества, горя и слез»	72
Бунт в городской богадельне	75
«Русские рабыни»	77
«Попасть на Казачий»	79
«Интеллигентные» узники «Крестов»	81
Бунт политических	84
День генерала Стесселя	86
В застенках Литовского замка	87
«Дома растут как грибы»	90
Строительные катастрофы	91
Апокалипсис по-петроградски	95
Жертвы строительного бума	96
«Не мог ужиться среди изворотов»	97
Катастрофа на Михайловском мосту	99
«Строительная Цусима»	102
«Секретное дело» коммерсанта Кутузова	104
«Дворцовый мост сгорел недаром»	106
«Дело о Крюковом канале»	109
«Терпение совершенно истощилось»	111
За что домовладельцы «погубили» Пушкина?	113
Вывеска – не синоним безобразия!	116
«Старый Петербург гибнет»	121
«Мы еще варвары...»	122
Битва за башни	125

«Бородавка» на Загородном и другие «уродства»	128
Пассаж над Фонтанкой	130
Кому помешала часовня у ковша?	131
Развитие города – не самоцель, а средство	133
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Сергей Глезеров
Закат блистательного Петербурга.
Быт и нравы Северной
столицы Серебряного века

© Глезеров С.Е., 2021

© «Центрполиграф», 2021

Предисловие

В начале XX века Петербург был особенно красив. Город находился в зените собственной славы, величия и могущества. Чуть позже, уже после революции, о «блистательном Петербурге» времен Серебряного века заговорили с ностальгией. И сейчас тот город Блока и Ахматовой, Мережковского и Гумилева кажется нам ушедшей на океанское дно мифической Атлантидой...

Последние годы существования Российской империи сегодня особенно притягивают и манят. У эпохи, которая была «накануне», есть свой удивительный вкус и аромат, особое ощущение жизни, словно на всем, с ней связанном, лежит печать некоей обреченности. Отсчет времени уже дан, и с каждым днем «блистательный Петербург» отсчитывал последние страницы своего существования.

Философы давно подметили: русское сознание не знает полутонов, оно всегда стремится к крайностям. И потому мы всегда ощущаем себя НАКАНУНЕ каких-то великих исторических событий. Может быть, поэтому и сегодня мы с тревогой вглядываемся в историческую даль, пытаясь понять: а как же чувствовали себя люди в другие роковые времена?

Петербургская эпоха начала XX века максимально похожа на наше время. Погружаясь в нее, порой никак не отделаться от ощущения, что все то, что происходило тогда, удивительно напоминает сегодняшнее время. Настолько очевидны параллели, созвучны события. И тогда порой становится жутко: неужели нас снова ждут тяжкие испытания?

Историки давно уже обратили внимание: Россия живет циклами по двенадцать лет, и каждая «вершина» знаменуется каким-то роковым событием, радикальным образом меняющим не только государственный курс, но и порой весь образ жизни людей. Начало этому «циклу» было положено взрывом бомбы «народовольцев» в 1881 году на Екатерининском канале.

С того времени магическая цифра «12» будто преследует Россию. Словно по исторической закономерности каждые двенадцать лет (со сдвигом в редких исключениях) происходили, как говорили когда-то, «судьбоносные» события. Даты говорят сами за себя: 1905 и 1917 (кстати, именно этот промежуток и принято называть эпохой «блистательного Санкт-Петербурга»), 1929 и 1941, затем 1953. Важные события происходили в 1965 и 1977 годах. Следуя этому циклу, мы прошли через роковые события в 1989 и 2001 годах. И это действительно недалеко от истины. Что же это значит – теперь, впереди «роковой» 2013 год? Неужели же мы снова – накануне?!

Недаром говорят: «Чтобы понять себя и свое будущее, стоит заглянуть в прошлое». Действительно, так можно найти немало ответов на сегодняшние злободневные вопросы...

О чем думали и грезили петербуржцы в ту пору? Какие мечты, планы и надежды строили? Какие тайные роковые страсти их обуревали? Каким кумирам поклонялись и кого безудержно порицали, низвергали с пьедесталов? Каков же, наконец, был наш город в ту пору, о которой сегодня принято говорить с придыханием?

Возможно, кого-то будет ждать открытие: тогда, в начале XX века, многие современники вовсе не считали Северную столицу «блистательной». В описаниях журналистов начала прошлого века Петербург предстал ужасным городом-монстром – дымным, нездоровым, невнимательным к жизни «мелких» людей, городом «тусклой, безрассветной» мглы, сырости, холода, тоски и «убийственного тумана».

Достаточно полистать страницы петербургских газет того времени, чтобы понять, от каких проблем страдал город. Он погряз в проблемах неблагоустроенности. Горожане жаловались на ужасное состояние окружающей среды, возмущались, что даже последние бульвары в городе вырубает ради прокладки трамвайных линий. Возмущались катастрофическим, как

они считали, падением нравов: в столице процветали проституция, азартные игорные притоны, царили уличная разнузданность, хулиганство и просто мелкое бескультурье.

Недаром некоторые современники сравнивали Петербург Серебряного века с Третьим Римом времен упадка. «У всех на уме одно удовольствие, – сетовал в октябре 1911 года обозреватель «Петербургской газеты». – Увлечение модой достигло своего апогея. Бросаются деньги сотнями, тысячами, миллионами. И не только богачи-петербуржцы, но и бедняки жадно стремятся к „роскошной жизни“. Роскошь растет, растет с нею и „легкоправность“ общества, нарастает волна общего спада, декаданса. Куда мы идем? Не в пропасть ли?»

Не побоюсь повториться: Петербург начала XX века, сколь бы ни воспевали его поэты Серебряного века, являлся городом, где блистательная роскошь соседствовала с уродливой нищетой. Это отмечали и сами петербуржцы, и иностранные гости, посещавшие Петербург.

К примеру, специальный корреспондент влиятельной лондонской газеты «Daily News» Джон Эллис, посетив Петербург в 1906 году, наградил его весьма нелестным названием – «город нищих». Как ни странно, но англичанина поразило «неряшливый костюм петербуржцев». «Люди среднего класса, – отмечал он в своей публикации, – здесь ходят в старом, потертом и изношенном платье, а рабочие и босяки в таком отрепье, что их трудно отличить друг от друга».

Эллиса поразило также обилие выставленных повсюду «благотворительных» кружек для сбора пожертвований, а также открытое разрешение нищенствовать на папертях церквей. И, наконец, его безмерно поразило то, что «генералов в Петербурге куда более, чем телеграфных столбов»...

Так был ли «блистательный Санкт-Петербург»? Конечно, был. Только это был маленький клочок города, за пределами которого шла совсем другая жизнь. Весьма далекая от столичной «блистательности»...

«Петербург, в сущности, очень маленький город, – отмечал обозреватель «Петербургского листка» в начале 1898 года. – Он состоит из Невского проспекта, Английской набережной, Большой Морской, Литейного, Миллионной и двух-трех других улиц, примыкающих к центру. Здесь ярко горит электричество, здесь эффектные магазины, здесь устраиваются вечера и рауты, на которых дамы декольтированы и мужчины затянуты в корректные фраки... Это маленький „весь Петербург“, за пределами которого лежит большая петербургская провинция... Стоит переехать Николаевский мост, чтобы сразу очутиться в губернском городе, вроде Курска или Харькова, а дальше, в Галерной Гавани, на Петербургской стороне, пойдут улицы какого-то уездного городка, плохо освещенные, с ухабистой мостовой, с мелочными лавочками и мизерными домишками, это настоящее захолустье с провинциальным бытом...»

Своеобразно устроена человеческая память. Людям свойственно забывать дурное и хранить лишь самое хорошее. Так и с памятью о «блистательном Санкт-Петербурге»: тогда, в начале XX века, мало кто из современников осмеливался сказать о российской столице доброе слово. Но прошло совсем немного времени, над страной прокатились страшные вихри Первой мировой и Гражданской войн. Петроград лишился своего столичного статуса и стал постепенно превращаться в провинциальную окраину.

К тому же десятки тысяч представителей петербургской элиты оказались на чужбине. Навсегда оторванные от родного дома, они грезили воспоминаниями о прежней столичной жизни, которая теперь, по сравнению с тяготами эмигрантского существования, стала казаться счастливой и благополучной. Во многом именно благодаря эмигрантам возникает пленительная сказка о предреволюционной поре «блистательной столицы» Российской империи...

Наверное, пальма первенства в воспевании предреволюционного Петербурга принадлежала поэту Николаю Агнивцеву. Сборник его стихов, изданный в Берлине в 1923 году, так и назывался «Блистательный Санкт-Петербург». Приведем лишь несколько строк:

Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?!
Как были праздничны они
Над Петербургскою Невою!

Конечно, очень хочется верить в красивый миф о «Петербурге, которого нет». На самом же деле не стоит бросаться из крайности в крайность. Тот Петербург был и «блистательным», и «нищим» одновременно. И в этом, наверное, и есть историческая правда. Вероятно, порой надо быть осторожней и сдержанней в своих оценках. Неизвестно еще, какими словами назовут сегодняшний Петербург спустя сто лет...

* * *

Основным источником очерков, вошедших в книгу, которую вы держите в руках, стали публикации в самых популярных столичных газетах начала прошлого века – «Петербургском листке», «Петербургской газете», «Вечернем времени», «Биржевых ведомостях» и т. д. Именно на страницах газет, служивших в ту пору выразителями общественных мнений и настроений, запечатлелся облик той загадочной и неуловимой эпохи.

Часть очерков, собранных в эту книгу, была впервые опубликована в газете «Смена» в рамках проекта «Петербургские тайны», а также на страницах раздела «Наследие» газеты «Санкт-Петербургские ведомости». В нашем издательстве на их основе вышли книги «„Петербургские тайны“ начала XX века» (2005 г.) и «Петербургская жизнь Серебряного века» (2006 г.). Нынешняя книга является обобщением двух предыдущих. Кроме того, в нее вошло более сотни очерков, до сих пор незнакомых читателю.

* * *

И еще хотелось бы обратить внимание читателя на следующий факт. На страницах этой книги мы не раз будем обращаться к одним и тем же, как сегодня принято говорить, «знакомым» фигурам и событиям начала XX века. К примеру, читателям не единожды встретятся имена городского головы Ивана Ивановича Толстого, думского депутата Владимира Митрофановича Пуришкевича, сенатора Дмитрия Борисовича Нейдгарта и других персонажей. Не раз будет упомянуто и знаменитое «Выборгское воззвание», принятое частью думских депутатов после роспуска царем парламента в 1906 году. Даже по нынешним меркам этот поступок – призыв к гражданскому неповиновению – событие из ряда вон выходящее. Присутствие одних и тех же имен и событий в очерках, посвященных, казалось бы, разным темам, обусловлено самим временем, где переплетались многообразные стороны жизни.

«Злободневные вопросы дня»

Не раз уже приходилось говорить, что пленительный миф о «блистательном Санкт-Петербурге» начала прошлого века имеет мало общего с действительностью. Какими же были нравы стольного града Петра в те времена? Не претендуя на истину в последней инстанции, мы все-таки попытаемся нарисовать некоторые штрихи к портрету того времени...

«Герои нашего времени»

Любопытное социологическое исследование провели осенью 1909 года журналисты популярной «Петербургской газеты». В те годы еще не существовало «мониторингов общественного мнения» и подобных нынешним социологическим опросам населения. Тем более сложной и ответственной оказалась задача, решить которую отважились журналисты, поставившие себе целью определить самых популярных личностей своего времени.

«Кого петербуржцы считают героями и героинями нашего времени?» – таким вопросом задались они. Чтобы ответить на него, журналисты проанализировали статистику продажи фотографий, приобретаемых публикой в виде карточек, открыток и гравюр. Источниками информации выступили коллекционеры-любители, владельцы магазинов эстампов и фотографы.

Результатом опроса стало уникальное исследование, появившееся на страницах «Петербургской газеты» в начале ноября 1909 года. Оно помогает нам сегодня представить ту «систему координат», в которой существовало «интеллигентное общество» в начале XX века, позволяет узнать кумиров и «аутсайдеров» общественного мнения. Имена многих из них и сегодня на слуху, иные совсем позабыты, и знают их только лишь специалисты-историки...

Продажа открыток на рождественском базаре. 1912 г. Фото Я. Штейнберг

Как оказалось в ходе исследования, по объемам продаж на первом месте шли открытые письма, с которыми ни в какое сравнение не шла продажа фотокарточек и гравюр. Среди открыток самым большим спросом пользовались изображения Лины Кавальери – певицы, оперной артистки, звезды европейских ресторанов. Ее считали «первой красавицей мира». Лина Кавальери часто гостила в Петербурге – публика ломилась на ее концерты в кафешантажах и летних увеселительных садах. Кроме того, Кавальери прославилась и на литературной ниве: ее «Наставления» об «искусстве быть красивой» служили настольной книгой едва ли не каждой модницы.

На втором месте среди открыток шли виды Невского проспекта. На третьем месте – изображения Льва Толстого. Ни одна артистка и ни один писатель не пользовались таким бешеным спросом, как Лев Толстой.

Огромной популярностью пользовалась почти позабытая ныне Лина Кавальери – оперная певица, «первая красавица мира»

Публика нарасхват разбирала портреты немецкого конструктора дирижаблей Фердинанда Цепелина и французского летчика и авиаконструктора Луи Блерио

Вслед за этими тремя лидерами фотографии следовали открытые письма на модную тогда тему воздухоплавания. Публика нарасхват разбирала портреты Цепелина и Блерио, а также снимки их летательных аппаратов. Охотно покупали портреты героев «авиатики» – братьев Райт, Латама, графа де Ламбера, Вуазена.

Среди писателей, кроме Льва Толстого, пользовались популярностью, хотя и гораздо меньшей, портреты Леонида Андреева, Блока и Брюсова. В большом спросе были фотографии поэта «К. Р.», и совсем упал спрос на жившего в эмиграции Максима Горького.

Из художников самыми популярными были Илья Репин и Константин Маковский: их портреты разбирали лучше всего. Кроме того, много спрашивали и репродукции их картин. Среди композиторов в огромном спросе был Рихард Вагнер, а из отечественных – Римский-Корсаков, Чайковский и Рубинштейн. Из исполнителей на первом месте находились открытки пианиста Иосифа Гофмана, затем следовали пианист и дирижер Александр Зилоти, скрипач и дирижер Леопольд Ауэр и, наконец, виолончелист Александр Вержбилович.

Среди оперных певцов круглый год пользовался популярностью Федор Шляпин

Среди оперных певцов круглый год пользовался популярностью Федор Шаляпин. После него по количеству покупаемых открыток следовала знаменитая певица, артистка Мариинского театра Мария Николаевна Кузнецова-Бенуа. Затем шли красавица Петренко и московский тенор Смирнов. А вот интерес к прежнему любимцу публики певцу Леониду Собинову угасал...

Среди балетных артисток чаще всего покупали портреты талантливой балерины Анны Павловой. Много покупали открыток с изображениями балерин Тамары Карсавиной и Ольги Преображенской. Карсавину считали в ту пору одной из самых красивых женщин Петербурга. Кроме того, популярностью в балетном мире пользовались Вацлав Нижинский (в ту пору – солист Мариинки), хореограф Мариинки Михаил Фокин и танцовщик, педагог и балетмейстер Николай Легат. И, как ни странно, совсем не в моде оказалась несравненная Матильда Кшесинская.

В драме вне конкуренции была М.Г. Савина, из артистов на первом плане шли В.Н. Давыдов и К.А. Варламов – знаменитый «дядя Костя». В легком жанре больше всего спрашивали «звезду цыганского романса», любимицу петербургской публики Анастасию Вяльцеву.

Авторы исследования зафиксировали падение интереса публики к политике – после недавних бурных лет «первой русской революции». Во времена Первой Государственной думы нарасхват шли изображения лидера «трудовой группы» Алексея Федоровича Аладьина и одного из лидеров кадетской партии, блестящего думского оратора Федора Ивановича Родичева. Напомним, именно ему принадлежало авторство знаменитого выражения «стольпинские галстуки».

Артистка Мариинки Мария Кузнецова по «открыточной» популярности уступала только Шаляпину... (Н. Кузнецов. 1901 г. Государственный музей театрального и музыкального искусства Санкт-Петербург)

К концу 1900-х годов, когда политические страсти спали, интерес публики к думским баталиям поутих, и фотокарточки с портретами депутатов продавались плохо. В спросе был только «незаменимый» думский скандалист, крайне правый Владимир Митрофанович Пуришкевич. Без остатка распродавались не только его портреты, но и любые карикатуры на него.

«Звезда цыганского романса» Анастасия Вяльцева

Балерину Тамару Карсавину считали тогда одной из самых красивых женщин Петербурга

Кумиром публики среди политиков был один из лидеров кадетов, блестящий думский оратор Ф.И. Родичев

Изображения лидера «трудовиков» А.Ф. Аладына или нарасхват

Неизменным спросом пользовались фотокарточки «незаменимого» думского скандалиста В.М. Пуришкевича

А вот кого совершенно игнорировала столичная публика, так это депутатов («гласных») Городской думы. Горожане были настолько недовольны состоянием Петербурга в плане благоустройства и санитарно-гигиенического состояния, что совершенно не жаловали местных депутатов. Их фотокарточки были не нужны практически никому.

По-разному сложилась в дальнейшем судьба тех, кто почти век назад являлся кумиром столичной публики. Многим представителям художественного, артистического, полити-

ческого мира пришлось покинуть Россию и продолжить свой жизненный путь в эмиграции. Имена многих из них в советское время в нашей стране были не просто забыты, а вычеркнуты из истории. Что же, время все расставляет по своим местам. У каждого времени – свои герои. Любопытно, кто из сегодняшних кумиров останется в памяти будущих поколений, лет через сто или хотя бы пятьдесят?..

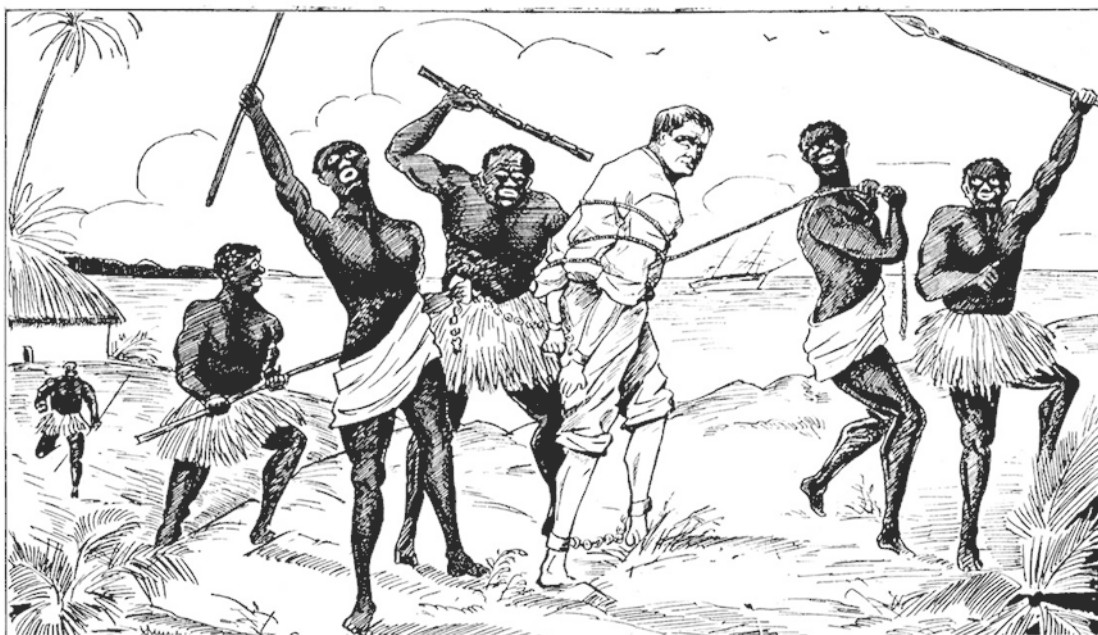
Битва с Натом Пинкертоном

Век назад интеллигентные петербуржцы отчаянно сетовали на ужасающее падение нравов, считая одним из его проявлений засилье детективной литературы. На первом месте стоял суперпопулярный в ту пору герой – «король сыщиков» Нат Пинкертоном, прототипом которого являлся знаменитый американский сыщик. Даже такое понятие существовало в то время, как «пинкертоновщина».

«За последние годы наш литературный рынок пополнился почти однообразной литературой – „шедеврами“ нового русского творчества до порнографии включительно, – констатировал осенью 1910 года обозреватель «Петербургской газеты». – Чистая, художественная литература отошла на задний план, и на сцену русской жизни выступили новые герои и героини – уже не в духе толстовских Пьеров и тургеневских Лиз, а в духе современных Шерлоков, Пинкертонов и Картеров».

Что касается Шерлока Холмса, то еще при жизни его создателя, Артура Конан Дойля, стали появляться литераторы, писавшие собственные рассказы о приключениях сыщика. Так, в начале XX века российские писатели П. Никитин и П. Орловец создали цикл повестей о расследованиях Холмса в России.

Впрочем, публика увлекалась не только похождениями заграничных сыщиков. В России в ту пору зачитывали до дыр книги о приключениях Ивана Дмитриевича Путилина. Причем Путилин являлся не литературным персонажем, а реально существовавшим человеком, занимавшим с 1866 года должность начальника сыскной полиции Петербурга. В 1893 году он вышел в отставку, поселился в усадьбе в Новоладожском уезде. Незадолго до смерти в том же 1893 году Путилин написал воспоминания «Сорок лет среди грабителей и убийц». Кроме того, еще при его жизни стали выходить детективы из цикла «Гений русского сыска И.Д. Путилин», подписанные псевдонимом Роман Добрый, под которым скрывался писатель Роман Лукич Антропов.

970

МИРОВАЯ АТТРАКЦИЯ
ПИНКЕРТОНЪ
съ его номеромъ „ИЗУМЛЕННАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ“,
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВСЕМИРНО-ИЗВѢСТНАГО СЫЩИКА СРЕДИ ДИКАРЕЙ и ЛЮДОЪДОВЪ.
Циркъ „МОДЕРНЪ“, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Объявление о петербургских гастроях Пинкертонa, 1914 г.

Особенное распространение «детективщина» получила среди школьников. Учителя часто наблюдали, как ученики младших классов играли в сыщиков и городских – другие игры просто не признавались. Директора некоторых столичных гимназий развернули настоящую битву с детективной литературой. Так, директор Ларинской гимназии организовал, по собственному признанию, систематическое преследование учеников, увлекающихся подобной литературой. К примеру, у одного ученика младшего класса во время урока конфисковали 21 экземпляр «Пинкертонa», после чего устроили форменное аутодафе.

«Перлы сыскной литературы вытесняют из голов детей все что угодно, – сокрушался директор Ларинской гимназии. – Сыскная литература – это зло, с которым надо бороться. Она отвлекает юношество от научных и физических занятий, развивает болезненную фантазию».

По мнению известного в ту пору писателя Евгения Чирикова, по вопросу о «детективщине» двух мнений быть не может: сыскная литература, безусловно, вредна и ведет молодежь по очень шаткому и скользкому пути. Чириков напоминал, что есть конкретные примеры того, как молодежь, начитавшись такой литературы, идет предлагать свои услуги в сыские отделения.

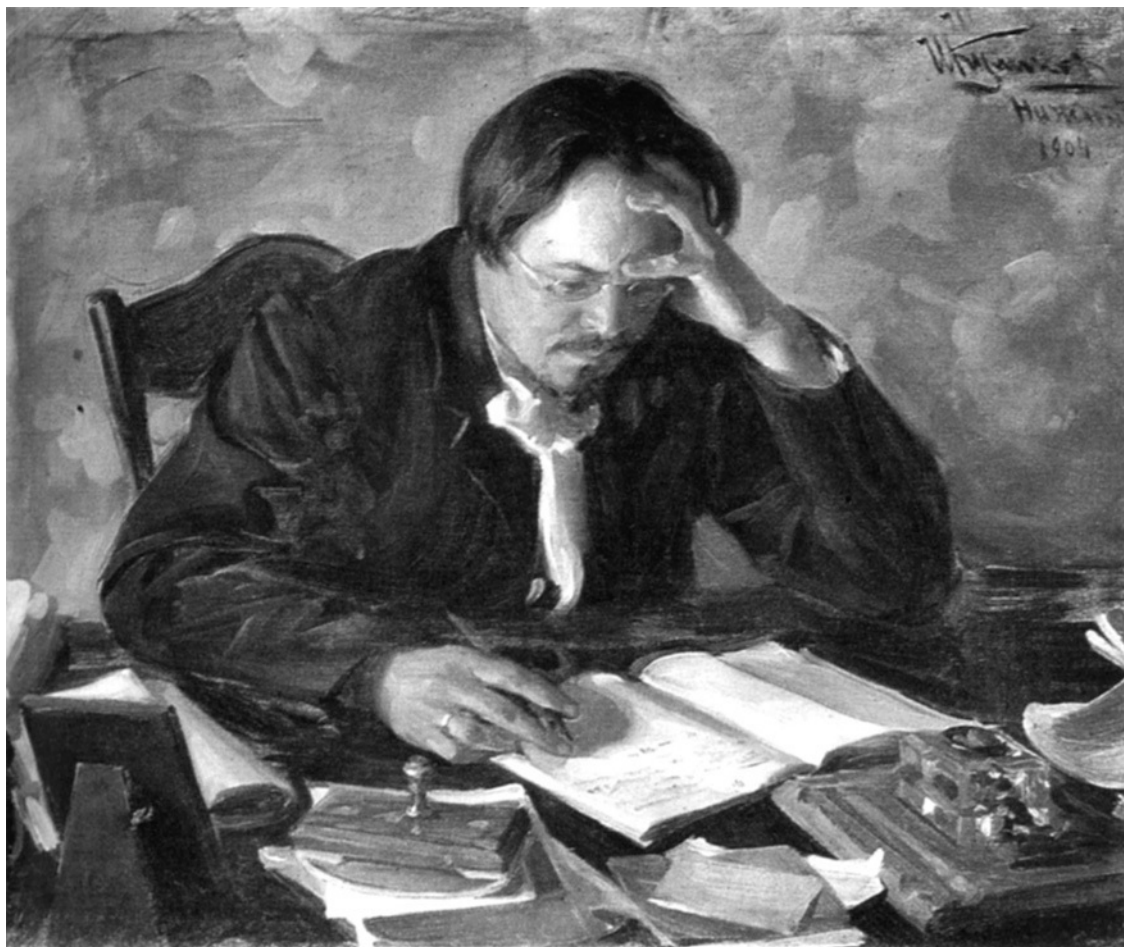
«Как бороться с этим злом? – вопрошал Чириков. – Только не запретами! Необходимы добросовестные и честные педагоги, помогающие молодежи разобраться в сложном мире литературы».

Впрочем, увлечение детективной литературой возникло не само по себе. Давно известна старая истина: литература – вернейшее отражение умственного и морального состояния общества. «Время теперь переходное, беспокойное; жизнь выбита из обыденной колеи, – отмечал известный в Петербурге адвокат Казаринов, также выступавший противником «сыскной» литературы. – Общество находится в выжидательном настроении, нервы переутомлены, интерес к текущему делу ослабел, печать, носившая политический характер, утомила массы, и в этом состоянии мозг обывательский ищет чего-либо острого, что смогло бы отвлечь от тяготящей действительности».

Обложка одной из книг о приключениях «гения русского сыска» И.Д. Путилина

Не правда ли, звучит очень современно – как будто сказано про сегодняшний день! Нынешняя популярность детективной литературы, причем – чаще всего – одноразового пользования, яркое тому доказательство. А ведь лет через десять никто уже и не вспомнит имен авторов нынешних детективов. Точно так же, как почти забыты сегодня читателями имена Ната Пинкертон или тем более Ивана Путилина. Хотя, как знать, может быть, кто-то из нынешних авторов детективов и будет впоследствии признан классиком жанра...

Портрет писателя Е.Н. Чирикова работы художника И.С. Куликова, 1904 г.

Уездные нравы

Петербургское исследование 1909 года, посвященное кумирам и «звездам», касалось главным образом интеллектуальной петербургской публики. Не менее любопытно будет заглянуть и в «ближнюю глубинку» – петербургскую провинцию, дабы представить, чем же там интересовались. В этом нам поможет отчет общественной библиотеки города Новая Ладога, являвшегося в ту пору центром одного из уездов Петербургской губернии.

Весьма показательно, что вкусы читающей публики в провинции не очень отличались от вкусов столичной публики. Среди кумиров уездной Новой Ладоги можно было увидеть как классиков русской литературы, так и совершенно позабытых ныне писателей, имена которых знают сегодня только специалисты-литературоведы.

В 1910 году чаще всего спрашивали Льва Толстого. На втором месте шла известная в ту пору писательница Анастасия Вербицкая – автор книг по вопросам женской эмансипации, проповедница «свободной любви». После революции, в 1919 году, советская власть объявила ее книги порнографическими. Склад ее изданий удалось спасти от уничтожения только благодаря вмешательству Максима Горького. Чтобы проверить обвинения против Вербицкой, один из первых литературных критиков-марксистов Вацлав Воровский назначил комиссию из 12 человек, которая заседала три месяца и пришла к выводу о совершенной «безвредности» книг Вербицкой. Роман «Дух времени» даже рекомендовали для переиздания. Однако в 1924 году книги Вербицкой окончательно запретили. Она пыталась писать, переводить, сотрудничать в различных изданиях под псевдонимами, писала внутренние рецензии. Ссылки и ареста она избежала чудом, лишь благодаря имени своего сына Александра – основателя 2-й студии МХАТа, народного артиста Республики, заслуженного деятеля искусств, знавшего самого К.С. Станиславского. Умерла она в конце 1928 года...

Вслед за Вербицкой часто спрашивали книги Александра Амфитеатрова, Леонида Андреева, Евгения Салиаса и Михаила Арцыбашева, и уже только потом следовали Антон Чехов, Максим Горький и другие признанные классики.

Имя Леонида Андреева хорошо известно и сегодня, а вот Александру Амфитеатрову – автору романов об интеллигенции, о женском вопросе и проституции – повезло меньше: в глазах советских литературоведов он являлся прежде всего пропагандистом-белогвардейцем. Арцыбашева советские литературоведы обвиняли не только в «антисоветчине», но и в «проповеди аморализма, сексуальной распущенности, отвращении к общественным идеалам». Это касалось в первую очередь его знаменитого романа «Санин».

Имя Амфитеатрова, как и Арцыбашева, вернулось в Россию во времена «перестройки» как часть литературы русского зарубежья. Но вот писатель Евгений Салиас (настоящее имя – Салиас-де-Турнемир) и сегодня практически никому не известен. А ведь век назад многие зачитывались его историческими романами и повестями, такими, как «Пугачевцы», «Петербургское действо», «Свадебный бунт», «Барышни-крестьянки», «Владимирские Мономахи». Теперь эти книги ведомы только историкам литературы.

На «задворках» столицы

Традицией современной петербургской власти уже давно стали «инспекционные» выезды губернатора и районных глав администраций на городские объекты. Существовало такое правило и в старом Петербурге. В ту пору городской голова также имел обыкновение не только принимать участие в торжественных мероприятиях, но и посещать глухие «задворки» столицы.

Многие горожане связывали надежды на «оздоровление» Петербурга с назначением в мае 1913 года городским головой графа Ивана Ивановича Толстого – культурного и общественного деятеля, нумизмата, археолога, одного из основателей Русского музея. Толстой пришел на смену Илье Ивановичу Глазунову, который уже давно стал в Петербурге мишенью всеобщей критики. «Хочется думать и верить, что ныне всем эстетическим изуверствам пришел конец, – писал в августе 1913 года известный столичный литератор, ревнитель старого Петербурга Николай Брешко-Брешковский, имея в виду столь нелюбимую им модернистическую архитектуру. – Граф Толстой больше десяти лет был вице-президентом Академии художеств, понимает искусство, любит и ценит его. Ко всему этому еще, Толстой – человек высокой культуры, широко и европейски образованный».

Свою репутацию Толстой подтверждал «инспекционными» объездами Петербурга. К примеру, в один из июльских дней 1913 года городской голова осмотрел район у засыпанного русла речки Таракановки. Его весьма неприятно поразило неблагоприятное состояние этой густонаселенной части города.

«Местность здесь напоминает собой некую Сахару с зыбучими песками и чахлою травкой в виде оазиса посредине грандиозной свалки мусора, – отмечал обозреватель. – На мостовые нет и намека. При малейшем ветре поднимаются столбы пыли. Лошади вязнут в засуху в песке, а в мокрую погоду – в липкой грязи».

С назначением в мае 1913 г. городским головой графа И.И. Толстого многие петербуржцы связывали надежды на «оздоровление» города

В тот же день городской голова отправился осматривать улицы, которые вели к Гутуевской гавани. Здесь картина оказалась не менее плачевной – Виндавская и Динабургская (ныне Двинская) улицы своим неблагоустройством привели Толстого в изумление. Особенно удручили городского голову пришедшие в совершенную негодность мостовые. Картина полной беспхозяйственности еще больше усугублялась присутствием рабочих, которые уныло копались возле разрытых водостоков.

Обеспокоенный увиденным градоначальник отметил, что Городской думе не мешало бы приложить побольше стараний к упорядочению этой важной окраины, чтобы первое впечатление иностранцев от Петербурга хотя бы сколько-нибудь согласовывалось с красотой «Северной Пальмиры». Ведь именно в Гутуевскую гавань приходили океанские пароходы с грузами, а также с пассажирами, прибывавшими в столицу Российской империи. «Тут следовало бы проложить широкие проспекты, соорудить роскошные дома, создать достойное преддверие Петербурга», – отмечал обозреватель.

На следующий день граф Толстой продолжил объезд неблагоустроенных мест Петербурга. На этот раз он нанес визит на Полтавскую улицу, где сооружался храм-памятник в память 300-летия Дома Романовых. К сожалению, неопрятный вид Полтавской улицы оставлял желать лучшего. Толстой обратил также внимание на важность упорядочения площади, на которой возведен храм.

Картина увиденного на Полтавской улице настолько сильно потрясла городского голову, что он вскоре затребовал отчет о грузовом движении по этой магистрали. Оказалось, что количество ломовых подвод, двигавшихся по Полтавской улице в обоих направлениях, достигало пятнадцати тысяч в день. А поскольку рядом строилось новое здание почтовой службы для приема и отправки посылок и произведений печати, нагрузка на Полтавскую улицу должна была возрасти во много раз.

Толстой признавал, что вопрос об урегулировании движения в этом районе относится в число «злбодневных». По мнению городского головы, необходимо было серьезно задуматься об изменениях в этой части города: товарную станцию Николаевской (ныне Московской) железной дороги вообще перенести за Обводный канал, сохранив у расширенной Знаменской площади лишь пассажирский вокзал. К сожалению, начавшаяся через год Первая мировая война не позволила тогда воплотить в жизнь намеченные планы...

Ревизия Петербургской стороны

Столичная действительность, в отличие от мифа о «блистательном Санкт-Петербурге», была довольно-таки суровой, и это подтверждают многие достоверные факты. Один из них – санитарная ревизия Петербургской стороны, проведенная в августе 1910 года, во время бушевавшей в столице в очередной раз холерной эпидемии.

Петербургская сторона в те годы являла собой поразительные контрасты. Некоторые ее улицы стремительно превращались в фешенебельные богатые «авеню», заполненные роскошными и престижными магазинами, конторами влиятельных фирм и дорогими доходными домами. Но едва стоило сделать буквально несколько шагов в сторону от всего этого великолепия, как можно было попасть в глухое питерское захолустье с грязными канавами, темными переулками и покосившимися заборами. (Впрочем, подобные контрасты и сегодня нередко встречаются на Петроградской стороне.)

Глухие углы Петербургской стороны, возможно, так и оставались бы незамеченными, если бы не тот прискорбный факт, что с начала холерной эпидемии 1910 года именно эта часть города служила первой и самой крупной «поставщицей» холерных больных. Из общей массы петербуржцев, заболевших холерой, до сорока процентов поступило с Петербургской стороны.

Как признавали в Городском управлении, в санитарной ревизии Петербургская сторона нуждалась давно, но с ее состоянием приходилось мириться до поры до времени. То, что именно оттуда идет вал холерных больных, знали. Бороться с заразой пытались путем штрафов и взысканий, сыпавшихся на головы здешних «антигигиенистов». Однако частичные мероприятия мало помогали. Только появившаяся в середине лета 1910 года угроза чумы с юга (из Одессы) заставила власти взглянуть на петербургский «очаг заразы» гораздо серьезнее.

В середине августа градоначальник распорядился организовать экстренную выборную санитарную комиссию для самой строгой ревизии Петербургской стороны. На первом же заседании комиссии, состоявшемся 26 августа, врачи разделили всю Петербургскую сторону на восемь участков, чтобы на каждый из них приходилось по одному санитарному и одному торгово-санитарному врачу (всего в комиссию вошло 16 человек). Все восемь врачебно-санитарных отрядов сопровождалась полицейскими офицерами.

Едва только домовладельцы, торговцы, лавочники и трактирщики Петербургской стороны узнали о грядущей ревизии, среди них поднялся страшный переполох: началась спешная чистка дворов, лавок и подвалов. Однако то безобразие, что копилось на Петербургской стороне годами, невозможно было ликвидировать за один день.

«Трудно себе представить более ужасную антисанитарную картину, чем дворы домов на Петербургской стороне, в особенности на узких улицах и переулках или же в деревянных жилых строениях», – сообщал очевидец. Судя по бесчисленному количеству протоколов, составленных во время ревизии, почти в двухстах зданиях, где побывали врачебно-санитарные отряды, дворы представляли собой настоящие «холерно-чумные форты». Выгребные ямы были переполнены, и из-за недостатка места жильцы сваливали весь мусор и отбросы прямо на середину двора. Образовывались громадные гниющие горы, поражавшие своим зловонием.

Врачам-ревизорам порой казалось, что они входили не во дворы, а в склепы покойников – до того от свалок несло мертвечиной и кисло-гнильным запахом. «Шедеврами» антисанитарного состояния врачи признали два дома: один на Подрезовой улице, а другой – на Полозовой. Даже дома, принадлежавшие гласным Городской думы, не блистали чистотой и опрятностью. К примеру, дом Виссендорфа на Лахтинской улице, хотя внешне и выглядел довольно пристойно, но славился грязнейшим трактиром.

Рассадником инфекционных болезней врачи признали Карповку: ее загрязняли расположенные по берегам фабрики и заводы. У Карповского моста вся поверхность реки оказалась забита пустой посудой, отбросами и объедками...

Осмотр торговых помещений на Петербургской стороне дал врачам еще более отталкивающую картину, чем ревизия домов. Большинство трактиров представляло собой склады гнили и падали. В более пристойном виде находились рынки, хотя и здесь было составлено несколько десятков протоколов на нерадивых мясников, фруктовщиков и зеленщиков.

Особую ненависть торговцев вызывали торгово-санитарные врачи (их полномочия были гораздо шире, чем у просто санитарных врачей) – после тщательного осмотра продуктов они обливали недоброкачественные товары керосином, после чего все это подлежало уничтожению. А вот у многих бедняков с Петербургской стороны разорение торговцев вызывало нескрываемое злорадство. «Вот оно, попляшут наши толстосумы», – ехидно потирали они руки.

И ведь среди всего этого безобразия приходилось жить простым горожанам! Как не похожа эта реальная картина на мифический «блистательный Санкт-Петербург», воспетый поэтами Серебряного века...

«Питеен-Брюх»

Борьба против злоупотребления спиртными напитками в начале прошлого века являлась одной из животрепещущих тем петербургской жизни. Среди эпизодов этой борьбы были и «антиалкогольный день», организованный Всероссийским союзом христиан-трезвенников осенью 1911 года, и «праздник трезвости», проведенный через год. Тем не менее, в Петербурге продолжали пить – и до, и после всевозможных «антиалкогольных дней».

«В Петербурге пьют много! – констатировал в августе 1906 года обозреватель «Петербургской газеты». – Пьют и старый и малый, и мужчины, и женщины, и дети. В судебных процессах последнего времени, где фигурируют на скамье подсудимых юноши и подростки, пьянство играет доминирующую роль: перед совершением преступления пьют „для храбрости“, после – для успокоения совести, в предшествующие преступлению дни – просто чтобы пить, чтобы найти веселье». По мнению газетчика, «эпидемия» хулиганства, дерзких грабежей и разбоев, охватившая Петербург, в своей основе имела все то же неискоренимое пьянство.

По данным Петербургского губернского акцизного управления, в столице потреблялось в год 3 миллиона ведер водки, что составляло 2,4 ведра на долю каждого жителя, а на взрослого жителя старше 16 лет – 5,5 ведра. Пива производилось в Петербурге 7 миллионов ведер в год, еще 400 тысяч ведер привозилось. Поскольку 1 миллион 200 тысяч ведер пива в год вывозилось из Петербурга, то для потребления в столице оставалось 6 миллионов ведер, что составляло не меньше 11 ведер пива на взрослого мужчину.

Кроме того, по данным того же Акцизного управления, в Петербург ежегодно привозилось и потреблялось около 200 тысяч бутылок рома и французской водки и около 700 тысяч бутылок виноградных вин. Вот такая получалась арифметика «петербургского пьянства».

Очагами «нетрезвого образа жизни» в столице служили многочисленные рестораны и увеселительные заведения в центральной части города, всевозможные кабаки, трактиры, чайные и портерные лавки в значных районах города и на окраинах. «Едва ли в Петербурге найдется улица, которая могла бы конкурировать в отношении пьянства с Гончарной», – замечал репортер «Петербургского листка» в 1907 году, подкрепляя свои слова статистикой. На 27 домов Гончарной улицы приходилось 21 питейное заведение, в том числе 4 портерных, 3 гостиницы с крепкими напитками, 2 ресторана с вином, 2 погреба и т. д.

Проблема борьбы с пьянством в Петербурге была настолько велика, что даже журнал «Самокат и мотор», который не занимался городскими проблемами, откликнулся на эту тему. В одном из его номеров летом 1906 года он посвятил отдельное приложение «публичному пьянству на улицах Петербурга», с горькой иронией переименовав название столицы на «Питеен-Брюх».

На страницах приложения поместили фотографии, отражавшие «некоторые признаки цивилизации» на улицах города «Питеен-Брюха». На одной из них изображалась длинная очередь в винную лавку. Подпись внизу гласила, что здесь «жители заряжаются для дальнейших подвигов». На другой фотографии два нетвердо стоявших на ногах собутельника тащили под руки своего вдрызг пьяного товарища по набережной Фонтанки. Подпись внизу с иронией сообщала: «Да не ужаснется читатель, предположив, что среднюю пару ног перебило шимозой в бою на реке Шахэ... Нет, просто три товарища хотели доказать правильность названия города „Питеен-Брюхом“...» Еще на одной фотографии два пьяных мастеровых мирно возлежали на брусчатой мостовой. «Эти двое обывателей, по крайней мере, в этот момент, совершенно счастливы... и доказательство правильности названия города „Питеен-Брюх“ они дают бессознательно», – гласила подпись. И, наконец, последний снимок в этом фоторяду изображал забулдыгу, лежащего на газоне в парке. Подпись сообщала: «Этому ничего доказать нельзя, но правильность названия города „Питеен-Брюх“ подтверждается».

С проблемой публичного пьянства журнал «Самокат и мотор» увязывал и общее неблагополучное состояние Петербурга в плане благоустройства. Особенного нарекания удостоивались на страницах журнала лошади и их нерадивые хозяева, которых мало беспокоила чистота петербургских улиц. «Лошади, сами того не зная, помогают почитателям антисанитарии поддерживать город „Питеен-Брюх“ всегда в достаточно грязном виде, – писал обозреватель журнала. – Нельзя винить лошадей в этом. Виноваты те, кто вместо содействия препятствуют развитию „санитарных“, т. е. механических способов передвижения».

Телефоны: 4-51. Телефоны: 417-48, 478-96,
Товарищество Пиво-Медоваренного завода

ИВАНЪ ДУРДИНЪ

въ С-Петербурѣ

доводить до свѣдѣнія почтенныхъ г.г. потребителей и покупателей, что съ 19 Апрѣля
с. г. выпускаю пиво въ оригинальныхъ графинахъ, которое можно получать во всѣхъ
гостиницахъ, ресторанахъ, погребахъ и пивныхъ лавкахъ.

ДУРДИНСКОЕ СВѢТЛОЕ ДУРДИНСКОЕ ТЕМНОЕ НОВОЕ СТОЛОВОЕ.

Цѣна 2 р. 60 к. за 30 графиновъ. (посуда 4 б.
за графинъ).

Г. торговцамъ скидка.

Съ требованіями просить обращаться на-
задъ товарищества

„ИВАНЪ ДУРДИНЪ“.
175, Обводный кан., 175.

СКЛАДЫ:
Невская застава, село Александровское, уг.
Карточного пер., д. № 2-8. Тел. № 25.
Б. Охта, Горшечная ул., д. № 5. Тел. 178-32.

НОВОЕ

СТОЛОВОЕ ПИВО

ТОВАРИЩЕСТВОПИВО-МЕДОВАРЕННАГО

ЗАВОДА
И. ДУРДИНЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ

Чем именно спаивались петербуржцы, можно понять, посмотрев на винно-водочную и пивную рекламу начала XX в.

Антиалкогольное движение постепенно дошло и до армии, и до флота. В мае 1914 года на заседании Адмиралтейств-совета рассматривалось предложение главного санитарного инспектора флота почетного лейб-медика Зуева изъять из пищевого довольствия нижних чинов флота ежедневное употребление «чарки водки», уже упраздненной к тому времени в сухопутных частях войск.

Однако Адмиралтейств-совет не согласился с доводами лейб-медика: после детального обсуждения он решил сохранить все «права и преимущества» за исторической «чаркой водки».

Вопрос о необходимости «чарки водки» во флоте рассматривался с самых разных точек зрения – социально-бытовой, правовой и «частно-служебной». По мнению членов Адмиралтейств-совета, традиционная флотская «чарка водки» никакого вреда для здоровья не представляет. В подтверждение приводились доводы ряда авторитетных ученых-врачей, к примеру профессора Тарханова.

Наоборот, на флоте, доказывали члены Адмиралтейств-совета, без «чарки водки» просто никак не обойтись, поскольку вахтенная жизнь матроса и офицера находится почти постоянно в зависимости от погодных условий, зачастую столь неблагоприятных, что только пресловутая «чарка водки» способна предотвратить неминуемое заболевание. И, наконец, утверждали члены Адмиралтейств-совета: «Во флоте алкоголиков нет!» Точнее, «не наблюдается нижних чинов, спившихся от ежедневной „чарки водки“». Кроме того, каждый матрос имел право отказаться от этой порции алкоголя и получать взамен денежный эквивалент ее стоимости – восемь копеек.

В итоге совещания Адмиралтейств-совет не признал необходимым и своевременным отмену «исторической чарки водки», отложив вопрос на неопределенное время. Вернее, как было указано, «впредь до пересмотра и изменения общих норм пищевого и денежного довольствия для нижних чинов флота».

Налог на веселье

«Петербург смело можно назвать „веселой столицей“, судя по миллионам бутылок выпиваемого ежегодно шампанского, – утверждала девяносто лет назад „Петербургская газета“. – Шампанское в Петербурге льется рекой».

«Петербуржцы требуют музыки и плясок», – замечали столичные репортеры, рассказывая о жизни «гулящего Петербурга». А потому многие рестораны просто превратились в кафешантаны, не желая отставать и терпеть конкуренцию от настоящих шантанов. В любом ресторане его владельцы старались устроить музыку, кто во что горазд: в одних публику развлекали плохонькие оркестры из двух-трех балалаечников, в других – струнные оркестры румын, а в третьих были целые «оркестрионы».

Наблюдая подобный расцвет индустрии увеселения, городские власти предложили ввести особый налог на зрелища и развлечения, взимаемый в пользу города. Вопрос попал в повестку Городской думы и был положительно решен в конце апреля 1914 года.

Налоговому обложению отныне подлежали билеты в кафешантаны, кинематографы, клубы, бега и скачки, оперетки, фарсы, миниатюры – то есть зрелища, преследующие исключительно цели развлечения, забавы и веселья. С билетов стоимостью до 50 копеек решили взимать налог в одну копейку, с билетов от 50 копеек до рубля – пять копеек, и так далее. Установили даже сбор с контрамарки – по десять копеек.

Утром у кассы Мариинского театра. Рисунок М.В. Добужинского

На сцене столичных кафешантанов...

Лорд-мэру – «зеленую улицу»

Вопрос об оторванности чиновников от народа, а также об их необоснованных привилегиях, стар как мир. Тем не менее он остается актуален и сегодня, как и век назад. К примеру, тогда многих петербуржцев до крайности раздражали и возмущали барские замашки, а также элементарная нескромность городского головы Ильи Ивановича Глазунова.

Он довольно часто служил объектом едкого злословия со стороны газетчиков, но сам к этой критике относился достаточно спокойно. Правда, поводов для подобных нападков городской голова действительно подавал немало. По сравнению с предыдущим городским головой, Резцовым, «скромным деятелем демократической складки», Глазунов отличался совершенно иными повадками. Скромности и умеренности ему явно не хватало.

Порой это приводило к совершенно комическим ситуациям. Взять хотя бы нашумевшую историю с трамвайным билетом № 1. Открывая в 1907 году движение электрического трамвая, Городская дума постановила: не давать никому ни одного бесплатного и почетного билета. Однако когда городским головой стал Глазунов, трамвайная комиссия из кожи вон лезла, чтобы выразить новому шефу свое подобострашие. С этой целью она изготовила ему почетный билет на бесплатный проезд по линиям городского электрического трамвая. На билете значился очередной номер, соответствовавший регистрационной книге. Но – о ужас! – номер оказался многозначным. Это вызвало гнев нового «отца города»:

– Позвольте, почему не первый? – с неудовольствием будто бы спросил новоиспеченный «лорд-мэр». – Я не хочу быть ни вторым, ни десятым, ни сотым. Мне нужен билет номер один!

Комиссия долго думала и гадала, пока одного из ее членов не осенила гениальная мысль: а почему не может быть два первых номера? Все ухватились за эту счастливую идею, и уже через день Глазунову торжественно вручили билет за № 1.

Правда, своим правом Глазунов едва ли пользовался. Ему было совершенно не с руки толкаться с простыми пассажирами на трамвайных площадках. Более того, общественный транспорт останавливали, дабы обеспечить «зеленую улицу» новому городскому голове. Этот «особливый почет» Глазунова, поставившего себя таким образом выше всех горожан, вызвал у многих петербуржцев крайне негативную реакцию.

В июле 1910 года на страницах печати передавался случай, произошедший в Лесном, где Глазунов жил на даче. Городской голова ехал к себе домой по 2-му Мурынскому проспекту, а в это время по Большой Объездной улице (ныне улица Орбели), пересекавшей проспект, двигался поезд паровой железной дороги. Стрелочник, завидев в экипаже мощную и властную фигуру городского головы, тотчас же выставил красный фонарь и остановил поезд, хотя ему было еще далеко до 2-го Мурынского. Когда начальство проехало, милостиво ответив на поклон стрелочника, тот разрешил паровику продолжать движение.

«Такой почет лорд-мэру оказывается на территории Лесного – местности земской, – язвительно замечал один из газетчиков. – Какой же почет должен быть оказываем городскому голове при его проезде по улицам избравшей его столицы? Надо ожидать, что скоро будет издано распоряжение о том, чтобы при проезде Глазунова все обыватели столицы становились во фронт!»

«В критике черпаю правдивые указания»

В начале 1910-х годов общественное управление Петербурга решило всерьез взяться за издание собственной газеты. Официальным мотивом этой затеи выставлялось то обстоятельство, что городские власти вынуждены каждый год тратить на свои публикации в прессе больше десяти тысяч рублей, а при наличии же своей газеты надобности в подобных расходах не будет.

Впрочем, это послужило не единственной и даже не главной причиной стремления иметь собственную прессу. Дело было в сложившейся к тому времени весьма скверной репутации городской власти, погрязшей в скандалах, коррупции и взяточничестве. Городские газеты очень остро и порой весьма жестко критиковали и ответственных чиновников, и власти Петербурга в целом за плачевное состояние столицы Российской империи в сфере благоустройства, санитарии, больничного, жилищного вопросов.

Неудивительно, что городские власти хотели дать адекватный ответ своим оппонентам, а также, как заявлялось официально, «желали иметь свой собственный орган для проведения в население взглядов думского большинства, для полемики с печатью, критикующей работу Городской думы и ее исполнительных органов».

Напомним, львиная доля критики в адрес городских властей звучала со страниц популярных петербургских газет, властвовавших над умами горожан и отражавших их надежды и чаяния: «Петербургского листка» и «Петербургской газеты». Не отставали от них и «Биржевые ведомости». Более казенно на этом фоне смотрелись «Санкт-Петербургские ведомости». А вот в городских журналах «для семейного чтения», имевших всероссийский охват, таких, как, к примеру, «Огонек» и «Родина», тоже нередко звучала едкая критика в адрес петербургских властей. Городская дума издавала собственные «Известия», но в них публиковалась официальная информация. Полемического характера они не носили.

Однако одним из самых главных противников идеи официальной городской власти, родившейся в недрах общественного управления, стал не кто иной, как сам городской голова Илья Иванович Глазунов. Он более чем скептически отнесся к идее издания городской официальной газеты. Будучи книгоиздателем и книгопродавцем, владельцем старинной типографии, он знал толк в печатном деле, и его удивляло, что для сбережения десяти тысяч рублей предлагается ежегодно затрачивать гораздо большую сумму на издание газеты. По его мнению, от такого нерационального расходования городских средств имидж власти пострадал бы еще больше.

«Как ни скромна по размерам и расходам будет наша газета, а все-таки менее двухсот тысяч рублей в год она нам не обойдется, – констатировал Глазунов. – В принципе, для города такой единовременный расход не страшен, но только при условии того, что в дальнейшем издание будет себя окупать и приносить доход. Но вот этих перспектив я и не вижу. Городское общественное управление, по горло занятое множеством прямых лежащих на нем хозяйственных обязанностей и не справляющееся с ними, взялось бы с изданием газеты не за свое дело».

Так выглядело приложение к «Петербургской газете». Выпуск, посвященный Вербному воскресенью. 1913 г.

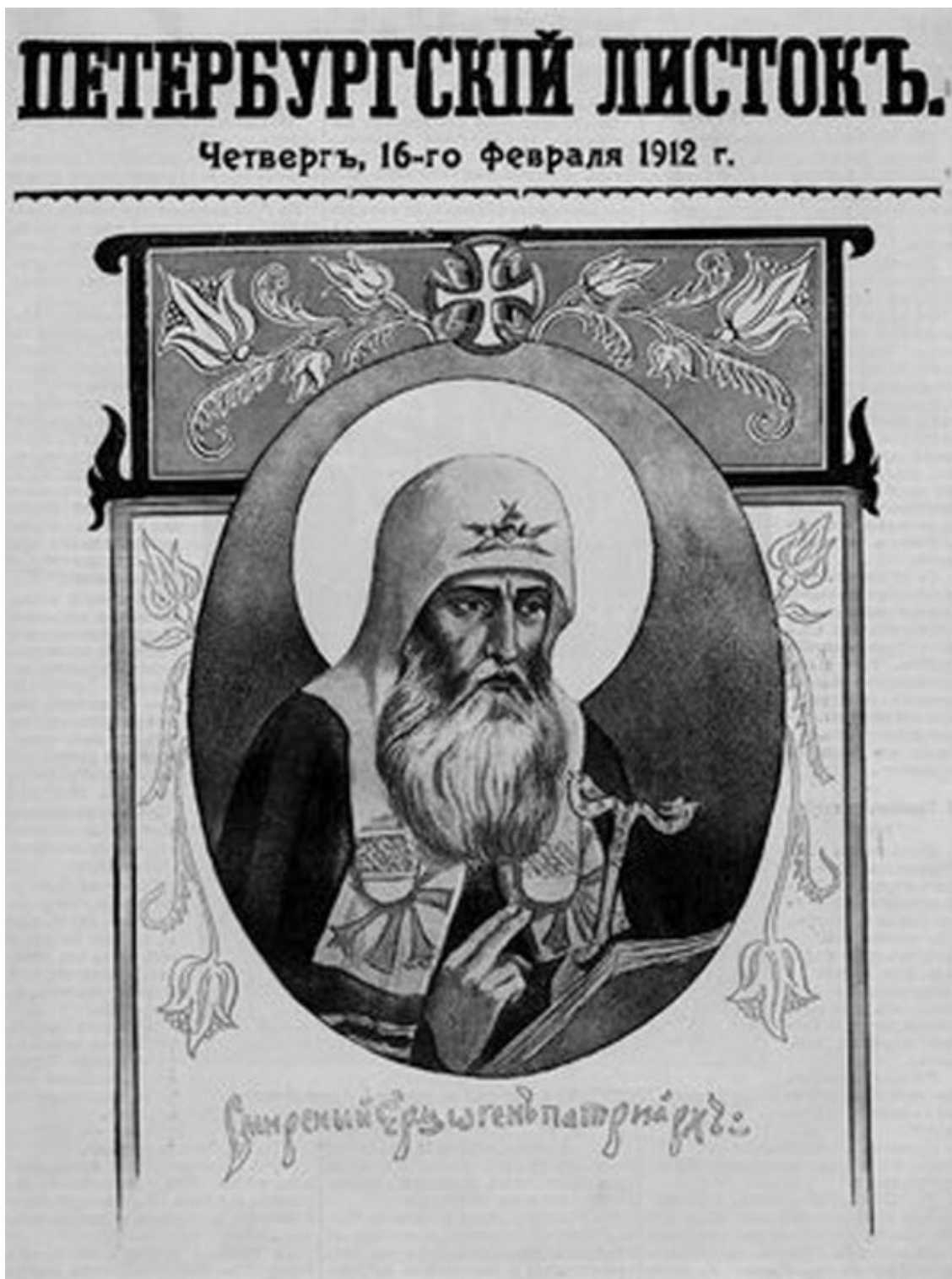
Кроме того, по мнению Глазунова, в очень щекотливое положение попал бы редактор новой газеты: ему все время пришлось бы держать нос по ветру, следуя в фарватере колеблю-

щегося, как потом бы сказали, «вместе с генеральной линией», думского большинства. Какой же уважающий себя редактор, желающий быть независимым, согласился бы то и дело менять характер издания из-за «той или другой погоды»?

Выступая против идеи городской газеты, Илья Глазунов высказал и такую полезную мысль: в газете, издаваемой городским управлением, не будет критики самого себя, а значит, не будет возможности посмотреть на свои действия со стороны. «Как ни бранят лично меня газеты, – подчеркивал Илья Иванович, – я все же черпаю в них и правдивые указания. Скажу более, вмешиваясь в ход управской машины, даю ей, иногда под влиянием газетной критики, тот или иной ход. Что я, по совести говоря, найду в городской газете? „Все обстоит благополучно!“ Так это с точки зрения думского большинства. Но, может быть, далеко не благополучно с точки зрения существа дела».

И, наконец, последний аргумент Глазунова касался литературной стороны дела. Ведь в газету Городского управления бросятся строчить свои корреспонденции и обзоры едва ли все гласные, а литературные способности-то есть не у каждого. «Воображаю, как это было бы тоскливо, скучно, тягуче и нудно! – восклицал Глазунов. – Нет, я решительный противник идеи городской газеты. Это будет мертворожденная идея, но очень дорогостоящая».

Мудр, однако же, оказался Илья Иванович Глазунов, которого как только не поносили в городской печати. «Спит сладко среди потока дел, требующих подписи», – с едким сарказмом писали про него газетчики. Критика, как известно, мало кому нравится, но политическая жизнь без нее обречена на застой и деградацию. Что же касается идеи издания городской властью собственной газеты, то до революции она так и не осуществилась.

Так выглядело приложение к «Петербуржскому листку». Выпуск от 16 февраля 1912 г.

«Тюремные нравы»... Смольного института

Смольный институт благородных девиц обычно воспринимается сегодня – с присущей ностальгией по «блистательному Санкт-Петербургу» – как закрытое учебное заведение с практически безупречной репутацией. Между тем, век назад перед петербуржцами представала совсем иная картина: странные события, происходившие в Смольном институте, давали повод говорить о царивших там деспотических нравах и порядках.

Поводом к таким разговорам послужила трагедия, случившаяся в Смольном институте в середине апреля 1913 года: две воспитанницы выпали с третьего этажа во двор. Одна выжила, другая разбилась насмерть. По официальной версии, трагедия стала следствием недосмотра администрации, якобы «две воспитанницы увлеклись своей шалостью настолько, что очутились на полуоткрытом окне и, сильно облокотившись на стекло, раздавили его и обе вместе рухнули вниз с высоты третьего этажа».

Однако вскоре выяснилось: в этой истории все шито белыми нитками. Достаточно сказать, что трагическая «детская шалость» случилась почему-то глубокой ночью. Стало очевидно: администрация Смольного института во главе с его начальницей светлейшей княжной Ливен тщательно скрывает подробности этого происшествия. Дотошные газетчики все-таки пронюхали, в чем было дело. Оказалось, что падение двух воспитанниц из окна не было случайностью.

«Кулуары женского аристократического учебного заведения с его режимом и патриархальными началами создали такую атмосферу, которую не вынесли две юные девочки», – утверждалось в одной из влиятельных городских газет. Обе смолянки учились в институте уже четвертый год, и трагедия назревала долго.

Погибшая 14-летняя Надежда Кондаурова, дочь полковника, давно тяготилась обстановкой и режимом институтской жизни. Еще перед рождественскими каникулами ее «уловили» с недозволенными к чтению книгами. Они не были «преступного» содержания, но и не входили в программу института. Еще несколько подобных «выходок», и Кондаурова оказалась на плохом счету у администрации. В результате при 12-балльной системе отметок ей поставили два балла за поведение.

Кондаурова стала писать жалобные письма домой. В Петербурге жили ее мать, братья и сестры, старшие из которых тоже являлись воспитанницами-смолянками. Она умоляла, упрашивала забрать ее домой, но не встретила поддержки у родных. Сочувствие она встретила лишь у своей подруги Ольги Савинковой, происходившей из зажиточной дворянской семьи.

В три часа ночи 13 апреля, когда все смолянки спали, Кондаурова и Савинкова решили исполнить задуманное. Потом уже говорили, что девушки хотели бежать из института и утопиться в Неве, но когда попытку их бегства раскрыли, вылетели из окна. Как бы то ни было, Кондаурова закрылась простыней и бросилась вниз из окна. За ней последовала ее подруга...

Когда стало понятно, что администрация Смольного института скрывает происходящее и всеми силами препятствует огласке, по Петербургу поползли самые разные слухи. Главным образом, обвиняли внутренние распорядки институтской жизни, установленные нынешней начальницей княжной Ливен. Поговаривали, что в институте развита система угодничества и «всепослушания», учениц принуждают льстить и заискивать, а порядки угнетают не только воспитанниц, но и педагогов. Некоторых уже уволили за «вольный нрав».

Ходили слухи, что начальница института высокомерно обращается с педагогами, что в институте процветает принцип служения слову, а не делу. Будто бы «смолянок» зачастую наказывают не за серьезные проступки, а за самые невинные проявления живого характера.

В самом Смольном институте публикации о царящих там нравах называли наглой ложью. Представителей прессы вообще не пускали за порог института. Впрочем, некоторые счи-

тали, что дело не только в смольнинских порядках, поскольку демонстративные самоубийства среди молодежи стали, без преувеличения, настоящим «веянием времени». А законоучитель и духовник Смольного института священник Егоров и вовсе объяснял поступок Кондауровой ее «ненормальностью». «Она была нервной экзальтированной натурой, – заявлял он, – часто беседовала со мной и говорила, что она „скверная, не годная для жизни“. Она была талантлива, и развитие ее шло выше окружающих. Вечное искание чего-то лучшего».

Через три дня после трагедии Надежду Кондаурову похоронили на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Среди провожавших ее в последний путь присутствовало немало офицеров гвардейских полков, а также бывших смолянок. Воспитанниц, учившихся вместе с Кондауровой, не было: администрация просто не разрешила им появляться здесь, опасаясь «массового психоза».

Между тем разоблачения порядков, царивших в институте, продолжались. Дошло до того, что Смольный институт во всеуслышание обозвали «школой самоубийц». Как оказалось, только в 1906/07 учебном году пять смолянок покушались на самоубийство.

«В женских институтах для того, чтобы пересоздать женщину если не в цветок, то в говорящую (по-французски) куклу, применяется особый режим, который весьма близко напоминает тюремный, – возмущался газетчик «Петербургского листка». – Результаты известны... Теперь, когда повеяло свежим воздухом, здоровым, впечатлительным, чутким, увлекающимся девушкам стало еще тяжелее переносить затхлую атмосферу институтской тюрьмы. И они бросаются из окон... Не лучше ли, вместо того чтобы закрывать институтские окна железными решетками, широко открыть двери институтов? И выпустить на волю всех институтских пленниц»...

Порка в Петропавловке

В конце весны 1914 года по Петербургу поползли темные слухи, что в Петропавловской крепости творится беззаконие: будто бы по приказанию ее коменданта подвергли поголовной порке всех детей «низших военнослужащих». Виной стала провинность одного из мальчиков, бросившего камень в часового. Случилось это 11 апреля.

Слухи просочились в газеты и дошли даже до Государственной думы, вызвав всеобщее возмущение «дикой расправой». Как уверяли, не найдя конкретного виновного в инциденте, комендант крепости генерал Данилов приказал родителям или оставить службу в крепости, или «высечь примерно» своих детей.

Чтобы пресечь слухи, репортер одной из газет занялся собственным расследованием произошедшего. Поскольку Данилов отбыл в командировку на Кавказ, он обратился к помощнику командующего войсками Санкт-Петербургского военного округа генералу от артиллерии Фан-дер-Флиту. «Слухи о поголовной порке детей низших военных чинов в Петропавловской крепости сильно преувеличены, – отвечал он. – Телесное наказание было применено не к двадцати мальчикам, как уверяют, а всего к одному – сыну жандармского унтер-офицера. Этот мальчик проявил совершенно недопустимое озорство. Он бросил камнем в часового и был застигнут на месте своего проступка. Несколько других мальчиков также бросали камнями в солдат, но уличить всех виновных детей не удалось».

Фан-дер-Флит подтвердил, что генерал Данилов действительно отдал строгий приказ родителям или покинуть службу в крепости и увезти детей, или же остаться на службе, но подвергнуть своих чад «примерному отеческому наказанию». Унтер-офицер, сын которого был уличен в «проступке», «примерно наказал сынишку». Другой унтер-офицер отказался высечь своего ребенка и, оставив службу в крепости, уехал в деревню.

Кроме того, Фан-дер-Флит опроверг слухи, что мальчика секли крайне жестоко: «ему нанесли только пять ударов розгами». Врач Петропавловской крепости доктор Троицкий заявил, что ни при какой экзекуции не присутствовал, и вообще врачебный персонал не имел никакого отношения к инциденту.

Поскольку вопрос о порке в Петропавловской крепости продолжал будоражить публику, спустя еще несколько дней последовало официальное разъяснение Главного штаба. В нем впервые прозвучали конкретные имена нашкодивших унтер-офицерских детей. Ими оказались 12-летний Егор Савельев и 10-летний Миша Корзенков. Отец Егора выпорол сына «во исполнение распоряжения коменданта», а отец Миши Корзенкова пороть ребенка отказался и просил отправить свою семью в деревню, на что последовало разрешение коменданта.

Месть кронштадтского гимназиста

В начале 1910-х годов столицу застигла «эпидемия самоубийств». В сентябре того же 1911 года ее летопись пополнил совершенно дикий и нелепый случай. В кронштадтской мужской гимназии ученик сначала попытался убить своего учителя, а затем покончил с собой. Заголовки газет гласили: «Кровавая драма в гимназии»...

Среди учеников кронштадтской мужской гимназии уже давно замечались ненормальные отношения с преподавателем физики надворным советником Белавиным. Гимназисты говорили, что своими каверзными вопросами Белавин сбивал с толку лучших по его предмету учеников и вообще не отказывал себе в удовольствии поиздеваться над ребятами, показать свою власть.

Достаточно сказать, что только за две первые недели сентября 1911 года он умудрился поставить 23 двойки! Гимназисты просили его быть более снисходительным, но все было напрасно.

Неожиданная развязка последовала утром 17 сентября 1911 года. В тот день ученик 7-го класса Петр Гаврилов явился в гимназию сильно взволнованным. Видимо, он уже заранее продумал свой план мести: он тщательно готовился к «судному дню» над зарвавшимся учителем.

На уроке физики Белавин вызвал Гаврилова к доске и поставил ему плохую оценку, грубо заметив, что виной всему – пропущенные уроки. А дальше случилось то, чего никто совершенно не ожидал. Гаврилов выхватил из кармана револьвер и выкрикнул: «На тебе, мерзавец! Вот тебе за все!» Прогремели два выстрела. Несмотря на близкое расстояние, Гаврилов промахнулся: пули застряли в стене, а Белавин в ужасе бросился бежать из физического кабинета.

На Гаврилова тут же набросились его одноклассники, чтобы отнять револьвер, но они не успели этого сделать: тот направил пистолет себе в рот и выстрелил. Когда в физический кабинет примчалось гимназическое начальство, юный самоубийца был уже мертв. В его кармане нашли письмо, адресованное матери. В нем, среди прочего, Гаврилов сообщал, что еще два года назад убедился в своей неприспособленности к жизни, но не находил подходящего случая, чтобы покончить с собой.

О Петре Гаврилове знали немного. Он был сыном фельдшера, скончавшегося несколько лет назад. «Тихий, спокойный и впечатлительный, Гаврилов производил на всех знавших его и товарищей прекрасное впечатление, – сообщала подробности одна из петербургских газет. – За последнее время, в особенности в конце прошлого учебного года, Гаврилов стал жаловаться на боль в груди и на сильное расстройство нервов. Врачи обнаружили у него зарождающийся туберкулез с сильным понижением питания»...

Самоубийство жениха-офицера и юного гимназиста являлись характерными примерами поразившей тогда столицу «эпидемии самоубийств». Действительно, ситуация с суицидами в Петербурге в начале 1910-х годов являлась просто катастрофической. Когда столичное статистическое отделение представило данные о самоубийствах и их попытках в Петербурге за 1912 год, то их общее число равнялось 1207. Это было на 42 случая больше, чем в 1911 году, но на 366 меньше, чем в 1910 году. Так что можно было говорить, в определенном смысле, о «положительной динамике» вопроса.

Из всего числа случаев покушения на самоубийство (1207) смерть последовала в 264 случаях. Наиболее распространенным способом попытки ухода из жизни являлось отравление (807 случаев – 66,9 % от общего числа), затем следовали употребление оружия, утопление и удушение. Кроме того, было зафиксировано два случая самосожжения.

Наибольшее число случаев суицида, как показывала статистика, приходилось на февраль, март, апрель и май, а наименьшее – на август. Среди самоубийц преобладали мужчины в возрасте от 18 до 50 лет: их оказалось 633.

Что же касается причин самоубийств и покушений на них, то их причины выяснили почти в половине случаев. В первую «тройку» причин расстаться с жизнью вошли злоупотребление спиртными напитками, безработица и отсутствие средств к существованию, а также семейные неприятности. Затем следовали разочарование в жизни, неудачная любовь, ревность, измена любимого человека, неизлечимые болезни, растрата или потеря денег. Порой среди причин суицида значились неприятности по службе, боязнь наказания и неудачи в торговле.

«Вертеп азарта» в русской Бастилии

Петербург в начале XX века называли одним из самых «азартных» городов. На одном Невском проспекте в начале века существовало полтора десятка подпольных «игорных притонов».

«Азарт по-прежнему процветает в Петербурге, – писала одна из столичных газет. – Самоубийства, растраты, гибель талантливых людей, разорение от увлечения игрой по-прежнему питают газетную хронику. Не действуют на игроков грозные примеры, бессильны полицейские меры, не обращают они никакого внимания на нравственное осуждение азарта, как это было у присяжных поверенных».

Подпольные азартные клубы преследовались полицией, и даже петербургский градоначальник не раз указывал полиции принять самые строгие меры к их искоренению. Чтобы не попасться в руки полиции, организаторы притонов обычно снимали сразу несколько квартир в разных частях города в пользование какому-нибудь отставному чиновнику и даме. Один день играли на Васильевском острове, назавтра ехали на Петербургскую сторону, а потом отправлялись на Лиговку, чтобы дворники не обращали внимания на слишком частые посещения «гостями» одной и той же квартиры.

«Бацилла» азартных игр проникала даже в самые строгие заведения Петербурга. В игорном мире долгое время носились слухи о таинственном клубе в Петропавловской крепости. Поговаривали, что там сутки напролет идет азартная игра, в которой принимают участие не только господа, но и дамы.

«Игорный притон в Петропавловской крепости! – возмущался обозреватель „Петербургской газеты“. – Надо же до этого додуматься! Кому придет в голову, что офицер откроет игорный притон у себя в квартире».

Действительно, за толстыми стенами «русской Бастилии», ворота которой так тщательно охранялись часовыми, обосновался «клуб-притон». Дело в том, что в крепости, представлявшей настоящий «город в городе», совершенно изолированный от всего остального Петербурга, находилось несколько домов, отведенных под квартиры служивших тут офицеров. Одним из жильцов этого городка являлся некий полковник В-ий, известный среди столичных профессиональных игроков как мастер карточной игры и руководитель нескольких клубов, закрытых по распоряжению городских властей.

Свою квартиру в крепости полковник-игрок предоставил под тайный азартный клуб. Нахождение его в Петропавловской крепости давало игрокам все гарантии безопасности. Число завсегдатаев клуба составляло около полусотни. Игра у полковника начиналась в десять часов утра и продолжалась до времени закрытия крепостных ворот. А если затягивалась, то гости оставались ночевать у радушного «хозяина-хлебосола».

Постепенно слухи о безобразии, творившемся за стенами Петропавловки, стали усиливаться. Крепостное начальство изо всех сил оберегало «военную тайну» и хранило полное молчание.

Тайну притона выдала одна из проигравшихся в нем дам, которая после крупного проигрыша не выдержала и помчалась жаловаться. Ближайшим вершителем справедливости оказалось крепостное управление.

– В крепости игорный притон! – сообщила она с порога. – Меня обыграли дочиста!

– Это слишком серьезно, что вы говорите, – ответил дежурный и послал за начальством. Свои обвинения проигравшаяся дама повторила коменданту крепости барону Сталь фон Гольштейну...

Ходили слухи, что притон в крепости еще долго бы оставался нераскрытым, если бы не жадность его хозяина-полковника. Он отказал даме в возврате проигранных денег, необходи-

мых ей для уплаты по векселю. Та пригрозила, что нажалуется, но полковник решил, что все это пустая дамская болтовня. И просчитался!

«Заявление этой дамы подтвердилось, – сообщили репортеру «Петербургской газеты» в крепостном управлении. – Квартира В-го была осмотрена, и хотя он и несколько бывших в его квартире лиц заявили, что играли в преферанс, по всем признакам, шла азартная игра. В гостиной большой казенной квартиры оказались столы для игры в макао, а многие игроки попрятались кто куда. Теперь все кончено! Крепостной клуб закрыт!»

Налог на холостяков

В начале прошлого века в Петербурге наблюдалось «сильное преобладание мужского пола над женским». Связывалось это с тем, что стремительно развивавшаяся тогдашняя столица России постоянно нуждалась в рабочей силе. Любопытный факт: в структуре петербургского населения по состоянию на 1900 год почти половину всех мужчин (от 16 лет) составляли холостяки, а незамужние женщины – чуть больше 40 процентов всего женского населения Петербурга старше 16 лет. Складывавшаяся демографическая ситуация серьезно беспокоила городские власти. Раздавались даже предложения о введении специального «налога на холостяков».

«Я – старый холостяк, – заявлял депутат Государственной думы Каменский, – и с удовольствием платил бы налог в пользу многосемейных, сознавая, что избавлен от множества обязанностей, лежащих на отцах семейств».

Сторонники налога на холостяков ставили в пример некоторые европейские страны, где также были обеспокоены демографической проблемой. Во Франции шли разговоры о введении налога на холостяков с целью заставить их жениться и тем самым способствовать увеличению рождаемости. В Швейцарии введение подобного налога объясняли желанием облегчить налоговое бремя для многосемейных. «У нас, по поводу предполагаемого подоходного налога, считают необходимым установить для холостяков повышенное обложение по сравнению с женами», – отмечал обозреватель одной из петербургских газет.

Однако многие из тех, кто в силу своих государственных забот решал демографическую проблему, не пришли в восторг от идеи ввести налог на холостяков. «Нельзя всех холостяков обкладывать одной данью, да и было бы весьма несправедливо, если бы вы заставили холостого мужика платить в пользу многосемейного чиновника», – категорически высказывался член Государственного совета Кобылинский.

А по мнению заведующего статистическим отделением столичной Городской управы приват-доцента Степанова, ошибались те, кто думал увеличением числа браков усилить деторождение. «Петербургская статистика показывает, что прежде всего надо позаботиться о борьбе с детской смертностью, – считал он. – В Петербурге умирает пятьдесят процентов младенцев. Вот о чем надо подумать».

Другой причиной демографического кризиса называли увеличивающуюся день ото дня «расшатанность семейных нравов». По словам известного в Петербурге адвоката Адамова, почти каждый день к нему приходили лица обоего пола, которые жаловались на то, что решили разойтись вследствие неудачной семейной жизни.

«Никогда, кажется, семейные узы не были так слабы, а брачные узы так легко порывались, как в настоящее время, – говорил Адамов. – Наше время, очевидно, отмечено брожением не только в других областях жизни, но и в сфере семейной. Грустно, что во всей этой безурядице приходится страдать ни в чем не повинным детям, о которых менее всего думают супруги, так легко расходящиеся друг с другом».

«Пора положить конец владычеству моды!»

Очаровательные петербурженки во все времена стремились следовать капризам переменчивой моды. Модные веяния, как и сегодня, приходили в Петербург из Европы, причем едва ли не каждый сезон приносил что-то новое. Немалая часть петербуржцев возмущалась современными нравами. К примеру, немало раздражало добропорядочную публику появление на улицах забывших обо всех правилах светского тона дам в «шароварах». Это вызвало настоящую бурю общественного негодования почти во всех европейских столицах, где в начале XX века модницы захотели ввести новую моду в виде изящных шаровар.

Когда в начале 1910-х годов дамские шаровары стали проникать и в Петербург, они тоже поначалу вызвали бурю гнева. Газеты были заполнены едкими карикатурами на «дам в шароварах», а гостившая в Северной столице парижская актриса Роджерс назвала этот костюм безобразным, заявив в интервью, что «далее этого в смысле безобразия идти некуда. Ошибаются, думая, что эта мода получила или получит права гражданства».

Осенью 1911 года петербургские мужчины были изрядно шокированы очередным «писком моды»: на смену «развязно-просторному» кринолину пришла коротенькая юбочка, едва доходящая до колен. И снова негодованию «борцов за нравственность» не было предела. Особенно их возмущало то, что дамы оказались во власти законодателя моды французского модельера Пакена: скажи он только слово, и они оденутся в костюм Евы...

7006 1911 НИВА 1913 № 35.

Великолепный бюст Сь рачательствомъ въ теченіе мѣсяца. Благодаря несложному способу, посредствомъ котораго каждая женщина легко можетъ увеличить свой бюстъ до любыхъ размѣровъ и придать ему желаемую упругость, я помогаю тысячамъ женщинъ добиться идеальнѣйшаго развитія бюста.

Бесплатно для читательницъ.

Благодаря случайному открытію, сделанному нѣсколько болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ М-мъ Мерлянь, тысячи женщинъ обладаютъ въ настоящее время великолѣпными бюстами и безукоризненными формами. Это открытіе прославило имя изобрѣтательницы по всему свѣту. М-мъ Мерлянь, принимая новое средство для восстановления расшатаннаго здоровья, вдругъ замѣтила, что ея бюстъ сталъ увеличиваться въ объемѣ и не болѣе какъ черезъ мѣсяць пополнилъ на 6 дюймовъ.

Когда объ этомъ обстоятельстве узнали врачи, то они тотчасъ же рѣшили испытовать это новое употреблявшееся М-мъ Мерлянь средство на 10 другихъ дамахъ, страдавшихъ отсутствіемъ бюста; результаты, достигнутые послѣ примѣненія упомянутаго средства въ течение всего лишь нѣсколькихъ дней, привели въ изумленіе представителей научнаго медицинскаго міра, а черезъ нѣсколько недѣль, каждая изъ 10 дамъ стала обладательницей великолѣпнаго, пышнаго бюста. Подобный же опытъ былъ затѣнъ произведено на 50 дамахъ съ плоскими бюстами и снова были получены такіе же блестящіе результаты.

М-мъ Мерлянь представляетъ собою наглядный примѣръ могучей силы ея удивительнаго средства. Многие находятъ, что она обладаетъ самымъ красивымъ бюстомъ и наилучшіе совершеннѣйшіе формы изъ всѣхъ дамъ въ Европѣ; ея поразительное открытіе особенно замѣчательно тѣмъ, что оно помогло не только М-мъ Мерлянь лично и тѣмъ дамамъ, на которыхъ производились спеціальныя опыты, но и дало поразительно успѣшные результаты даже въ такихъ случаяхъ, когда были перепробованы безъ всякаго успѣха разныя пиллы, массажи, наски и прочія рекламируемыя средства.

Г-жа Е. И. Бекетъ, Ридингъ, Чолмси, Розъ Нв. пишетъ:—«Съ тѣхъ поръ, какъ я стала применять методъ „Венусъ Карнисъ“ мой бюстъ пополнилъ на 4 дюйма, за что прошу Васъ мою искреннѣйшую благодарность».

Г-жа де Жисковская, Парижъ, сообщаетъ:—«У меня была совершенно плоская, вялая грудь; благодаря же Вашему чудесному методу я обладаю въ настоящее время упругимъ, пышнымъ бюстомъ, приволяющимъ всѣхъ въ изумленіе. Я тѣмъ болѣе Вамъ благодарна, что до Вашего метода я перепробовала массу другихъ средствъ, не принесшихъ мнѣ ни какой пользы».

Г-жа Дасонъ, Банъ, пишетъ:—«Глубокая вялость на шеѣ, приводившая меня въ отчаяніе, совершенно исчезла. Грудь окрѣпла, стала упругой и значительно пополнила, такъ что я могу теперь совершенно свободно, ничуть не стѣсняясь, носить туалеты съ глубокимъ вырѣзомъ».

Г-жа Макъ Гв, Кольвинъ-Бай, Валлисъ, сообщаетъ:—«Еще недавно у меня была совершенно плоская, неравнѣтная грудь, и мнѣ доставлять громадное удовольствіе сообщить Вамъ, что въ настоящее время она стала упругой и пополнила именно настолько, какъ мнѣ захотѣлось. Кроме того я чувствую себя вообще значительно лучше и бодрѣе, чѣмъ прежде».

Г-жа Дитрихъ, Лейпцигъ, Германія, пишетъ:—«Я не нахожу словъ выразить Вамъ свой восторгъ, такъ какъ никогда не воображала, чтобы возможно было на самомъ дѣлѣ добиться такихъ блестящихъ результатовъ; я уже нѣсколько лѣтъ подъ радъ хворала и постоянно принимала разныя лекарства, мѣняя ихъ безъ конца одно за другимъ, а теперь я не только обладаю великолѣпнымъ пышнымъ бюстомъ и красивымъ тѣломъ, но и общее состояніе моего здоровья значительно улучшилось».

Докторъ медицинскій Колонне, Парижъ, заявляетъ:—«Я твердо убѣжденъ, что методъ „Венусъ Карнисъ“ является для каждой женщины, независимо отъ возраста и состоянія здоровья, единственнѣйшимъ вѣрнымъ средствомъ, способнымъ развить бюстъ и придать ему красивую форму».

Докторъ Доминикъ Скуцио, Прага Савинна—Италія, сообщаетъ:—«Подтверждая мои предыдущія письма относительно метода „Венусъ Карнисъ“, съизъ мнѣю честь уведомить Васъ, что моя пациентка употребляла упомянутый методъ и осталась чрезвычайно довольна достигнутыми ею дѣйствительно поразительными результатами. На основаніи этого, я могу съ увѣренностью сказать, что Вашъ методъ прямо безподобенъ и ни одинъ изъ другихъ однородныхъ методовъ, претендующихъ на такую же дѣйствительность, не можетъ съ нимъ сравниться».

Въ архивѣ моей конторы вѣдятся сотни отзывовъ, подобныхъ вышеприведенному, а равно и масса фотографическихъ карточекъ, снятыхъ съ натуры съ промежутокъ въ 1 мѣсяць между началомъ и окончаніемъ примѣненія этого замѣчательнаго метода. Вы можете посылать въ намъ въ контору и удостовериться во всемъ лично, а если это почему-либо для Васъ неудобно, то вѣтрѣбите отъ меня упомянутыя доказательства писемомъ и я съ величайшимъ удовольствіемъ вышлю Вамъ совершенно бесплатно въ науду запечатанномъ конвертѣ подробна свѣдѣнія и точна справка относительно способа, посредствомъ котораго Вы можете развить свой бюстъ до любого размѣра и придать ему желаемую упругость. Пршите только 7 коп. марку на почтовые расходы и я ручаюсь, что у Васъ будетъ черезъ мѣсяць великолѣпный бюстъ, независимо отъ того, какъ бы малъ онъ ни былъ въ настоящее время. То, что этотъ методъ сдѣлалъ для другихъ, то онъ совершитъ и для Васъ. Воспользуйтесь сегодня же помѣщеннымъ ниже свободнымъ талономъ.

Бесплатный талонъ на получение роскошнаго бюста въ теченіе одного мѣсяца.

Вѣрѣвая настоящій талонъ и приложивъ семикопеечную марку на почтовые расходы, отправьте его сегодня же, указавъ Ваше имя, отчество, фамилію и

Как и сегодня, дамам предлагалось немало средств для улучшения своих природных форм. Этот бесплатный «талон» обещал «получение роскошного бюста в течение одного месяца»

«Мода не знает прогресса, мода не считается со вкусом, — замечал обозреватель одной из газет. — Сегодня она стягивает, как в шоры, прекрасные женские формы, а завтра она совершенно скроет их от нескромно-любопытного взора современного эстета. Но, mesdames, не пора

ли положить конец владычеству госпожи моды? Надо ли и можно ли бороться с крайностями моды? Как влияет увлечение модами на весь душевный склад женщины, не нужна ли реформа женского костюма?»

Поскольку этот вопрос казался весьма актуальным, «Петербургская газета» в сентябре 1911 года провела специальный опрос писательниц, артисток и общественных деятельниц. Практически все они выступили против того, чтобы петербуржцы слепо следовали моде и подчиняли свою жизнь «погоне за тряпками». Это позволило обозревателю газеты резюмировать: «Долой моду! Да здравствует свободный и по личному вкусу сделанный туалет, да здравствует свобода костюма и... женщины».

Иллюстрации со страниц, посвященных современной моде. Журнал «Женская жизнь», лето 1915 г.

«Увлечение многих женщин модами доказывает их полное душевное оскудение, – заявляла председательница общества защиты прав женщин О.В. фон Кубе. – Не горькая ли ирония судьбы кроется в том, что как раз теперь, в эпоху напряженной борьбы женщин за равноправие, за свободу своих действий в общественной жизни, большинство женщин опутывает свои ноги узкими юбками. Неужели нашим модницам не стыдно, что над ними, захлебываясь, смеются и журналы, и газеты, и люди?»

По мнению писательницы Е.А. Чебышевой-Дмитриевой, погоня за крайностями моды служила первым признаком «рабского положения женщины». «Пока женщина от этого признака не отрешится, она не будет свободна, – заявила Евгения Александровна. – Мода отвлекает женщину от всего идеального, возвышенного, разумно-прекрасного, и не оттого ли у нас так много пустеньких, „кисейных“ барышень и дам».

Участовавшие в опросе петербургские актрисы не были столь категоричны, как общественные деятельницы. «Артистка – законодательница мод, – уверяла В.Ф. Лин (впоследствии основательница «Театра миниатюр Валентины Лин»). – Хвастать не хочу, но когда я за границей одела кофточку с большим английским жабо, многие переняли и стали носить такого же фасона кофточки. Нынешняя мода самая изящная из всех когда-либо бывших».

Что же касается «реформы костюма», то артистки выступали яркими приверженками узких юбок и резко отрицали кринолин, поскольку, по их мнению, бесчисленные кружева и оборки кринолина способны «толстить» даже самую нежную и изящную фигуру. «Я ни за что не одену кринолин, ни за что! – негодовала В.М. Шувалова. – Худенькой себя не считаю, а безобразно толстой в кринолине быть не хочу. По-моему, одеваться надо не столько соображаясь с модой, сколько с личным вкусом. Вот вошедшие теперь в моду белые шелковые чулки мне нравятся. Вот это, действительно, красиво и изящно».

Но наиболее категоричной оказалась Н.В. Дулькевич. «Я никогда не придавала особого значения тряпкам и никогда не увлекалась модой до самозабвения, – гордо заявила она. – Женщины, по-моему, не должны увлекаться модой. Если во всем хороша умеренность, то в одежде она также нужна и также целесообразна».

«Петербургжцы не знают о своих музеях»

В начале прошлого века в Петербурге насчитывалось до полусотни музеев, что давало ему право, как и сегодня, претендовать на звание «культурной столицы». Однако, справедливости ради, надо сказать, что количество не всегда соответствовало качеству. Потребности и запросы публики порой далеко не совпадали с предложениями со стороны музеев, и наоборот.

Порой возникали совершенно анекдотичные ситуации: музеи, которыми Петербург мог бы по праву гордиться, являлись заведениями, доступными лишь крайне ограниченному кругу лиц. Речь идет о двух исключительных и единственных в своем роде музеях – Пушкинском и Лермонтовском. Первый находился в стенах Александровского лицея, второй – Николаевского кавалерийского училища. Для посещения первого требовалось специальное разрешение директора лицея, для обозрения второго – специальное дозволение начальника училища.

«Бедные музеи русских писателей! – сетовал в начале 1905 года обозреватель журнала «Русский турист». – Неужели же они не достойны таких же прав, какими пользуются музеи оружия, музеи чучел животных, картин и пр.? Неужели нельзя сделать единственные на весь Петербург два музея русских писателей доступными для всех без всяких формальностей и разрешений?»

Именно корпоративная замкнутость некоторых столичных музеев служила причиной того, что петербургская публика оказывалась порой лишенной возможности приобщиться к собственному культурному наследию. «Петербургская публика не слишком жадна до посещения музеев, – констатировал в начале 1910-х годов один из газетных обозревателей. – Не забавно ли: количество всех музеев в столице доходит до пяти десятков, а многие ли петербуржцы догадываются о существовании даже хотя бы одной трети из них!» Одну из причин этого он видел в узкой специализации многих музеев: к примеру, существовал в Петербурге музей глиноведения, но знали о нем немногие, хотя находился музей в самом центре города.

Одними из наиболее посещаемых столичными обывателями музеев были Эрмитаж и музей Александра III (Русский музей), а также Зоологический музей. Однако режим работы последнего вызывал массу нареканий со стороны публики. Газета «Вечернее время» даже посвятила в январе 1913 года этому вопросу специальную заметку, озаглавив ее «Забаррикадированный музей».

«Хозяйке зоологического музея – Академии наук, очевидно, вовсе не нравится такое предпочтение ее музею, – говорилось в заметке, – и нужно только удивляться, до каких, поистине, адски-коварных ухищрений додумалась она в настойчивых стараниях сократить посещение публики до возможного минимума». Посудите сами: дни осмотра музея распределялись следующим «заманчивым образом»: музей работал пять дней в неделю, но и то лишь с 11 часов утра до 3 часов дня.

По понедельникам и четвергам музей был закрыт, не работал он также и в праздники – в Новый год, в первые три дня Пасхи, в три дня Рождества, а также с 15 июня по 1 августа. При этом во вторник входной билет стоил 70 копеек с персоны, по средам – 25 копеек, а по выходным музей работал бесплатно.

«Нельзя не согласиться, что дабы заучить и запомнить это хитро запутанное расписание, нужно обладать далеко незаурядными способностями и памятью», – с едким сарказмом восклицал автор заметки в «Вечернем времени» и предлагал программу действий для «повышения пользы и значения этого действительно великолепного и интересного музея».

Во-первых, отменить вообще платный вход – сделать музей бесплатным. Во-вторых, открыть доступ в музей ежедневно, кроме уж очень важных праздников, причем «в более светлые месяцы продолжить присутствие публики в музее елико возможно». И, в-третьих, поса-

дять в музее специальных сотрудников, которые давали бы публике необходимые объяснения. Что ж, некоторые из этих предложений актуальны и по сей день...

«Театр ужасов»

В начале января 1909 года в Петербурге на Литейном проспекте появился «театр сильных ощущений», а если проще – «театр ужасов». Заведение принадлежало известному в столице антрепренеру Казанскому, который перед этим уже открыл два театра – «Невский фарс» и «Модерн».

«В „Фарсе“ предприимчивый антрепренер угождает потребностям смеха, – писал обозреватель. – В театре „Модерн“ он развлекает публику последним словом электрофотографической техники. В Литейном будет пугать».

Действительно, театр на Литейном, 51, в доме графа С.Д. Шереметева, готовил петербуржцам, желавшим пощекотать нервы, всевозможные ужасы. В афишах предупреждалось, что лицам со слабыми нервами смотреть спектакли «Литейного театра В.А. Казанского», где будет представлен репертуар пьес парижского «Grand Guignol» («Театра сильных ощущений»), не рекомендуется.

«Народился еще новый театральный зал, он помещается в доме графа Шереметева и переделан из манежа, – сообщал репортер. – В нем пока сырые стены, некрашенные коридоры и буфетные комнаты».

Казанский поставил дело на коммерческий поток: он держал один актерский состав на «Невский фарс» и театр на Литейном, то есть одни и те же актеры в одном театре веселили публику, а в другом играли садистов, маньяков, сумасшедших либо их жертв. Среди артистов встречались люди весьма талантливые, в том числе выпускники Императорского театрального училища, уже завоевавшие себе популярность на провинциальных и столичных сценах. Как говорилось в афишах, «участвует вся специально приглашенная для этого нового жанра труппа с известной чешской артисткой Б.Ф. Белла-Горской во главе».

На премьере зрителям представили пьесы, которые повергли публику в шок. В первой пьесе, под названием «Лекция в Сальпетриэре», рассказывалось, как доктор-психиатр изнасиловал загипнотизированную им пациентку, за что последняя плеснула ему в лицо серной кислотой. На сцене демонстрировались душераздирающие вопли человека, лишившегося зрения, и его черное, обожженное кислотой лицо.

В другой пьесе, «Мороз по коже», проститутка убивала соперницу в ночном кабачке. В третьей, под названием «Система доктора Гудрона», фигурировал журналист и его приятель, посетившие из любопытства дом умалишенных. Они приняли одного из пациентов за доктора, а созванных им гостей – за его родных и друзей. Под влиянием грозы больные приходят в иступление и пытаются вырвать у журналиста глаза, а его приятеля выкинуть в окно. Затем на крик несчастных вбегает смотритель со сторожами и освобождает их от озверевших сумасшедших, после чего из соседней комнаты выносят труп директора больницы с перерезанным горлом.

И, наконец, последняя пьеса, «Гильотина», рассказывала о музее редкостей, в котором находилась копия парижской гильотины. По настоянию любительницы сильных ощущений, ее возлюбленный кладет голову на стойку гильотины. Тут появлялся муж этой женщины и решает отомстить любовнику своей жены. Хозяин музея собирает деньги у посетителей музея, желавших посмотреть кровавое зрелище. И только за минуту до окончания драмы он объявляет, что бритва – ненастоящая.

Как сообщали репортеры, от зрелища подобных ужасов публика в зале возбуждалась «до белого каления». «Вообще, видно старание артистов натуралистически изображать ненормальных людей», – замечал современник. Идя навстречу пожеланиям публики, антрепренер Казанский добавлял в репертуар театра все новые и новые страшилки – с патологическими и

изощренными убийствами. Вот лишь некоторые названия пьес – «Смерть в объятиях», «На могильной плите», «Час расплаты», «Последний крик» и т. п.

Появление «театра сильных ощущений» стало заметным явлением в жизни Петербурга. Критики гневно обвиняли театр в «антихудожественности». Впрочем, и возникновение этого театра, и столь бурный интерес к нему публики вовсе не были случайными. В те годы столичная интеллигенция переживала острый кризис, порожденный ужасами совсем недавно подавленной «смуты» – потом ее назвали первой русской революцией.

Разочаровавшись в прежних ценностях «народолюбия», общество лихорадочно искало другие идеалы. Именно тогда в среде столичной публики стало модным говорить о самоуничтожении, любви к смерти. Корней Иванович Чуковский отмечал в обзоре сезона 1908/09 годов сильнейшую вспышку некрофильства в литературе.

Впрочем, прошло всего два месяца, и петербургской публике наскучили ужасы от антрепренера Казанского. Постепенно зрители пресытились зрелищем маньяков и садистов и перестали устраивать аншлаги в театре на Литейном. Осенью 1912 года в театр, который стал называться «Мозаика», пришел новый главный режиссер – известный актер Александринки Г.Г. Ге. К тому времени Казанский уже не являлся владельцем театра, а был только его главным режиссером. Судьба его сложилась печально: в 1913 году он умер в нищете, и деньги на его похороны собирали по подписке...

Вернуть праздник Масленицы!

Мы привыкли жаловаться на жизнь, говоря, что раньше все было гораздо лучше. И жизнь была лучше, и люди были лучше, и зима была снежная... Причем это пресловутое «раньше» может измеряться и годами, и десятилетиями, а порой и столетиями. Главное – раньше было лучше, чем сейчас.

Впрочем, мы вовсе не изобретаем велосипед: сетования на то, что «вот раньше-то было время, а теперь все не так, как прежде», характерны для всех времен и поколений. Поэтому, когда сегодня говорят о нынешнем упадке нравов, утверждая, что вот раньше-то все было иначе, воспринимайте это с изрядной долей скептицизма: ничто не ново в нашем мире. Как говорится, «в старину живали деды веселей своих внучат».

К чему все это предисловие? Вы никогда не угадаете: мы будем говорить о любимом празднике – Масленице. Век назад, в эпоху «блистательного Санкт-Петербурга», петербуржцев вдруг охватила ностальгия по прежней разгульной Масленице, с веселыми балаганами, народными представлениями, катальными горками и каруселями. Прежней – той, что была в эпоху бабушек и дедушек. Тогда праздничные гуляния устраивались возле Адмиралтейства, а также на Царицыном лугу – Марсовом поле.

«Наши деды и бабушки, конечно, веселее проводили дни русского карнавала, – уверял в феврале 1914 года журналист «Петербургской газеты». – Были балаганы, вейки, тройки и блины, блины, до потери сознания. Целую неделю стоял какой-то угар веселья, и даже на улице пахло блинным чадом. Теперь из всей этой праздничной шумихи остались только блины, да и те едят как-то мало. Петербуржцы недовольны, они хотят возрождения гуляний».

Знаменитые петербургские деятели искусства того времени были едины во мнении: надо вернуть прежнюю Масленицу! Раньше было лучше! «Прежнюю Масленицу вспоминаю с большим удовольствием, – говорил художник Константин Маковский. – А теперь совершенно другие интересы, и публика другая. И, ей-богу, прежде было гораздо меньше пьяных! Люди были „выпивши“, но не были пьяными».

Известный в ту пору писатель и драматург Игнатий Потапенко обращал внимание, что прежде Масленица являлась единственным в России праздником улицы. «Теперь же она существует лишь для людей богатых, могущих платить десять рублей за вход на разные маскарады. Простому человеку остается только пить водку, да и то дома».

«Конечно, прежде жилось лучше, – выражала общее настроение знаменитая актриса Варвара Стрельская. – Нынче и блинов-то не умеют есть, как следует. Все больные, все жалуются на желудки».

Чтобы вернуть прежний праздник Масленицы, в Петербурге возникло даже специальное «общество защиты старины», в которое, в частности, вошел художник Николай Рерих. «Может быть, что-нибудь из этой затеи и выйдет, – говорил Николай Рерих. – Я лично убежден, что это будет красивое зрелище. Ведь нынешняя масленица не имеет того ритуального значения, какое она имела прежде, когда это был всенародный праздник, связанный с проводами зимы».

«Общество защиты старины» предполагало зимой 1915 года возродить балаганы и катания на Марсовом поле. Но, увы, этим планам не суждено было сбыться: началась Первая мировая война...

От тюрьмы и от сумы не зарекайся...

«Петербургские улицы полны нищих!» – возмущались современники век назад.

Прошло сто лет, и сегодня мы можем сказать то же самое: питерские улицы все так же полны нищих. Сменились эпохи, нравы, государственное устройство, а борьба с нищетой так и осталась животрепещущей проблемой...

Нищая братия

«На улицах масса нищих, и среди них встречаются такие отъевшиеся, здоровенные, краснощекие, лицо – как пузырь, субъекты, что невольно вызывают негодование прохожих, – возмущался известный бытописатель городского дна, журналист Анатолий Бахтиаров, который для изучения городских типов сам проводил время на городских свалках, где жили бродяги, в ночлежных домах, тюрьмах, загородных притонах. – Попадают молодые парни хулиганского типа и, наконец, семейные нищие – здоровенные мужики, с ребенком на руках и двумя-тремя малышами по бокам в виде декорации. Люди потеряли стыд, и нищенство стало своего рода спортом. Просят на конку, просят на покупку билета для проезда по железной дороге, авось подадут. Дошло до того, что нищие лезут теперь в квартиру обывателя с черного хода, притворяясь глухонемыми. А на улице они с одной панели то и дело перебегают на другую и ловят прохожего, выпрашивая милостыню».

Многотысячная армия петербургских нищих делилась на две группы – «тунеядцев», сделавших из попрошайничества выгодную профессию, и «несчастливых», лишенных или утративших возможность работать и потому не способных отстоять себя на рынке труда. К последним относились бомжи, по тогдашней терминологии – «бездомные», а также дети без крова и пристанища, которых полиция забирала прямо с улицы, и «добровольцы» – безработные, в бесплодных поисках куска хлеба дошедшие до отчаяния и явившиеся добровольно в особое присутствие с мольбой дать «хоть какой-нибудь заработок».

Огромное количество «нищей братии» являлись профессионалами и рецидивистами своего дела, которые благодаря сердобольной публике зарабатывали попрошайничеством неплохие деньги. «Старая истина, – замечал современник, – развитию нищенства способствует сама сердобольная публика, так охотно раздающая подачки».

Дело доходило до того, что у нищих, несмотря на их непреодолимую склонность к «хорошей выпивке», полиция сплошь и рядом обнаруживала по пять – десять рублей. Рассказывали, что однажды у одного крестьянина-попрошайки было при себе 660 рублей, заработанных не как-нибудь, а «честным трудом», благодаря милостыням состоятельных господ.

Нищие, просившие подаяние на кладбищах (их звали «могильщиками») и у церквей («богомолы»), были обеспечены лучше всех других среди «нищенской братии». Они составляли своего рода нищенские артели, которые выбирали своего старосту и имели своих осведомителей. Не случайно благотворительные учреждения Петербурга нередко попадались на удочку нищих-профессионалов и становились кормушками для откровенных бездельников.

Среди кладбищенских нищих попадались довольно зажиточные люди. К примеру, весной 1899 года полиция задержала на Митрофаньевском кладбище нищего, который оказался таганрогским мещанином Григорием Павловым. При нем оказалась книжка сберегательной кассы на 941 рубль и 707 рублей наличными.

...Случай, произошедший в Петербурге весной 1909 года, – лишнее подтверждение тому, что при умелой постановке дела нищенство могло приносить неплохой доход. Началась эта история с ареста полицией старшего дворника дома № 31 по Херсонской улице крестьянина Овчинникова. Он обвинялся в «хищении наследства» нищего Митрофанова, лет двадцать просившего подаяние у церкви Рождества на Песках. Этот нищий ни в какие «артели» не вступал и в заведения не обращался. Он являлся профессионалом-одиночкой. Народ на Руси сердобольный, и в кружку постоянно сыпалась мелочь, так что старик-нищий не бедствовал. Его нищенское «жалованье» позволяло снимать недорогую квартиру на Херсонской улице. Однако больше он денег ни на что не тратил: отличаясь чрезвычайной скупостью, долгие годы попрошайничества он складывал деньги в кубышку. Поговаривали, что накопил он за это время кругленькую сумму.

Когда он умер, дворник, служивший в доме, где квартировал нищий, прежде чем сообщить полиции о смерти одинокого жильца, подверг тщательному осмотру квартиру покойника. Компаньоном дворника в этом деле стал сосед Митрофанова – сапожник. В результате поисков они нашли ларец со сбережениями. В руки дворника и сапожника попала довольно крупная сумма. В числе ценностей, находившихся в ларце, оказались не только деньги, но и сберкнижка на восемьсот рублей.

После этого дворник, как и положено, сообщил о смерти нищего в полицию. Там ничего не подозревали о тайном богатстве нищего и распорядились похоронить его за казенный счет. Между тем материальное положение и дворника, и сапожника значительно улучшилось. Однако, как говорится, денег никогда не бывает много: сбережения нищего они довольно быстро потратили, после чего решили пожить и его сберкнижкой.

Находчивый дворник придумал, как подступиться к этим деньгам. Пользуясь своим служебным положением, он по всем правилам составил доверенность от имени покойного, затем засвидетельствовал ее в полицейском участке с припрятанным «на всякий случай» паспортом Митрофанова, после чего явился в сберкассу.

Будучи человеком осторожным, дворник Овчинников снял со счета только пятьдесят рублей. Поскольку все прошло спокойно, он стал заходить в сберкассу довольно часто, каждый раз снимая со счета небольшую сумму. Не прошло и двух месяцев, как деньги на сберкнижке стали подходить к концу. Дворнику так бы все и сошло с рук, если бы не последний поход в сберкассу, испортивший все дело.

Виной всему был сапожник – подручный Овчинникова, который обиделся на то, что его компаньон дает ему слишком мало денег. Испытывая безудержную черную зависть, он решил отомстить обидчику и «настучал» в полицию. После чего дворника застали в сберкассе прямо на месте преступления, как говорится, взяли с поличным. Отпираться было бесполезно, и ему пришлось во всем признаться. Сколько именно денег было присвоено дворником и его «компаньоном» по ограблению покойника, он не признался. Однако полиция полагала, что тайное «наследство нищего» составляло не меньше пяти-шести тысяч рублей...

Особенно спекулировали нищие на патриотических чувствах горожан: ну как тут не подать копейку-другую калеке, проливавшему свою кровь за отчизну на поле брани! Недаром в годы Русско-японской, а потом Первой мировой войны петербургские улицы, а по большей части Невский проспект, превратились, как иронично писал газетный репортер, «в филиальные отделения не то Кунсткамеры, не то паноптикума, где собирают коллекции уродов. И все это – не только жертвы войны. Большинство, несомненно, пороку и не нюхало. Разве что в садах народной трезвости, где героически настроенные приказчики упражняются в стрельбе из монтекресто. Монета безруким и безногим, ради их явного убожества, сыплется от прохожих в изобилии».

Почти все столичные калеки, взрослые и малолетние, составляли три большие артели, имевшие собственные «уставы» и поделившие между собой самые выгодные места «стоянки». Собрали в Петербург калек со всей России, главным образом из Западного края, несколько «антрепренеров», но потом калеки, почувствовав себя «свободными гражданами», отказались подчиняться своим благодетелям и объединились в артели.

«Дела артелей нищих идут блестяще, – писала одна из газет. – Средний заработок каждого калеки редко опускается ниже 6–8 руб лей в день. Калеки бережливее других нищих, трезвы и сбережения стараются вкладывать в процентные бумаги, пускают деньги в рост и т. д.». До появления «артелей калек» самым «аристократическим» нищенством считалось церковное, но калеки взяли пальму первенства.

Нельзя сказать, что в Петербурге не велась борьба с нищенством. Нет, напротив, существовали десятки и сотни благотворительных обществ и тому подобных заведений, регулярно проходили кружечные уличные сборы в помощь бедным и больным, но нищих меньше не

становилось. Проблема была настолько вопиющей, что даже градоначальнику приходилось издавать распоряжения, чтобы местные полицейские власти обратили внимание на сильное развитие в столице нищенства и принимали все меры к его искоренению, забирая «праздношатающихся» и бродяг в участок.

Но в полиции с ними не хотели разбираться – своих дел хватало. А потому их препровождали прямоком в особое присутствие по разбору и призрению нищих, которое в начале XX века в Петербурге занималось вопросами нищенства. Каждый день таких «клиентов» набиралось от 50 до 70 человек. Не позже чем за сутки присутствие должно было рассортировать попавшую в него «нищую братию», причем по каждому «клиенту» выносился соответствующий приговор.

Такая поспешность объяснялась тем, чтобы забранные нищие не сидели праздно на шее у присутствия, и чтобы в присутственном приюте не случилось чрезвычайного скопления нищих, так сказать, «затора нищей братии», их спешили скорее отправить на родину. Ведь нищих в Петербург поставляли почти все губернии европейской России, причем больше всего – Тверская, Ярославская, Новгородская и Псковская.

Впрочем, многие нищие, выпущенные из присутствия, вовсе не стремились бросать свое прибыльное ремесло. Говорят, как-то раз отправили в приют одного калеку-старика. Спустя несколько дней смотритель приюта в ужасе приехал в присутствие с мольбой:

– Ради Бога, не присылайте мне больше ваших клиентов! Ваш калека всех моих призреваемых взбунтовал: «Чего вы, – говорит, – здесь, идиоты, на брандахлысте больничном сидите, когда мы на воле по семь-восемь целковых подстреливаем!» Поднял на ноги весь приют – все в бега собрались...

Обычно к Новому году «комитет по нищим» подводил итоги своей деятельности. Вот лишь некоторые любопытные данные, позволяющие судить о масштабах нищенства в тогдашнем Петербурге. За 1907 год в столице за прошение милостыни на улице было задержано 15,5 тысячи нищих, из них 13 тысяч мужчин, а также больше 6 тысяч детей до 15 лет. Спустя три года статистика ненамного изменилась: за 1910 год через присутствие прошло 13,5 тысячи человек, из них нетрудоспособных оказалось только 800 бродяг, а действительно «убогих» и того меньше – всего 199 человек!

«Что же, наконец, делать с бедняком – самым неблагодарным существом на свете, о котором заботится государство в целом и миллионы личностей в отдельности? – с горечью вопрошала популярная в те годы писательница Лухманова. – Еще давать, еще строить приюты, больницы, богадельни, столовые; еще петь, декламировать, танцевать в пользу бедняка? Но это точно воду носить решетом из моря для поливки фруктового сада...»

«В царстве невежества, горя и слез»

В декабре 1910 года в Петербурге проходила очередная перепись населения. Самыми трудными объектами для счетчиков, проводивших перепись, являлись ночлежные дома. Обитавшая там публика зачастую гостеприимством не отличалась и не спешила встречать переписчиков с распростертыми объятиями.

Многие бездомные, ютившиеся в ночлежках, были встревожены переписью и спасались бегством на Горячее поле, излюбленное место хулиганов и бродяг, и на скотопригонный рынок. Когда на этот рынок явились счетчики, то они обнаружили беглецов-ночлежников забившимися в сено в конюшнях для скота.

После переписи полицейские хотели арестовать бродяг, но переписчики не дали этого сделать. Они заявили, что перепись не преследует карательных целей, а имеет задачей получить цифровые данные и в конечном итоге – улучшить жизнь горожан.

Перепись в ночлежках, как правило, проходила ночью, поскольку только в это время можно было застать их обитателей. Памятуя о случаях, бывших при предыдущих переписях постояльцев обиталищ «городского дна», многие из счетчиков запасались кое-каким оборонительным оружием на случай нападения.

Дезинфекционная камера в гостинице для рабочих. Фото К. Буллы. 1909 г.

В многоэтажном ночлежном доме на Обводном канале, 145, куда также пришли счетчики, нашли себе приют около девятистот бездомных.

«Распахнулись двери, и сразу же все почувствовали страшно тяжелую атмосферу, невыносимую для свежего человека, – запах человеческого тела смешался с запахом выпитого денатурированного спирта, который употребляется ночлежниками в самых широких размерах, – передавал свои впечатления один из участников похода в ночлежку. – На нарах не особенно

живописные группы: кто сидит, кто леж разговаривает, почти все разутые. Начинает кружиться голова от духоты и гама, царящего в помещении ночлежного дома».

У каждого обитателя ночлежки была своя история «грехопадения». Среди ночлежников, переписанных счетчиками на Обводном канале, оказались бывший кадет Александровского корпуса и бывший ученик одной из престижных петербургских гимназий.

Баня при гостинице для рабочих Попечительства о народной трезвости. Фото К. Буллы. 1909 г.

«В 1903 году я окончил кадетский корпус и думал поступить в юнкерское училище, – поведал свою историю бывший кадет, прикрывавшийся изодранным пиджаком, сквозь который просвечивало голое тело. – Слабые силы не позволили мне пойти на военную службу, и я поступил в банк. Однако несчастья обрушивались на меня одно за другим. Я начал манкировать своими обязанностями, в результате лишился службы и опустился до ночлежки. Рад бы вырваться, да поздно... Засосало».

Другой ночлежник, бывший гимназист, бравировал своей интеллигентностью. «Получил я от покойного папаша 62 тысячи рублей и прокутил все, – с надеждой на сострадание рассказывал он. – Сделался форменным алкоголиком, из гимназии выгнали, начал было служить. Посудите, какая же служба, когда столько прожито. Мать до сих пор жива, имеет несколько домов в Петербурге, да стыдно пойти, знаю, что не откажет. Она, бедная, думает, что я погиб. Да я и действительно погиб – нравственно...»

В других ночлежных домах «интеллигентные бродяги» встречалось гораздо реже, хотя и там можно было увидеть бывших чиновников, военных, начальников станций и т. д. «Впечатление от ночлежных домов получается кошмарное, – ужасался газетный репортер, – уж слишком много бедноты, слишком много невежества, горя и слез».

Тяжелую картину представляло дамское отделение ночлежного дома на Обводном канале. Бездомные женщины с тупым безразличием относились к переписи, им было все равно: «Что перепись, лучше бы к празднику что-нибудь принесли, подарочек какой-нибудь».

Перепись не обошлась без неприятного инцидента, жертвой которого стала счетчица – студентка Высших женских курсов. Она спросила у одной из ночлежниц:

– Скажи, голубушка, чем занимаешься?

– Воровством, матушка, – отвечала та, – да вот и у тебя, голубушка, украли кое-что.

Курсистка не обратила тогда внимания на замечание откровенной воровки и только в двенадцать часов ночи, возвращаясь домой, обнаружила пропажу кошелька. Заплатить трамвайному кондуктору за билет ей было нечем. Воровка сказала правду: кошелек она действительно успела украсть...

Бунт в городской богадельне

Редкий скандал разразился в стенах городской богадельни в Смольном в начале 1912 года. Обитатели этого богоугодного заведения обратились к петербургскому градоначальнику генералу Драчевскому с жалобой на свою тяжелую жизнь.

Они писали градоначальнику, что в богадельне творятся безобразия: призреваемых морят голодом, издеваются над ними как могут и т. п. Жалобу градоначальник получил, а затем отправил по инстанциям, и пошла она путешествовать по длинной чиновничьей лестнице.

За это время история обросла всевозможными слухами, в газетах даже появились заметки о «бунте стариков и старух». Попала жалоба сначала в Городскую управу, та переправила ее в больничную комиссию, а последняя передала ее туда, откуда она и пришла, – в ту же самую богадельню, а именно – ее попечителю тайному советнику Кабату.

С картины Г. Геркомера «Во вдовьем доме»

Известный петербургский журналист Л. Баумгартен в январе 1912 года лично отправился в городскую богадельню, дабы выяснить, что же там происходит. «Жалобу я, действительно, получил, – заявил журналисту тайный советник Кабат, – но я получаю их регулярно и всегда без подписей. Жалуются, например, что не дают есть. А подкладка тут иная: каждое утро производится подсчет количества обедов, которые следует приготовить. Если кто собирается на целый день уйти, то мы отмечаем это и готовим только для тех, которые остаются. Ведь нас строго ревизуют, нам приходится давать отчет о самой мелкой сумме, оттого наша экономия, может быть, иногда и принимает немножко угловатую форму».

Кабат не взял на себя смелость утверждать, что в городской богадельне всем уж так живется широко и привольно. «У нас много интеллигентных бедняков, знавших лучшие времена, – признался им, – им тяжело подчиняться режиму богадельни, они страдают нравственно и физически. Но что же можно сделать? Средств нет для этого. Но злоупотреблений у нас нет».

Как ни странно, но объяснения попечителя богадельни полностью удовлетворили репортера «Вечернего времени», и он не стал выяснять всю подноготную конфликта. «Как видите, никакого бунта нет, – поспешил успокоить он читателей газеты. – Везде тихо и смирно. И вся-

кий желающий в любой момент легко удостовериться в этом пусть пожелает на Смольную, в городскую богадельню».

«Русские рабыни»

В мае 1911 года Императорский Всероссийский аэроклуб устроил в Михайловском манеже, на своей показательной выставке, «волшебнo-спиритический сеанс» известного мага Земчано-Ясинского. Артист удачно демонстрировал перед публикой «один час в мире волшебства, чудес и превращений». Все проходило нормально, пока в один из дней не разразился скандал.

Известный маг демонстрировал на сцене, по уже накатанному сценарию, «спящую красавицу», когда из зала раздался гневный голос:

– Четырнадцать лет тому назад господин Земчано похитил девушку в Киеве и продал ее в гарем. Эта девушка – я!

Затем неизвестная дама стала рассказывать оторопевшим зрителям, как это произошло. Поднялся шум. Публика повставала со своих мест. Никто не мог понять, в чем дело.

– Земчано продал девушку в гарем! – разнеслось по манежу.

Вскоре явилась полиция и препроводила даму в отдельный кабинет, где она подтвердила свое обвинение. «Известный маг», в свою очередь, писал протокол на даму, обвиняя ее в нарушении сеанса.

Впрочем, той даме, можно сказать, повезло: ей удалось вернуться из рабства домой. Сотни девушек из России, вывезенных как живой товар за границу, уже никогда не вернулись на родину. Любопытно, что сегодня, спустя столетие, ситуация повторяется: русских девушек обманым путем вывозят за границу, где продают в рабство хозяевам борделей. «Торговля русскими женщинами» – такие заголовки встречались в петербургской печати начала прошлого века. Практически точно так же, как и сегодня...

Спрос вызывает предложение, и на этой почве возникали целые организации, раскинувшие своих агентов по всей Европе. Больше всего девушек из России вывозилось в Египет и Турцию, а также в Америку. Как правило, русских женщин вывозили насильственно или путем обмана, обещая им работу в качестве бонн, продавщиц или гувернанток.

Те соглашались на якобы выгодные предложения, сулившие быстрый и неплохой заработок, а вместо того попадали в «притоны разврата». Попадая в притоны и не зная чужого языка, девушки становились покорным орудием в руках хозяев.

Торговля русскими женщинами была обставлена продавцами настолько профессионально, что к ним было очень трудно придрататься. Чтобы как можно крепче упрятать своих жертв, хозяева притонов делали все, чтобы осложнить любые попытки вытащить их оттуда. К примеру, часто складывалась ситуация, что дом, где содержалась в борделе русская женщина, принадлежал греческому подданному, а содержанием притона являлся, к примеру, француз. Поэтому для освобождения женщин нередко требовались солидарные шаги представителей сразу нескольких стран. А обеспечить такое взаимодействие оказывалось очень непросто.

В начале 1911 года Петербургское общество защиты женщин командировало на Ближний Восток своего специального представителя – адвоката Натансона. Его задачей было собрать на месте сведения о диком случае, когда один одесский купец продал свою собственную жену в один из восточных борделей. Кроме того, Натансону требовалось выяснить способы, как предотвратить продажу девушек и спасти их от попадания в «когти разврата».

Вернувшись в Петербург, адвокат Натансон выступил на собрании Общества защиты женщин, рассказав, что ему довелось увидеть в местах сбыта «белых рабынь». Доклад его, сопровождавшийся показом фотографий, произвел шокирующее впечатление на публику. Многие не скрывали своих слез.

Спрос на европейских женщин в Турции и Египте громадный, причем главными пунктами импорта «живого товара» из России являлись Константинополь, Каир и отчасти Александрия.

дрия. Любопытно, что среди вывезенных девушек из России было немало украинок и евреек. В Каире существовал целый квартал «красных фонарей» – с кофейней под названием «Русия», служившей биржей проституток. Отвратительным было еще и то, что над этим «вертепом разврата» гордо реял русский национальный флаг.

Натансону удалось побеседовать с некоторыми насильно увезенными русскими женщинами, томившимися в борделях Ближнего Востока. По словам адвоката, он предлагал им помощь в возвращении на родину, но ничего, кроме явного недоверия, не встречал.

«Эти несчастные существа так морально истерзаны и так терроризованы, что ко всякому свежему человеку они относятся крайне недоверчиво, предполагая новый затаенный коварный замысел, – с ужасом в голосе рассказывал Натансон, – некоторые же успели настолько свыкнуться с новой жизнью, что о возврате к прошлому уже и не мечтают. Вот почему мое глубокое убеждение, что вся энергия должна быть направлена на радикальные меры разгрома агентуры живого товара и предотвращение завоза женщин на Восток».

«Попать на Казачий»

Среди петербургских мест заключения едва ли не самой «вольной тюрьмой» считался городской арестный дом близ Казачьего плаца в Александро-Невской части. Плаца уже давно не существует – он находился когда-то между улицами Хохрякова, Кременчугской и Атаманской, а свое название получил благодаря проводившимся на нем парадам лейб-гвардии Казачьего полка.

В Петербурге даже бытовало выражение – «попать на Казачий». Эта перспектива ждала мелких хулиганов, жуликов и мошенников, приговариваемых мировыми судьями или в административном порядке к аресту на более или менее продолжительные сроки. Чтобы на себе ощутить жизнь и быт обитателей арестного дома, репортер «Петербургской газеты», скрывавшийся под псевдонимом Северный, предпринял в сентябре 1911 года «хождение в народ», результатом которого стал любопытный очерк на страницах газеты.

Смотритель арестного дома поделился информацией о количестве арестантов, содержащихся в подведомственной ему тюрьме. На сентябрь 1911 года в ней сидело 288 человек, в том числе 22 женщины. Половина арестованных отбывала наказание по приговору мировых судей, половина – в административном порядке. К последней категории относились хулиганы и так называемые «ножевщики», которых приговаривали административным порядком к аресту за ношение ножей, кистеней, оскорбление полиции и т. д. «Этот элемент для нас крайне неприятный, буйный и даже опасный, – сообщал смотритель и затем не без лукавства добавлял – Тем более что у нас нет другого оружия, кроме доброго слова».

За 1910 год в городском арестном доме побывало 13 913 человек, причем «административных» было всего 1384 человека, за десять месяцев 1911 года – 11 260 человек, на которых пришлось 1340 «административных». Любопытна выборка, показывающая представителям каких профессий случалось «попадать на Казачий». По данным за 1910 год, из общего количества арестованных здесь побывало 52 студента, 49 чиновников, 37 художников и живописцев, 32 артиста – музыканта и актера, 20 фармацевтов и аптекарей, 9 репортеров, 8 учителей, 12 адвокатов, 2 врача и даже один архитектор. Из дамского контингента 358 человек составили проститутки и 12 представительниц занятий «умственного труда».

«Обстановка камер однообразная: стол, табурет и постель, – признавался смотритель. – Окна с железными решетками. Камеры одиночные и для нескольких человек; привилегированные предпочитают одиночные, и камеры на трех человек в коридоре привилегированных почти никогда не занимают, только при переполнении. Есть, кроме того, изоляционные камеры для чувствующих недомогание и, наконец, на женском отделении камера на буйных, но она почти всегда пуста».

Репортеру лично позволили побывать в камерах арестного дома, после чего он оставил такие строки, призванные заверить столичных обывателей в полнейшей благопристойности и безопасности сего заведения: «Всюду в высоких и широких коридорах и камерах чистота и порядок. Арестованные чувствуют себя, видимо, прекрасно, камеры запираются только в виде наказания – они находятся в постоянном общении друг с другом, слышатся разговоры, смех, иногда расшались и танцуют. Арестованные сидят в своих платьях».

Летом 1913 года «подвиг» журналиста «Петербургской газеты» по «хождению в народ» повторил столичный городской голова Иван Иванович Толстой в ходе своих первых «инспекционных» выездов на «задворки» Петербурга. Это произошло 20 июля, после посещения Полтавской улицы, где сооружался храм-памятник в честь трехвекового царствования Дома Романовых. Осмотром арестного дома Толстой оказался очень доволен. Место заключения произвело на него довольно благоприятное впечатление. Ничего удивительного: на 300 мест

приходилось всего 120 арестованных – большинство было освобождено по манифесту о 300-летию царствования романовской династии.

«Интеллигентные» узники «Крестов»

Печально знаменитые питерские «Кресты» повидали на своем веку немало узников, пострадавших за правду. Во время первой русской революции среди арестантов тюрьмы оказалось немало «интеллигентных обитателей». К примеру, в апреле 1907 года в «Кресты» попали 6 адвокатов, которые понесли наказание за то, что в октябре 1905 года убеждали суд примкнуть к всеобщей политической стачке.

Всех шестерых приговорили к недельному аресту в тюрьме, причем эта неделя пришлось на Пасху. Впрочем, по словам одного из них, С.П. Елисеева, в выборе именно этой недели не было никакого злого умысла и «утонченной мести» со стороны властей, как это восприняли многие. «Мы сами просили прокурорский надзор устроить нам высидку именно в эти праздничные дни, чтобы наше вынужденное бездействие не повредило делам наших клиентов, – заявил потом Елисеев. – Должен сказать, что отношение к нам прокурорского надзора и тюремной администрации было самое внимательное, самое предупредительное».

Подчеркивая свое уважение к закону и к принципам правового государства, за которое они ратовали, адвокаты сами явились в тюрьму, на извозчиках, сделав перед этим визит в окружной суд к помощнику прокурора, ведавшему местами заключения. По словам адвоката Елисеева, им разрешили отсидеть в «Крестах»: «...там чище, да и, как мы думали, отдохнуть неделю от работы в одиночном заключении удобно». К «интеллигентным арестантам» отношение было подчеркнуто корректное: их не досматривали, а в привезенных с собой чемоданах не рылись.

Адвокатов рассадили по отдельным камерам, расположенным по соседству в одном коридоре. Гулять выпускали всех вместе по два раза в день по часу – около полудня и в три часа, причем адвокатам разрешали разговаривать между собой.

«Кормят в „Крестах“ вполне сносно, – рассказывал потом адвокат Елисеев. – Казенный паек обходится администрации в 12 копеек. Если арестованный хочет получать более сытный обед, то прибавляет из своих средств 6 копеек. Если же имеется возможность платить по 35 копеек за обед, то кормить будут и сытно, и вкусно».

По словам адвокатов, трудней всего в тюрьме было привыкнуть к узкой и невероятно жесткой кровати с тоненьким «блином» вместо матраца. Простыней служила «подозрительного вида тряпка», а одеялом – кусок солдатского сукна. Но еще сложнее было привыкнуть к непривычной принадлежности камеры – «параше».

Арестанты «Крестов» вставали в половине шестого утра. Ровно в шесть утра в камеру приходили уголовные – вынести парашу. К завтраку давали кипятку для чая, потом выводили на прогулку. В полдень снова давали чай. В час дня наступал обед, а в три часа – вторая прогулка. Электричество по вечерам выключали в начале одиннадцатого.

Впрочем, безмятежного «отдыха» в тюрьме у адвокатов не получилось: они попали в «Кресты» в самый разгар бунта политических заключенных против администрации, который закончился смертью одного из узников. В дни волнений арестованным адвокатам пришлось лишиться прогулок. «В общем, каждый из нас отлично мог бы отдохнуть эти семь дней, – отмечал адвокат Елисеев, – не случись всех этих ужасов со стрельбой, убийством и голодовкой»...

А в мае 1908 года петербургские «Кресты» приняли бывших депутатов первой Государственной думы, осужденных за знаменитое «выборгское дело». По приговору суда всех бывших депутатов, осужденных по делу о «воззвании», заключали в тюрьмы по месту их жительства. В Петербурге в день приведения приговора в исполнение находилось 29 депутатов-«выборжцев». Как писала пресса, «сами отдались» в распоряжение прокурора 17 человек, в том числе один из основателей партии кадетов – юрист Николай Андреевич Гредескул и адвокат Максим Моисеевич Винавер.

По отзывам «интеллигентных» обитателей «Крестов», самое тяжелое воспоминание о здешнем быте – это зловонная «параши»

По соглашению с прокурорским надзором, осужденные пришли к полудню в камеру прокурора окружного суда на Литейный проспект. Спустя час им объявили, что они могут отправляться в тюрьму, после чего в сопровождении большой толпы провожавших они вышли на Литейный проспект. Внизу фотографии увековечили начало шествия бывших депутатов в тюрьму. «Переезжаем на дачу», – острили будущие арестанты. Частью на извозчиках, частью пешком они прибыли к воротам тюрьмы, принеся с собой по несколько чемоданов и пакетов с вещами и книгами.

Здесь их уже ждали. Вахтер, позвякивая ключами, громко возглашал: «Пожалуйте, господа! Вещи каждый должен сам нести!» Депутаты с улыбкой смотрели на груды чемоданов, сложенную у стен тюрьмы. Кряхтя, поднимали тяжелые вещи, кланялись в последний раз и проходили в узкую тюремную калитку. Осужденных развели по одиночным камерам.

В день «посадки» кроме 17 «выборжцев» полиция арестовала по распоряжению прокурора еще двух человек, причастных к делу о «выборгском воззвании», – присяжного поверенного Л.М. Брамсона и депутата Кубелиуса. Обоих арестованных сразу же препроводили в «Кресты». Таким образом, по делу о «воззвании» в Петербурге попали в тюрьму 19 человек, причем все они сидели в одиночных камерах.

На свободе в Петербурге остались еще 10 депутатов-«выборжцев», по отношению к которым действие приговора было приостановлено. Так, И.И. Петрункевич получил «отсрочку» на десять недель из-за болезни ноги. Дело о депутате Л.И. Петражицком выделили в особое делопроизводство, а В.Д. Набоков кроме дела о «выборгском воззвании» привлекался еще и по делу о «Вестнике партии народной свободы». Еще четырех бывших депутатов не посадили в «Кресты», поскольку они проходили по делам, следствие по которым не завершилось.

Спустя две недели после «посадки» 17 «выборжцев» «Петербургская газета» поместила подробный отчет о том, чем занимаются бывшие депутаты Госдумы в стенах печально знаме-

нитых «Крестов». Тюремные надзиратели не могли нахвалиться своими новыми «постояльцами». «Смирные, – говорили они про бывших депутатов, – очень смирные!»

Конечно, к бывшим депутатам применялся не такой строгий режим, как к обычным арестантам. Все «выборжцы» носили в тюрьме собственную одежду, кроме бывшего священника Огнева, пожелавшего облачиться в арестантское одеяние. Бывшие депутаты запаслись книгами и бумагой, еще заранее договорившись между собой написать по статье для будущего сборника «Выборгские досуги». По тюремным правилам, бумага была тщательно просчитана, пронумерована и прошнурована. Чистую бумагу надзиратели могли выдавать, только убедившись в том, что взятая арестантами с собой бумага полностью исписана, находится в целостности и не употреблена на написание писем.

Послабление по отношению к арестантам-депутатам относилось также и к питанию. Все они за отдельную плату пользовались улучшенной пищей. Обеды в тюрьме стоили 10 рублей 50 копеек в месяц, ужины – 3 рубля 90 копеек, булки – гривенник в день, кроме того, можно было заказать себе чай, сахар, табак, овощи, фрукты и сладости.

Ни газет, ни журналов в тюрьме получать было нельзя, однако с особого разрешения некоторые «выборжцы» получили возможность получать стенографические отчеты проходивших заседаний Государственной думы, уже третьей по счету. Владимир Дмитриевич Набоков (отец будущего писателя) забрал с собой в камеру огромное количество юридических книг. Надзиратели отзывались о нем с большим почтением: «Должно быть, богатый... книг привез видимо-невидимо, да все в дорогих переплетах... Сидит за столиком, да все книгами пошвыривает, пока не найдет ту, что ему нужно».

Тяжелее всех переносил одиночество адвокат Кедрин – будущий активный участник Белого движения в годы Гражданской войны, министр юстиции в антибольшевистском Северо-Западном правительстве. Не удовлетворяясь чтением и написанием «Досугов», Кедрин потребовал, чтобы ему предоставили какую-нибудь физическую работу. Начальство тюрьмы пошло навстречу и разрешило ему клеить картузы для табака второго сорта по заказу одной из столичных табачных фабрик.

Бунт политических

Весной 1907 года, уже на исходе революционных событий первой русской революции, Петербург продолжало лихорадить. В апреле очагом волнений оказались «Кресты» – те корпуса, где содержались политические заключенные. Из-за решетчатых окон раздавались громкие возгласы «ура» и «амнистия». Выборгская набережная и Симбирская улица (ныне улица Комсомола) буквально гудели от крика арестантов.

Из окон летели осколки разбитых стекол, показывались платки и флажки ярких цветов. С каждой минутой гул из тюрьмы усиливался и переходил в несмолкаемое «ура». В одном из корпусов арестанты выбивали окна и ломали двери.

По городу быстро распространились слухи о беспорядках в тюрьме. Публику на окрестных улицах охватывало жгучее любопытство. Люди группировались у ворот домов и жадно обменивались информацией и впечатлениями. Впрочем, информации было мало: по слухам, волнения начались после того, как среди заключенных поползли слухи о предстоящей будто бы амнистии, а крики «ура» и прочие «демонстративные проявления» вызваны были известием об отмене военно-полевых судов и смертной казни. К тюрьме спешила вызванная рота солдат и местная полиция...

Беспорядки в «Крестах», начавшиеся 15 апреля 1907 года, продолжались четверо суток. По официальным сведениям, они охватили 1-й и 2-й корпуса, где содержались политические заключенные, а причиной их стал случайный выстрел караульного солдата, прозвучавший на тюремном дворе. Став на часы, он случайно нажал курок винтовки. Выстрел гулким эхом отдался в камерах ближайших корпусов. Среди политических пошла слухи, что этим выстрелом убили кого-то из их товарищей.

На следующий день политзаключенные потребовали от администрации тюрьмы предъявить доказательства, что никто не убит. «Мы выберем депутацию из трех заключенных, обойдем все камеры и проверим, что все на месте», – заявили арестанты. В этом требовании им отказали. Не удовлетворили также и другие требования политзеков – выбирать старост и разрешить общие прогулки арестантам. Правда, разрешили раскрыть окна.

В ответ на действия властей арестанты подняли бунт: они били стекла, высовывались из окон и переговаривались между собой. Надзиратели вновь закупоривали окна, и на следующий день бунт продолжился: заключенные требовали открыть окна! Беспорядки достигли своего апогея. Заключенные бросали табуретками в окна и двери, размахивали в разбитых окнах самодельными флажками, кричали «ура».

Для умирения арестантов начальник тюрьмы вызвал две роты Московского полка. Солдат поставили против окон 1-го и 2-го корпусов с предупреждением, что если беспорядки продолжатся, то в заключенных будут стрелять, причем даже если кто-то просто подойдет к окну. Однако угрозы «царских сатрапов» не устрасили борцов с режимом, и бунт не прекращался. Едва заключенные показывались из окон, часовые брали ружья на изготовку. Как оказалось, они не шутили: когда один из арестантов чуть больше, чем другие, задержался у окна, часовой, памятуя приказ, выстрелил.

Арестант погиб на месте. Им оказался мещанин города Юрьева Роберт Фердинандович Вейденбаум, осужденный петербургским окружным судом за разбой (иными словами – революционер-террорист). Как потом сообщало «осведомительное бюро», Вейденбаума застрелили за то, что он переговаривался в окна и обзывал часового «кровопийцей» и другими «бранными словами».

Вторым жертвой стал показавшийся у окна политзаключенный Василий Варавка, дворянского происхождения, его ранило пулей часового, но не смертельно. Варавку поместили в тюремную больницу, врач обещал скорое выздоровление.

25 апреля газеты сообщали, что военное положение, объявленное в «Крестах», к настоящему времени снято «вследствие принятых мер и наступившего успокоения в массе заключенных». За период беспорядков из тюрьмы удалили около тридцати зачинщиков волнений – «особенно беспокойных». Некоторых особенно буйствовавших арестантов отправили в карцер, откуда их, правда, уже скоро выпустили – накануне первого дня Пасхи.

День генерала Стесселя

Весной 1908 года внимание петербуржцев было приковано к генералу Стесселю, бывшему коменданту крепости Порт-Артур, томившемуся в казематах Петропавловской крепости.

Властям очень хотелось найти виновников проигранной не так давно войны с Японией, едва не приведшей к гибели империи из-за внутреннего взрыва в стране. Одним из них и стал Стессель, которого обвиняли в сдаче Порт-Артура. В 1906 году его отдали под суд, а 7 февраля 1908 года приговорили к расстрелу, замененному на десятилетнее заключение в крепости.

Наказанный генерал вызывал теперь в обществе уже не гнев, а сочувствие и сострадание. «В Петропавловской крепости есть свои дни, когда заключенным разрешено принимать посетителей, – сообщал репортер «Биржевых ведомостей». – Четверг – день генерала Стесселя. Но попасть к нему нелегко. Надо, чтобы арестованный изъявил желание принять посетителя, записал его за несколько дней до приема в особый рапорт, подаваемый тюремному начальству».

Именно так репортер «Биржевки» смог добиться встречи с узником-генералом. Стессель не жаловался на здоровье, говорил, что доволен помещением, а казенная пища, хотя и не изысканна, но вкусна и свежа. «В общем, сидеть можно, если жить растительной жизнью, – резюмировал генерал. – Больше всего угнетает лишение мундира, с которым я сжился за сорок лет службы. Даже стрелковую фуражку запрещено носить и предложено заменить шляпой».

По личной милости царя Стесселю, в виде исключения, дозволили ежедневные свидания с женой. Свидания длились до трех часов, причем и жену, и сына Стесселю разрешили принимать не в общей приемной, а у себя в камере, выходившей окнами на Неву – прямо на Зимний дворец. Кстати, за окном Стесселю позволили приспособить дощечку, чтобы кормить птиц, стаями кружившихся у окон казематов.

Однако большую часть тюремного времени Стессель посвятил написанию мемуаров, в которых описывал свою жизнь с детских лет. Кстати, книги, газеты и письма Стессель получал беспрепятственно. Только для корреспонденции, отправляемой им самим из заточения, действовала цензура крепостного коменданта...

Заключение опального генерала длилось недолго. В апреле 1909 года Николай II помиловал Стесселя, его освободили, и он продолжил военную службу.

В застенках Литовского замка

Литовский замок возле Театральной площади на протяжении более ста лет носил мрачную репутацию. Это была «Градская тюрьма», в которой сначала содержались уголовные, а потом и политические преступники. Не случайно в дни Февральской революции замок стал одним из символов ненавистного самодержавия, и его сожгли как тяжелое наследие царского режима...

В начале XX века многие представители городских властей уже понимали, что не пристало тюрьме находиться рядом с прославленным Мариинским театром и Консерваторией. Мнение это долго вызревало в недрах Городской думы, пока в 1902 году она своим постановлением не предложила тюремному ведомству взамен Литовского замка отвести участок городской земли на одной из окраин «в размере действительной надобности для новой тюрьмы» и отпустить из городских средств на постройку новой тюрьмы 367 тысяч рублей. Построить ее предполагалось за два строительных сезона. Однако предложение думы встретили в штыки: министр юстиции признал его «не подлежащим удовлетворению».

Несмотря на столь жесткую позицию, вопрос о передаче городу зданий Литовского замка продолжал время от времени будоражить умы «хозяев города». Тюремное ведомство не могло уже оставаться в стороне, но решило, по всей видимости, лишний раз поторговаться. Поэтому в 1910 году, спустя восемь лет после первой «схватки» вокруг замка, представители Тюремного ведомства заявили Городскому управлению, что их ведомство в принципе может согласиться передать замок в распоряжение города, но только при условии, если городские власти предоставят сумму в 600 тысяч рублей. По мнению «тюремщиков», именно такая сумма требовалась для строительства новой тюрьмы и отвода их ведомству около десяти десятин земли вне городской черты.

Однако Городская управа считала условия, предлагавшиеся Тюремным ведомством, совершенно неприемлемыми и предложила вернуться к предложению Городской думы, высказанному в 1902 году. А поскольку дело заходило в тупик, Городская дума постановила передать вопрос о Литовском замке на заключение юридической комиссии.

Но за последующие семь лет вопрос о передаче городу здания «градской тюрьмы» решить не смогли. Так и оставалось это серо-казенное здание, с двумя ангелами с крестом на фронтоне, пугалом для «интеллигентного населения» столицы.

В 1907 году целую неделю, с 1 по 7 мая, продолжались беспорядки в тюремном Литовском замке. Бунт заключенных оказался настолько серьезным, что для «умиротворения» властям пришлось прибегнуть к военной силе. Все происходило на глазах горожан, поэтому скрыть тюремный бунт было невозможно, и столичные газеты давали целые репортажи с места событий.

С утра 1 мая, как отмечал обозреватель «Петербургского листка», «все арестованные в Литовском замке проявили крайне приподнятое настроение». Тюрьма огласилась звуками революционных песен, криками и стуком. Тюремные надзиратели тщетно пытались восстановить порядок. Тогда начальство тюрьмы наложило наказание: несколько «особо опасных» бунтовщиков-зачинщиков бросили в темный карцер. Однако эта мера не привела к успокоению, а только вызвала бурное негодование остальных заключенных, которые стали «систематически производить шум и демонстративно выражать негодование».

Брожение постепенно разрасталось и 6 мая достигло своего апогея. В Литовском замке стоял непрерывный стук и шум ломаемых дверей, табуреток, скамеек и оконных рам. Во двор замка и в Тюремный переулок (ныне переулок Матвеева между набережной Мойки и улицей Декабристов) сыпались стекла, выбитые арестованными. Как потом подсчитала тюремная

администрация, убытки составили двести стекол. Именно столько стекол высадили из рам во время «первомайского бунта».

Чтобы прекратить беспорядки, администрация тюрьмы вызвала роту солдат, которая заняла Тюремный переулочек и запретила проход по нему пешеходов, а также движение извозчиков. Часть роты ввели в здание самой тюрьмы. В качестве наказания за участие в беспорядках сорок заключенных посадили в «светлый карцер». К 7 мая порядок в Литовском замке восстановили, роту солдат отозвали обратно в казарму, а «рогатки» в Тюремном переулочке сняли...

Впрочем, в стенах мрачного и зловещего тюремного Литовского замка иногда происходили и радостные события. К примеру, 21 февраля 1909 года в женском отделении тюрьмы впервые за все время ее существования появился на свет младенец. В тот день в одной из женских камер для уголовных едва не разрешилась от бремени молодая девушка Алексеева, осужденная за уголовное преступление. Ее тотчас же перевели в тюремную больницу, где она вскоре родила дочь.

В стенах мрачного и зловещего тюремного Литовского замка иногда происходили и радостные события...

Случилось так, что это экстраординарное происшествие совпало по времени с инспекционным обходом тюрьмы наблюдательной комиссии во главе с помощником прокурора Устиновичем. Закончив осмотр камер, он отправился в тюремную администрацию, где сообщил членам наблюдательной комиссии об «увеличении числа обитателей тюрьмы одним невинным существом».

Среди членов комиссии оказалась директор «Дамского тюремного комитета» Елизавета Алексеевна Нарышкина. (Комитет работал под «высочайшим покровительством» государя Николая II, а его попечительницей была принцесса Ольденбургская.) Потрясенная рождением ребенка в тюрьме, госпожа Нарышкина предложила собрать для новорожденной небольшую сумму денег, что и было немедленно сделано. Когда об этом сообщили роженице, она обратилась с просьбой к комиссии окрестить ребенка и назвать девочку Елизаветой, в честь Елизаветы Нарышкиной.

Просьбу матери исполнили. Церемонию крещения с участием членов наблюдательной комиссии провел тюремный священник. Крестным отцом стал камергер Назимов, а крестной матерью – княгиня Дондукова-Корсакова. С согласия Алексеевой, остававшейся в стенах Литовского замка, крестные родители передали новорожденную на вскармливание специально нанятой кормилице и обязались взять на себя всю дальнейшую заботу о ее воспитании.

В петербургской печати девочку сразу же стали именовать «дочерью Литовского замка», по аналогии с «дочерью Николаевской железной дороги». Так назвали девочку-подкидыша, найденную в 1901 году на Николаевском вокзале и удочеренную помощником начальника дороги Иосифом Турцевичем. Николай II дал свое «высочайшее» соизволение на присвоении девочке фамилии «Николаевская» и почетного титула «дочери дороги». Спустя год, в 1903 году, царь разрешил ей пользоваться правами личного дворянства. Что же касается «дочери Литовского замка», то ее судьба остается неизвестной.

Во время февральской революции 1917 года узники Литовского замка были освобождены восставшими, а сам замок сожжен как символ ненавистного режима. Александр Блок, говоря о сожжении Литовского замка и здания Окружного суда, отмечал: «вся мерзость, безобразившая их внутри, выгорела». А может быть, его подожгли свои же тюремщики, замечая следы. Обгоревшие руины замка простояли до середины 1930-х годов, а затем на мощных фундаментах бывшего замка, старинных массивных сводах XVIII века, построили жилые дома...

«Дома растут как грибы»

«Петербург покрывается громадными многоэтажными домами, – констатировал в августе 1913 года на страницах «Петербургской газеты» талантливый журналист и известный в ту пору литератор Николай Брешко-Брешковский. – В этой скороспелости ярко отразился дух времени. В наши дни все направлено к тому, чтобы везде и всюду побить рекорд быстроты. И едва ли не прежде всего – в строительстве. Дома модерн растут как грибы, и процесс их созидания – какая-то непрерывная горячка».

Строительные катастрофы

В пору строительной лихорадки начала прошлого века цена на городскую землю в Петербурге увеличивалась не по годам и месяцам, а буквально по дням, особенно в тех районах, которых касалось благоустройство. К примеру, постройка Троицкого моста вызвала резкое увеличение цен на землю на Петербургской стороне вообще и на Каменноостровском проспекте в частности. А проведенная здесь линия трамвая еще больше повысила стоимость земли. Оборотистые дельцы уже давно учли в свою пользу эту характерную зависимость, и еще до постройки Троицкого моста и при только намеченных линиях трамваев начинали скупку земель в тех местах, где цена на нее должна была неминуемо повыситься.

Цена квадратной сажени земли на центральных улицах доходила в 1913 году до 300–500 рублей, а на самых престижных участках Невского проспекта и Большой Морской улицы – и того больше. Дома обычно строились на заемные средства и закладывались в банке по этажам. По мере возведения этажей банк принимал их в залог и выдавал новую ссуду.

Вместе с тем огромная часть скупленных земель оставалась нетронутой, поскольку их собственники ждали дальнейшего роста цен. Шла своего рода биржевая игра на землю. Такая практика очень беспокоила городские власти. «Не говоря о том, что эти пустыри безобразят внешний вид улиц, они лишают городское общественное управление значительной суммы доходов, следуемых ему, если бы земля была застроена», – замечал в 1909 году обозреватель «Петербургской газеты».

С подобной проблемой столкнулись в ту же пору и в Москве, и там власти ввели особый «штрафной налог»: с владельца незастроенной городской земли после трех лет владения начинали взыскиваться двойные поземельные сборы. Существовало резонное предложение ввести «штрафной налог» и в Петербурге, чтобы прекратить игру «земельных спекулянтов».

Еще одним печальным следствием петербургской строительной лихорадки стали катастрофы, из года в год потрясавшие наш город. И до сих пор мы продолжаем пожинать плоды строительного бума начала XX века. Ведь сегодня Петербург ветшает не только от сырого питерского климата и от равнодушия городских чиновников, подновляющих город к визитам высоких гостей или к очередному юбилею, хотя и в этом – немалая доля истины. Есть и другая причина: Петербург пожинает печальные плоды той самой строительной лихорадки, постигшей его столетие назад, на «заре капитализма».

«В последнее десятилетие дома-гиганты растут как грибы» – эта фраза принадлежит вовсе не упомянутому выше писателю Брешко-Брешковскому. Так написал еще за десять лет до него, в 1903 году, неведомый нам газетный репортер на страницах «Петербургской газеты». Вот что он указывал далее: «Если бы высота домов не находилась в зависимости от ширины улицы, то в Петербурге были бы дома в восемь и девять этажей... Постройка многоэтажных домов разрушительно действует на соседние здания, если только последние уступают им в величине. В стенах этих зданий показываются глубокие трещины».

В поисках правды репортер отправился к заведующему техническим отделением Городской управы архитектору М.Ф. Еремееву. И вот какие неутешительные слова от него услышал: «Из 100 построек 50 непременно повлекут за собой трещины в соседних домах. Немногим удастся парализовать вредное влияние строящихся больших зданий на окружающие дома».

«Опасны ли эти трещины?» – поинтересовался газетчик. «На прочности дома они несколько не отражаются и не угрожают опасностью квартирантам, – уверенно отвечал архитектор. – Скрепляются обыкновенно стены одной железной балкой. Раз такая балка подвешена – дом может незыблемо стоять сотни лет».

Подобный ответ, однако, совершенно не успокоил интервьюера. «При всей безопасности трещин жить все-таки в таком доме, где они есть, не особенно приятно, – резюмировал он. – А

чтобы подводить балки и заштукатуривать их, каждому домовладельцу необходимо выселить предварительно жильцов. Тут убытки неизбежны, и причем довольно крупные»...

Современники возмущались: строительство новых домов оставляло желать лучшего. Многие домовладельцы следовали обычному желанию: денег вложить поменьше, да еще и про-вернуть стройку в самые кратчайшие сроки, а прибыли получить побольше. В погоне за дешевой и, как тогда говорили, «экономичностью», многие строительные подрядчики экономили на всем, что только можно, а потому качество работ неизменно снижалось. Следствием этого стали многочисленные строительные катастрофы, едва ли не каждый год потрясавшие Северную столицу.

Одна из них произошла в октябре 1900 года. Около трех часов дня на углу Дегтярной и 9-й Рождественской улиц раздался оглушительный треск, и вслед за ним над строившимся домом некоего господина Аксенова поднялся громадный столб известковой пыли. Через некоторое время после грохота из строившегося здания начали выбегать насмерть перепуганные рабочие, а перед домом начала собираться толпа. Снаружи он выглядел совершенно целым – как оказалось, рухнула его внутренняя часть. Сначала треснула каменная «перемычка», а затем, один за другим, стали проваливаться потолки всех четырех этажей.

Некоторые из рабочих, не успевшие выскочить, стали жертвами произошедшей катастрофы. Часть из них была отправлена в больницу, иные же к вечеру чувствовали себя уже настолько здоровыми, что отправились в кабаки выпить «по случаю несчастья». Кстати, ближайшая к месту катастрофы портерная, в которой пировали спасшиеся рабочие, принадлежала владельцу того самого провалившегося дома Аксенову.

В тот же день случилась еще одна беда: рухнувшим каменным сводом в доме на Басейной улице насмерть придавило мальчика, работавшего на стройке. Столичное общество живо обсуждало эти происшествия. «Петербургские „обвалы“ делаются слишком частыми, – писала одна из столичных газет. – Сегодня летят два дома, завтра рухнут три, а послезавтра, если наконец не обратить на это явление должного внимания, дома посыпятся, как детские карточные постройки».

Однако одной из самых громких строительных катастроф начала XX века стал обвал дома Залемана на Разъезжей улице, случившийся 10 июля 1909 года. В восемь часов утра обрушился громадный, только что построенный шестиэтажный дом, принадлежавший инженеру путей сообщения Виктору Дмитриевичу Залеману.

Тот рабочий день начинался как обычно: в семь часов утра строители, занимавшиеся внутренней отделкой, приступили к работе. Более трехсот человек разбрелись по этажам. Спустя час они начали замечать подозрительное потрескивание. Левая часть здания стала на глазах заметно оседать, затем покачнулась и со страшным шумом рухнула. Грохот рухнувшего здания был слышен за несколько кварталов. Место катастрофы окутали клубы дыма и песка. Под рухнувшим домом, вмиг превратившимся в груду мусора, нашли свою смерть десятки рабочих.

Уже через двадцать минут на месте трагедии работали пожарные, извлекавшие пострадавших из-под завалов. Через два часа после катастрофы сюда прибыл петербургский градоначальник. Он лично принял энергичное участие в расследовании причины обвала дома, расспрашивал строителей и участвовал в совещании экспертов. Место катастрофы посетили также некоторые сенаторы, члены Государственного совета и Городской управы. Приехал и сам владелец злополучного дома, непрерывно твердивший: «Всех родственников убитых вознагражу».

Многие считали виновником случившейся трагедии инженера Залемана. Влиятельный миллионер-строитель, он выстроил в Петербурге более полутора десятка зданий и сам являлся владельцем одиннадцати больших домов. Почти все залемановские стройки отличалось одной особенностью: на них всегда происходили более-менее крупные катастрофы. Возбуждались уголовные и гражданские дела по факту увечий, причиненных строителям, но Залеману вновь и вновь разрешали строить.

В злополучном строившемся на Разъезжей доме с момента его закладки полиция успела составить бесчисленное количество протоколов, обвиняя строителей в нарушении строительного устава. Несколько раз полиция обращала внимание на трещины в стенах. Но строители клялись, что опасности нет и быть не может. А потом грянула катастрофа...

«Нужны решительные меры против инженеров-от-катастроф, – возмущался обозреватель одной из газет. – Инженер Залеман изобрел новый вид каннибальского спорта. Он строит дома, которые обваливаются от простого дуновения ветра. Три дома Залемана уже прославили его имя своими катастрофами. Вчера обрушился четвертый. Г-н Залеман – инженер путей сообщения на тот свет».

Член городской управы Змеев еще за два года до трагедии на Разъезжей представил в Городскую думу доклад о строительных происшествиях, в котором среди «домовладельцев-от-катастроф» уже фигурировало имя Залемана. По словам Змеева, причинами катастроф являлись «погоня домовладельцев за экономией, которая влечет к приглашению неопытных архитекторов и использованию некачественных материалов», а также слабый технико-полицейский надзор. На весь город было всего восемь городских техников, наблюдавших за строительством.

Традиционный русский вопрос «Кто виноват?» постоянно витал на месте случившейся катастрофы. Гражданский инженер Максимов, наблюдавший за возведением дома на Разъезжей, возлагал вину на Залемана, который постоянно вмешивался в процесс строительства.

«Будучи юридически строителем дома, я фактически должен был постоянно чувствовать над собой власть хозяина, – сетовал Максимов. – Залеман все работы сдавал сдельно, по сильно выторгованной цене. Это страшно отражалось на качестве работ». Между тем сам Залеман категорически отрицал свою вину: он заявлял, что для постройки «употреблялись материалы, купленные у первоклассных фирм, и на достоинство их обращалось должное внимание».

В обществе звучали мнения, что произошедшая трагедия – вовсе не случайность, а просто очередной эпизод в долгой строительной деятельности Залемана. «Архитектурные катастрофы возможны, но когда один и тот же домовладелец годами строит дом за домом, и непременно с обвалом, то какая же это случайность? – вопрошал обозреватель «Петербургской газеты». – Это – систематическая строительная спекуляция, соединенная с общественной опасностью. Возможность безнаказанно заниматься такой спекуляцией ясно свидетельствует, что в городских порядках не все в порядке»...

Архитекторы категорически возражали против своей вины в строительных катастрофах, год от года потрясавших Петербург. Как заявил председатель столичного общества архитекторов Эрнест Жибер, вся вина – на злоупотреблениях рабочих и десятников, и обвалы домов прекратятся только тогда, когда закон точно определит ответственность, которую несут в подобных случаях не только архитекторы, но и подрядчики, десятники и рабочие, иначе последние делают что угодно за спинами архитекторов, а потом пытаются переложить всю вину на них.

А еще говорили, что во всем виноваты нерадивые рабочие, что в их среду все больше и больше проникает «дух хулиганства», поведение их становится несносным, дисциплина падает, на стройках часто можно увидеть пьяных, которые совсем даже не прячутся от глаз технического надзора. Говорили, что причина всех бед – русский «авось».

Искали и другие причины постигших Петербург строительных катастроф. Среди них называли не только плохую постройку домов, но и то, что они строятся на так называемых лежнях, то есть деревянных бревнах, которые кладут прямо на почвенные воды, а на этих лежнях возводится фундамент. Лежни достаточно быстро загнивают, а потому не выдерживают тяжести дома, и он оседает, расползается и накреняется.

«Мне объяснил один архитектор, что некоторые постройки на петербургской зыбкой почве потому только держатся, что соседние здания поддерживают их в состоянии равновесия, – писал обозреватель одной из столичных газет. – В буквальном смысле слова все основано на „добрсоседских“ отношениях».

Однако, несмотря на общественное беспокойство, строительная лихорадка продолжалась, а вместе с ней не переставали случаться и катастрофы. Летом 1912 года в столице много говорили о том, что рухнул один из корпусов шестиэтажного дома купца-банщика Торкачева.

Как выяснилось, дело было, как и в прежних случаях, в «экономичности» строительства – использовались старый, уже бывший в употреблении, кирпич и дешевый бетон. Кроме того, как оказалось, первые этажи были сложены всего только в толщину двух с половиной кирпичей, а вместо 9-дюймовых балок укладывались перекрытия толщиной в 6,5 дюйма.

Главным виновником катастрофы городские власти были склонны считать самого хозяина злополучного дома банщика Торкачева. Дело в том, что это был классический пример, когда домовладелец, выступавший еще «по совместительству» и строительным подрядчиком, считал себя умнее архитектора и тайно от него допускал nepозволительные отступления от плана работ. Однако Торкачев не падал духом. «Чего унывать? Не унывай! – во всеуслышание заявил он архитектору Владимиру Николю, отвечавшему за постройку. – Ты понесешь уголовную ответственность, а я гражданскую. Как-нибудь вывернемся!» И ведь вывернулся: когда через несколько дней его все-таки арестовали, то он сразу же вышел на свободу под залог в пятьдесят тысяч рублей...

Летом 1913 года для борьбы со злоупотреблениями при строительстве петербургских домов ввели специальные контрольные бланки, в них городские архитекторы должны были вносить все свои замечания по ходу постройки здания. Однако эту меру в обществе встретили с плохо скрываемой иронией.

«Не лучше ли бы вместо контрольных листков увеличить ответственность домовладельцев, которые строят дома из гнилого материала? – восклицал обозреватель «Петербургской газеты». – Человеческая жизнь должна быть обеспечена не бумажкой, прикрепленной к плану, а строгой законностью, которая должна карать всех домовладельцев, рискующих ради обогащения и наживы строить свои дома на человеческих костях...»

Апокалипсис по-петроградски

Любопытно, как отзвуки некачественного строительства времен капиталистического строительного бума отзывались уже в другую, советскую эпоху. В конце июня 1923 года в Петрограде случилось чрезвычайное происшествие: рухнул старый шестиэтажный дом на Екатерингофском проспекте (ныне проспект Римского-Корсакова). К счастью, обошлось без жертв, но несколько десятков семей осталось без имущества и без крыши над головой.

В тот роковой день около пяти часов вечера один из жильцов стоявшего во дворе злополучного дома заметил большую трещину, прорезавшую всю заднюю стену. Он тотчас же поднял тревогу, оповестил управдома и милицию. Специалисты, которые немедленно произвели осмотр дома, озвучили приговор: дому осталось стоять совсем немного, через несколько часов он обрушится. Дальнейшее развитие событий напоминало апокалипсис в отдельно взятом дворе.

Началась срочная эвакуация жильцов и вынос их имущества. Времени было в обрез, счет шел на минуты, и домашнюю утварь, мебель и одежду просто выбрасывали из окон во двор. Дабы избежать мародерства, территорию вокруг оцепили милиция и вызванный наряд военморов из Балтийского флотского экипажа.

Все это время дом издавал тревожные подозрительные звуки, и, в конце концов, вынос имущества пришлось остановить. Ровно в 20 часов 48 минут, то есть через четыре часа после того, как была обнаружена трещина, дом с грохотом рухнул, подняв огромное облако пыли.

Как оказалось, обвалившийся дом еще в апреле 1923 года был признан аварийным. Тогда же начались работы по его укреплению, под все потолки поставили подпорки. Затем дом снова признали безопасным и годным для жилья, так что его внезапный обвал стал для жильцов полнейшей неожиданностью.

По сути дела, жертв удалось избежать только по счастливой случайности. Спасителем дома стал бдительный жилец, заметивший трещину. А если бы он ее не заметил и обвал случился бы ночью, страшной беды было бы не миновать.

Обвал дома на Екатерингофском проспекте вызвал в городе настоящую панику. Многим казалось, что любая трещина на стене дома таит страшную угрозу. Из консерватории сообщили о замеченных на здании глубоких трещинах толщиной в кулак. В технический надзор Петрограда со всех районов неслись заявления жильцов об угрожающем состоянии их домов. Только за три дня после катастрофы поступило около пятисот (!) подобных заявлений из Центрального района.

За дело о катастрофе на Екатерингофском проспекте взялись эксперты, чтобы ответить на традиционный вопрос: «Кто виноват?» Как всегда, причин оказалось две – человеческий фактор и природная стихия.

Главной причиной обвала эксперты называли «формалистику», т. е. формальный подход к ремонту. Виновным называли «Севзапгосстрой», который отремонтировал лишь лицевой фасад, а заднюю стену не тронул. Между тем именно она и стала главной виновницей катастрофы.

Что же касается коварства стихии, то комиссия пришла к выводу: обвал дома вызван появлением подземных течений, способствовавших подмыванию фундамента. Специалисты городского хозяйства констатировали: по всему району последнее время наблюдалась большая утечка воды, что способствовало ее проникновению в грунт. Водопровод там уже давно не ремонтировался, и вода из дырявых труб попадала в почву. Как подтвердил начальник архитектурно-строительного управления губоткомхоза, в Петрограде за последнее время во многих местах появились подземные течи, угрожающие большинству домов. Кроме того, появлению трещин в стенах домов способствовали вода и снег, попадавшие в дымоходы.

Жертвы строительного бума

Летние месяцы служили самой горячей строительным порой, когда, казалось, весь город превращался в сплошную строительную площадку. Основной контингент рабочей силы составляли крестьяне, приходившие в столицу на летние сезонные заработки. Их труд ценился дешево, и ни о какой технике безопасности зачастую не было и речи. Поэтому летний сезон нередко сопровождался строительными катастрофами с человеческими жертвами.

«В Петербурге вырастают как грибы громады домов, – замечал в июле 1913 года обозреватель газеты «Вечернее время». – Стоят они, окутанные лесами, где высоко-высоко копошатся, как муравьи, сотни людей, рискуя каждую минуту свалиться вниз. И валятся, обагривая своей кровью новые жилища».

В 1912 году в столице зарегистрировали 129 пострадавших при строительстве, из них 29 погибло и почти столько же остались калеками. Статистика несчастных случаев на строительстве весьма любопытна. Среди пострадавших первое место занимали плотники (45 человек), за ними следовали чернорабочие (35), затем штукатуры (26), каменщики (23) и так далее. В следующем году травматизм еще возрос: только за первую половину 1913 года в Петербурге зарегистрировали 90 несчастных случаев при строительстве.

«Люди строят другим благополучие, теплый угол, а себе нередко роют могилу, – констатировал газетчик «Вечернего времени». – Но ни городское управление, ни правительство не заботятся об этих скромных тружениках, руками которых создана внешняя красота Петербурга».

А поскольку власти не собирались заниматься проблемами рабочих, то последние двинулись по классическому пути: «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Энергичные люди среди самих рабочих, подрядчиков и домовладельцев еще в 1882 году организовали «Общество самопомощи». Спустя три десятилетия оно располагало капиталом в 80 тысяч рублей, имело собственный доходный дом на 20 квартир и детский приют, куда помещали детей рабочих, погибших на стройках. Общество нашло средства, чтобы обучать детей не в государственной, а в частной школе, а летом отправляло их на дачу в Келломяки (ныне Комарово).

Главное же внимание «Общества самопомощи» уделялось выдаче пособий пострадавшим при строительстве. К примеру, только в 1913 году общество выдало пособий на сумму более 5600 рублей, причем размер помощи пострадавшим составлял от 25 до 50 рублей, а семьям погибших – от 100 до 700 рублей.

Строительные катастрофы тех лет являлись печальным следствием строительной лихорадки, охватившей Петербург. И сегодня, когда наш город вновь охвачен строительным бумом, нередко приходится слышать о высоком травматизме рабочих. Да, ситуация почти с точностью повторяется, нет только эффективного «Общества самопомощи»...

«Не мог ужиться среди изворотов»

В конце мая 1907 года по Петербургу распространилось необычайное известие о самоубийстве старейшего городского архитектора Петра Сергеевича Самсонова. Его имя было известно почти всему строительному Петербургу: он много лет состоял в должности городского архитектора. До этого Самсонов являлся архитектором детской больницы принца Ольденбургского, Воспитательного общества благородных девиц и Александровского училища, а затем Вдовьего дома. В последние годы жизни он ведал 4-м участком Петербургского городского управления. В «послужном списке» Самсонова значились сооружение и перестройка более двух десятков зданий в столице.

Что же послужило причиной трагического поступка? Современники считали, что Петр Самсонов стал жертвой жестоких нравов, несправедливостей, воровства и прочих безобразий, творившихся в тогдашнем строительном деле Петербурга. «Скромный по характеру, честный по натуре, он не мог ужиться среди различных изворотов городского хозяйства», – говорилось о Самсонове в «Петербургском листке».

Несмотря на солидную архитектурную практику, Самсонову хронически не везло в строительном деле. Предпринимавшиеся городскими властями различные переделки мостов, сооружение домов и т. п. мероприятия, в которых участвовал Самсонов, очень часто сопровождались жертвами и недоразумениями. Получали увечья рабочие, обнаруживались дефекты строительного характера. И хотя Самсонов лично никогда не был замешан в сомнительных «комбинациях», он, как строитель, выступал ответственным лицом.

По мнению современников, многочисленных злоупотребления при постройке городских домов подорвали нервную систему Самсонова. «Скромный труженик» Самсонов не мог равнодушно смотреть на происходившие безобразия.

Особенно сильно повлияла на него история с катастрофой цепного Египетского моста через Фонтанку, случившаяся в начале 1905 года. Как известно, мост рухнул, когда по нему проходила конница.

К счастью, тогда обошлось без жертв. Хотя судебные власти не нашли виноватого в этой катастрофе, темное пятно легло именно на Петра Самсонова. По-видимому, все это крайне тяготило пожилого архитектора, и за некоторое время до трагедии он подал в отставку и отстранился от городских дел.

В личной жизни архитектор Самсонов оказался гораздо счастливей, чем в строительной карьере. Будучи уже в годах (под семьдесят лет), он женился второй раз – на молодой барышне из семьи «среднего круга». Вскоре у них родился ребенок.

Казалось, ничто не предвещало беды. 24 мая 1907 года супруги Самсоновы собирались выехать из Петербурга на дачу, то есть на все лето покинуть городскую квартиру на Серпуховской улице.

Утром перед приходом артельщиков-перевозчиков Самсонов занимался у себя в кабинете. Внезапно тишину дома пререзал грохот выстрела. Когда в кабинет вбежали перепуганные жена и прислуга, их глазам предстала страшная картина: архитектор сидел в кресле, весь залитый кровью. Он выстрелил себе в лоб и через десять минут скончался...

История с катастрофой цепного Египетского моста через Фонтанку, случившаяся в начале 1905 г., удручающе подействовала на архитектора Петра Самсонова

Катастрофа на Михайловском мосту

В один из августовских дней 1906 года петербуржцы, оказавшиеся вблизи Михайловского замка, услышали ужасающей силы треск и грохот. Многие подумали, что стали свидетелями очередного взрыва, устроенного террористами. Однако на сей раз причина оказалась гораздо прозаичнее: в Мойку рухнул Михайловский (ныне 1-й Садовый) мост.

Мост, сооруженный в середине 1830-х годов, перестраивали из-за резкого увеличения транспортной нагрузки. Поэтому во время катастрофы на мосту находились рабочие, занимавшиеся разборкой каменной арки. Дожливая погода привела к подъему воды на целый аршин выше нормы, что сильно тормозило работу.

Арку разбирали одновременно с двух сторон. Оставалось разобрать ее центральную часть – «ключ». Именно эта часть арки, весившая около двух с половиной тысяч тонн, и обрушилась на сваи, которые, не удержав тяжести, обломались, увлекая за собой рабочих.

За несколько мгновений до катастрофы рабочие, находившиеся у концов арки, слышали подозрительный шорох сползающего камня, но не придали этому значения, так как подобное случалось и раньше. Однако затем раздался оглушающий треск, и гранитная арка стала стремительно оседать. Падающие обломки сбивали людей. Некоторые сами бросались в воду, надеясь избежать опасности быть погребенными под грудой камней.

Обрушение моста вызвало громадную волну, которая в один миг качнулась к Фонтанке. Она дошла до перил временного моста и сшибла многих рабочих, возившихся на разбираемом Пантелеймоновском цепном мосту.

«Ужасную картину представляли останки Михайловского моста, – рассказывал очевидец. – В паутине изломанных свай барахтались люди, силясь выбраться на поверхность. Одному из рабочих как ножом отрезало обе ноги, но сам он в полном сознании держался руками за сваю...»

Вскоре вокруг места трагедии собралась громадная толпа. К мосту прибыли пожарники. Они принялись разбирать ближайшие от берега сваи, предполагая найти там задавленных обвалом. Руководили спасательной операцией брандмайор и полицмейстер. В больницу отправили семерых пострадавших рабочих, еще трое числились пропавшими. На следующий день скончался рабочий, лишившийся при катастрофе обеих ног.

Через полчаса после катастрофы известие о ней просочилось в Городскую управу, где в это время шло заседание общего присутствия. Городской голова немедленно закрыл заседание, и вся Городская управа в полном составе (!) отправилась на место трагедии. Еще через два часа к руинам моста прибыл баркас с водолазом, который спустился под обвалившиеся сваи, однако никого из рабочих не обнаружил: если там и были погребенные обвалом, то они находились под горами рухнувшего кирпича и гранита...

Сразу же после катастрофы началось расследование ее причин. Следствие проводила как судебная власть, так и строительная комиссия. Причину обвала моста объясняли по-разному. Одни говорили о слабости свай, не выдержавших напора арки, другие высказывали мнение о неправильном ведении строительных работ. Старший техник градоначальства архитектор Михаил Гейслер с первого же взгляда довольно ясно определил причину катастрофы: «На голову навалили много, а жидки были ноги!»

Кроме вопроса о причинах трагедии сразу же встал вопрос и о виновниках. Чаще всего звучало имя инженера путей сообщения Александра Станового, наблюдавшего за ходом работ. Наменяли на то, что ему все сойдет с рук, поскольку он бывший гласный Городской думы и вообще человек, близкий к Городской управе. Другим «стрелочником» кое-кто хотел видеть инженера Берса, ведавшего трудом безработных, поскольку весь контингент рабочих, занимавшихся тогда разборкой мостов, состоял из безработных.

«Эта катастрофа, как и все предыдущие, указывает на плохую организацию высшего технического надзора и, быть может, на полную его несостоятельность, – возмущалась «Петербургская газета». – Уж сколько раз поднимался вопрос в думе о необходимости преобразования городского технического надзора, но воз и ныне там...»

Можно ли было доверять безработным ответственные строительные работы?

На следующий день после трагедии на Мойке Городская управа обсуждала состояние старых городских мостов. Выяснилось, что мосты не осматривались со времени знаменитого обвала цепного Египетского моста в начале 1905 года, хотя еще тогда особая комиссия инженеров-специалистов признала треть городских мостов опасными и «не допустимыми к дальнейшему существованию».

Что касается провалившегося Михайловского моста, то Управа, основываясь на мнениях своих специалистов, заключила следующее: мост рухнул из-за того, что к работам по его разборке не привлекли специалистов по каменным мостовым сооружениям. Одним словом, трудились не каменщики, а... слесари.

Спустя еще несколько дней вопрос о случившейся катастрофе рассматривался в Городской думе. И опять искали виновных. «Что делать? – восклицал инженер Берс. – Мы не можем сказать, что здесь нет нашей вины». Дума долго искала «стрелочника», пока гласный Федоров не охладил пыл своих коллег: «Предоставьте суду искать виновных, карать и миловать». Тогда главным стал вопрос: можно ли доверять безработным ответственные строительные работы?..

Что же касается простых горожан, то история с обвалом моста недолго будоражила их умы. В те дни столица жила как на вулкане. Уже на следующий день после той катастрофы террористы-бомбисты взорвали дачу премьер-министра Столыпина на Аптекарском острове. Вот это было событие! Один из самых крупных терактов в дореволюционной России – поистине, говоря пушкинскими словами, «бессмысленный и беспощадный». Количество жертв исчисля-

лось десятками. Что уж тут сравнивать с обвалом моста, где была не интрига, а сплошное разгильдяйство и головотяпство.

«Строительная Цусима»

В начале марта 1907 года жертвой строительной катастрофы едва не стали депутаты Государственной думы: за несколько часов до начала очередного заседания парламента на кресла народных избранников рухнул потолок. На счастье, это произошло рано утром, а не в тот момент, когда в Думе собрались бы депутаты, министры и дипломаты. Ждали в тот день в парламенте и самого премьер-министра Столыпина.

Катастрофа в Таврическом дворце, где располагалась тогда Государственная дума, произошла в пять часов утра, на глазах у сторожей, которые не пострадали только по счастливой случайности. Первая мысль, которая пришла всем в голову, – революционеры устроили очередной теракт. По Петербургу поползли слухи: «В Госдуме взрыв!» Столичному градоначальнику генерал-майору Драчевскому так и доложили: в Таврическом дворце взорвалась бомба, а сам дворец разрушен.

Тем, кому удавалось заглянуть в зал заседаний, представала ужасающая картина: рухнула почти вся штукатурка с потолка, обнажив старые почерневшие балки перекрытий. Почти весь зал засыпан обломками.

По странной иронии, катастрофа произошла, главным образом, над местами политиков-радикалов – крайне правых и крайне левых. «Общая картина полного разрушения, – сообщал очевидец. – Куски досок, глыба штукатурки, клочья войлока и туча пыли». Меньше всего пострадали места правых и кадетского центра. Нетронутыми остались ложи журналистов и министров, а также громадный портрет Николая II, возвышавшийся над местом председателя.

Ничего удивительного, что первая мысль у всех была о теракте: в то время страна жила как на вулкане, террористы-бомбисты и экспроприаторы держали в страхе все общество. Однако вскоре выяснилось, что в данном случае никакими террористами не пахло: взрыва в Таврическом дворце не было. Заговорили о преступной небрежности строителей, производивших последний ремонт.

В половине двенадцатого утра заседание Госдумы открылось в тесном соседнем зале. Потрясенные и возмущенные депутаты требовали обеспечить безопасность их работы, в итоге – заседания парламента отложили. «Когда я пришел сюда, я нисколько не удивился, что обвалился потолок над тем местом, где заседают народные представители, – заявил социал-демократ Алексинский. – Я уверен, что потолки крепче всего в министерствах, департаменте полиции, охранном отделении и других подобных местах». В ответ раздался гром аплодисментов левой части зала и страшный негодующий шум справа.

Во второй половине дня в Таврический дворец прибыли власти для проведения предварительного расследования. В комиссию вошли архитекторы Л.Н. Бенуа, А.И. фон Гоген и др. Уже к вечеру причина катастрофы стала ясна – некачественный ремонт, произведенный год назад при подготовке зала под парламентские цели. Выяснилось, что клинообразные гвозди ручнойковки легко выпадали при усушке дерева, что и произошло. Непосредственной же причиной обвала потолка стало то, что накануне, ввиду намеченного приезда в Думу Столыпина, чердак осматривали агенты охраны и пожарные. Полтора десятка человек долго ходили по чердаку и простукивали его. Именно эти сотрясения над ветхим потолком оказались роковыми.

Вина падала на строительную комиссию, но виновнее всех оказался А.А. Бруни, заведовавший ремонтом дворца. «Эта катастрофа явилась для меня страшной неожиданностью, – оправдывался он. – Потолок казался безусловно крепким. Никаких показаний на возможность обвала не было. Нигде ни одной трещинки».

«От покушений со стороны политических фанатиков уберечься невозможно, – резюмировал обозреватель одной из газет. – Здесь же идет речь просто о преступной небрежности господ техников, благодаря которым в Петербурге проваливаются не только потолки, но и целые

мосты». Одним словом, происшествие в Таврическом встало в одном ряду с обвалами Египетского и Михайловского мостов. Иначе говоря, речь шла о «системном кризисе» в городском хозяйстве, а все потому, что «рука руку моет и виновный виновного покрывает».

Как иронично замечал современник, оказалось, что жизнь народного избранника зависит от... техника, надзирающего за строителями. Сорвался карниз, упала люстра, провалился потолок – и нет депутата, несмотря на всю его полную или условную неприкосновенность.

Ведь еще за год до катастрофы, когда только начались работы по переделке дворца под парламент, пошли толки о ненадежности потолков. Тем не менее, русский «авось» взял верх, а барон Остен-Сакен и другие лица, ответственные за охрану здания, употребляли всю свою силу не на осмотр здания с точки зрения его технической безопасности, а на борьбу с журналистами, которых постоянно проверяли, как арестантов на перекличке.

По мнению многих современников, в катастрофе в Госдуме отразилась вся нелепица общественного строя. Дальше просто некуда, если уже в парламенте обваливается потолок. «Несчастной России суждено пережить целый ряд Цусим, – писал обозреватель «Петербургской газеты», намекая на сражения Русско-японской войны, проигранные по вине неумелых военачальников. – Теперь дожили до Цусимы строительной. Надо благодарить судьбу за то, что она обошлась без жертв»...

После того как Госдума объявила перерыв в работе до окончания ремонта зала, многие депутаты, несмотря на грозившую опасность обвала остальной части потолка, поспешили к своим креслам, заваленным штукатуркой. Из-под груды мусора они доставали свои книги и записки. А некоторые отламывали себе на память куски щеп, вытаскивали на «сувениры» роковые гвозди.

Кстати, тут же нашлись те, кто сделал «бизнес» на катастрофе в Таврическом. Вечером следующего дня на Невском проспекте появилась шайка неких юнцов, бодро выкрикивавших: «Купите на память останки парламентского зала, осколки потолка!» Многие охотно покупали у них сомнительного вида обрывки войлока, ржавые гвозди и кирпичные обломки.

Между тем в Таврическом дворце уже кипели лихорадочные строительные работы. Примечательнее всего, что руководил ими архитектор Бруни – тот самый, по чьей милости едва не погибли все депутаты. Уже через полторы недели депутаты вернулись в отремонтированный зал заседаний.

«Секретное дело» коммерсанта Кутузова

Вопрос об обеспечении центра Петербурга общественными туалетами, или, выражаясь прежними терминами, «публичными уборными», всегда был одним из злободневных. Хотя это очень редко обсуждалось вслух – для русских людей, в соответствии со сложившимся веками культурным стереотипом, тема физиологических потребностей вообще считалась низкой, непристойной, да и просто запретной. Тем не менее, разумеется, запрет на обсуждение не означал отсутствие самой потребности.

Первый в Петербурге «публичный ретирадник» появился в Петербурге в 1871 году в садике рядом с Михайловским манежем. Туалет, поставленный на каменном фундаменте, сложили из бревен, обшитых с обеих сторон досками. Как сообщалось в журнале «Зодчий», в мужском отделении находились «мочевник и два клозета, в женском – лишь два клозета».

Спроектировал первый в столице общественный туалет академик архитектуры Иван Александрович Мерц, являвшийся архитектором Городской управы. Он много строил в Петербурге, являлся одним из авторов фонтана перед Адмиралтейством, активно занимался благоустройством города.

По тому же самому проекту Мерца в 1870-х годах в Петербурге построили еще пять «публичных ретирадников». Кстати, сам термин «ретирадник», или «ретирадное место», употреблявшееся с петровских времен, пришло из военной терминологии и имело французское происхождение. Кроме того, в разные времена туалет называли «нужником», «уборной», «отхожим местом», «сортиром», «гальюном» или «клозетом» («ватерклозетом»).

Тем не менее, спустя несколько десятилетий после появления в центре Петербурга первой «пятерки» уборных, туалетов для публики не хватало. Нередко предприимчивые коммерсанты пытались извлечь из этого выгоду. Именно такая эпопея развернулась в Екатерининском сквере на Невском проспекте, где однофамилец знаменитого полководца, крестьянин Смоленской губернии Александр Кутузов, попытался устроить туалет, да еще и соединить его с торговым заведением.

В декабре 1905 года комиссар Городской управы «вошел» к своему начальству, то есть к члену Городской управы, с «представлением» о необходимости построить в Екатерининском сквере уборную. Управа переадресовала это предложение Городской думе, но она этой надобности не признала и отказалась выдавать кредит на строительство.

Тогда Управа решила прибегнуть к другому средству. Тут-то и подвернулся ловкий коммерсант с громкой фамилией Кутузов, торговавший на «городских местах» съестными припасами и напитками «распивочно и на вынос». Как только Дума отказала в кредите, он сообщил Управе, что выстроит уборную за свой счет, и пожелал даже в виде благодарения за постоянное к нему покровительство и расположение Управы передать в петербургскую казну 18 тысяч рублей за 24 года аренды уборной.

Единственно, чего требовал Кутузов, так это дозволения построить там кроме уборной красивый павильон с правом продажи съестных припасов и всевозможных напитков. Городская управа охотно пошла на это, согласившись на 24 года аренды. Место для уборной Управа отвела не позади сквера, а на самом углу Невского проспекта, прямо напротив Публичной библиотеки. Таким образом, если бы в стране не произошло известных всем событий, владел бы Кутузов своим туалетом-магазином на Невском до самого конца 1920-х годов.

К удовольствию Кутузова, Управа сдала ему лакомый кусок в сквере келейно, без торгов, и не желала оглашать заявления желающих торговаться на это место. А конкуренты Кутузова в своих заявлениях предлагали городу аренду не 18 тысяч рублей, как у смоленского крестьянина, а 120 тысяч рублей за 24 года – по 5 тысяч рублей ежегодно. Среди тех, кто был знаком с подробностями этого «секретного дела», поднялся ропот: мол, городская казна несет ущерб

более чем в 100 тысяч рублей. Управу обвиняли в том, что она держит все в секрете, да и вообще, стало быть, дело нечисто: наверное, не обошлось без мздоимства!

Кутузов же не обращал внимания на протесты и, совершенно не церемонясь, шел напролом. В начале лета 1906 года он дал объявление о поиске подрядчиков на возведение постройки. «Кутузов уже хозяйничает здесь, – возмутился обозреватель «Петербургского листка». – Он приказал, с разрешения Управы, вырыть несколько деревьев и грозит уничтожить еще два дерева, украшающие сквер, – дуб и вяз. И их Кутузов покушался было вырыть, но был остановлен городским садовником».

– Все равно они завянут, когда мы будем рыть яму для уборной и обрубим им корни, – заявил Кутузов.

«Однако ведь завянут не только дуб и вяз, завянут и другие огромные столетние деревья, когда им обрубят корни, – продолжал гневаться автор «Петербургского листка». – Если Управа не понимает, что нельзя устраивать уборную под торговлю съестными припасами, то не объяснит ли ей это главное врачебное управление, или, по крайней мере, городская санитарная комиссия!»

«Дворцовый мост сгорел недаром»

В середине июля 1916 года тысячи обитателей Петрограда стали свидетелями грандиозного пожара на Неве, когда за считанные часы сгорел временный деревянный Дворцовый мост. Он соединял Сенатскую площадь и Университетскую набережную и существовал на период строительства постоянного Дворцового моста. Многие не без основания полагали, что с пожаром моста не все так просто, как казалось на первый взгляд. Кое-кому в городе гибель этой переправы была позарез выгодна...

За месяц до рокового пожара состоялось общее заседание присутствия Петроградской городской управы, на котором приняли решение после скорого открытия постоянного Дворцового моста разобрать временную переправу и использовать ее части для устройства пешеходных мостков и зимних спусков к Неве. Правда, существовал еще один вариант использования, на котором настаивали охтинские обыватели: перекинуть мост от Смольного на Охту.

Таким образом, охтинцы получили бы еще одну переправу через Неву, в дополнение к существующему уже мосту Петра Великого (Большеохтинскому). Его установка дала бы возможность окончательно избавить охтинцев от «пароходного налога» в пользу щитовского и финляндского пароходств, ежедневно перевозивших по 10–15 тысяч пассажиров с одного берега Невы на другой.

В погоне за наживой пароходовладельцы уже совершенно не заботились о безопасности: при допустимой вместимости парохода в 180 человек на борт принималось не менее пятисот. С каждого человека взималось как минимум две копейки. В итоге за день сумма получалась весьма приличная по тем временам.

Поэтому охтинцы, мечтавшие покончить с всевластием пароходовладельцев, направили в Городское управление коллективное ходатайство с требованием пересмотреть вопрос о судьбе временного Дворцового моста. Очевидно, вероятность положительного решения вопроса была весьма велика, и владельцы перевоза через Неву забеспокоились: им грозила перспектива потерять огромную прибыль. И тут, как нельзя кстати, тот самый деревянный мост, который мог положить конец всевластию пароходовладельцев, в одночасье сгорел. Согласитесь, слишком много роковых совпадений и случайностей...

Весть о пожаре временного Дворцового моста с быстротой молнии разнеслась по Петрограду около шести часов вечера 11 июля 1916 года. На каланчах взвились два зловещих красных флага, требовавшие прибытия почти всех наличных пожарных сил и пожарных пароходов.

Как оказалось, пожар на мосту заметили не сразу, а только тогда, когда он уже охватил средний плашкоут. На мосту началась паника: пешеходы бросились к берегу, а сторожа из будок, вместо того чтобы тушить огонь, стали спасать свой скарб. Когда подоспели пожарные из Казанской части, большая часть моста уже полыхала. Пока же подъезжали другие пожарные команды, огонь разрушил скрепы середины моста, и плашкоуты, охваченные огнем, поплыли по Неве.

Наплавной Дворцовый мост. Фото начала XX в.

Переправа раскололась на три части, устремившиеся по течению реки тремя огненными кострами. Один из них навалился на рыболовную сойму, стоящую на якорю возле Английской набережной. Сойма загорелась, а находившийся на ней рабочий в надежде спастись бросился в воду. Ему не повезло – он утонул.

Другие костры приближались к громадному каравану судов, стоявшему ниже Николаевского (ныне Благовещенского) моста. На помощь пожарных прибыло 30 буксирных пароходов. Благодаря им большую часть барж с хлебом, дровами и рыбой, а также пароходы, стоявшие на якорях, удалось спасти. Огонь уничтожил только три баржи и три парусных рыбачьих лодки.

Центр города оказался парализованным. Громадные толпы народа, привлеченные редким зрелищем пожара на Неве, запрудили Исаакиевскую площадь, Александровский сад и набережные Невы. Чтобы держать ситуацию под контролем, градоначальник князь Оболенский вызвал усиленные воинские части. Кстати, кроме градоначальника за действиями пожарников наблюдали министр внутренних дел и председатель Государственной думы, а брандмайор давал им подробные объяснения о ходе битвы с огненной стихией.

Наплавной Дворцовый мост. Фото начала XX в.

Большая Охта горько плачет:
Дворцовый мост погиб в огне!
Еще лет 29, значит,
Быть сиротой придется мне...

– писала спустя пару дней «Петроградская газета».

По свежим следам специалисты пришли к заключению, что причиной пожара стала искра из трубы парохода, проходившего под мостом. Старый, пропитанный смолой мост оказался богатой пищей для огня. Правда, как уже говорилось, многих такое объяснение не устраивало. В городе носились слухи о том, что пожар не являлся случайностью. Однако подтверждений поджога не было.

Характерные мысли, облеченные в форму шуточных виршей, появились на страницах той же «Петроградской газеты»:

Дворцовый мост сгорел не даром!
Стоял он целые года
И, вы заметьте, никогда
Не озарял Невы пожаром!
Но вот свалилась к нам беда,
Пир стали править мародеры...
И мост, не выдержав позора,
Сгорел, бедняжка, от стыда...

«Дело о Крюковом канале»

Взяточничество и казнокрадство, процветавшие в начале прошлого века в Петербургском городском управлении, охватило практически все его сферы. Не являлось исключением и строительное дело. К примеру, в феврале 1911 года за вопиющие злоупотребления при ремонте набережных Крюкова канала год тюремного заключения «заработал» инженер Евгений Вейнберг. Как выяснилось, деньги, выделявшиеся из городской казны на ремонт канала, уходили... в никуда, зато наверх шли постоянные бодрые отчеты о проделанных строительных работах.

Постановление о ремонте Крюкова канала Городская управа приняла в конце марта 1905 года, а смету на этот ремонт Вейнберг составил еще почти двумя годами ранее. Управа заключила договор с подрядчиком Алюшинским, который обязывался с августа 1905 года приступить к работам по реконструкции гранитной облицовки канала. Наблюдение за работами возложили на старшего техника Андерсина, а непосредственный надзор – на инженера Вейнберга.

В самом начале работ Вейнберг отправился в отпуск, оставив вместо себя десятника Савельева и заявив, что особого наблюдения за работами на Крюковом канале и не требуется. Когда же, отдохнув, он осмотрел выполненный фронт работ, то нашел, что они «подвинулись» и запросил новой добавки гранита на четыре тысячи рублей.

Поскольку это было уже не первое сверхплановое требование Вейнберга, то Управа решила назначить особую комиссию для проверки. В ее состав вошли все те же Вейнберг и Андерсин, а возглавил ее член Управы Оношкович-Яцына. Одним словом, Вейнбергу поручили проверить самого себя. Ничего удивительного, что проверяющая комиссия подтвердила просьбу Вейнберга, и Управа выделила 4000 рублей.

Неизвестно, до каких пор продолжалась бы идиллия удостоверения техниками доброкачественности своих же работ, если бы некий анонимный доносчик, ратуя за «интересы города», не сообщил в Управу, что «набережная Крюкова канала обнажается, камни лежат беспорядочно, грубо сбиты, швы частью замазаны, а низы стоят совершенно нетронутыми». Иначе говоря, аноним обвинил производителей работ на Крюковом канале в неприкрытой халтуре. Более того, аноним пошел еще дальше и разыграл роль ревизора: он расспросил рабочих, которые сказали, что один ряд облицовки, находящейся в воде, они в спешке исполнили за день, бутили прямо в воду, и потому камни «оскалились».

Письмо анонима Оношкович-Яцына передал Вейнбергу, заметив с едким сарказмом: «Что же это вы, господа, меня подводите, у вас камни даже оскаливаются, а вы подсовываете акты о полной исправности?» Впрочем, Вейнберга это несколько не смутило. Он немедленно отписал Оношковичу – мол, охота же вам считаться с анонимной мерзостью, и вообще аноним все наврал, и дела по-прежнему обстоят благополучно. На этом шумиха и закончилась. Выдача денег за якобы произведенные работы снова пошла своим чередом.

Наверное, Вейнбергу так бы и сошла с рук эта афера, если бы не случай. Однажды гласный Городской думы Николай Елизаров прогуливался по берегу Крюкова канала и, на беду Вейнберга, присмотрелся к облицовке набережной, которую, как он знал из отчетов, совсем недавно будто бы переделывали и ремонтировали. Елизаров несказанно изумился, увидев, что нижний ряд камней в значительной мере остался прежним. О своем открытии он сообщил в ревизионную комиссию, а та обратилась с запросом в Городскую управу.

Расследование на месте показало, что часть работ, за которые были заплачены деньги, просто не выполнена, и городу нанесен убыток в 10 285 рублей вследствие неправильного составления сметы и неправильного производства работ. Позднее, когда дело уже дошло до суда, обвинение звучало так: архитектор 3-го строительного участка Вейнберг намеренно доставил подрядчику выгоду в 10 тысяч рублей за непроизведенные работы и поместил в

составленную им смету заведомо ложные сведения о количестве и роде работ, а также заведомо ложно удостоверил в рапорте и актах осмотра качество работ.

Под суд по «делу о Крюковом канале» кроме Вейнберга попали также техники Корзухин и Андерсин. Первый обвинялся в том, что в сообщениях о работах умышленно умолчал о замеченных недостатках в работе. Второй – в том, что ложно удостоверил в трех актах отступление от сметы, чем причинил городу убыток более чем на 10 тысяч рублей.

Допрошенный на суде помощник городского головы Демкин всеми силами выгораживал Управу: мол, она лишена возможности фактически проверять все работы, а если их производители злоупотребляют, то Управа не может себя считать в этом виноватой. Эксперты были более конкретны: они заключили, что исполнительная смета не отвечала предварительной, а работы произведены некачественно.

В своем последнем слове подсудимые просили обратить внимание на их продолжительную службу и нежелание злоупотреблять доверием. Они были готовы даже признать вину, но со смягчающим обстоятельством: небрежность была, но злой воли не было. Однако суд разжалобить не удалось.

8 февраля 1911 года особое присутствие судебной палаты признало Вейнберга виновным в «служебном подлоге из личных видов» и приговорило к заключению в крепости на один год. Старшего техника Андерсина признали виновным в небрежном отношении к службе, но за давностью времени палата решила наказанию его не подвергать. Что же касается техника Корзухина, то его оправдали. А набережную Крюкова канала в итоге пришлось переделывать!..

«Терпение совершенно истощилось»

Прошло два с половиной года, и Крюков канал, точнее, его «миазмы», вновь стали «притчей во языцех» в Петербурге. «Терпение обывателей Большой и Малой Коломны совершенно истощилось, – отмечал обозреватель. – Их хотят известить невыразимейшим зловонием Крюкова канала. Он стал вонючей клоакой».

История эта началась с перестройки моста на пересечении Крюкова канала и Офицерской улицы (ныне это мост Декабристов) для прокладки трамвая «второй очереди». Строительные работы были связаны с отводом воды и удалением грязи и ила, вследствие чего местные жители вскоре почувствовали «ужасное зловоние».

Когда просьбы и обращения жителей к городскому самоуправлению и даже к градоначальнику не привели ни к какому результату, а «зловоние» приняло характер стихийного бедствия, коломенские обыватели решили взять дело в свои руки. В середине сентября 1913 года наиболее видные избиратели этой части города, обладавшие «квартиронанимательским цензом», тщательно осмотрели Крюков канал. Они пришли к выводу, что для «уничтожения зловония» нельзя ждать окончания постройки моста – необходимо немедленно принять меры для борьбы с общественным бедствием, иначе Коломне грозит вспышка инфекционных заболеваний. Поэтому решили обратиться в Городскую думу с ультиматумом: если за два дня не будет предпринято никаких мер, тогда коломенские обыватели оставляли за собой право обратиться к градоначальнику с просьбой разрешить им на их личные пожертвования «дезинфицировать Крюков канал и восстановить в нем приток воды».

Тем не менее, им не пришлось прибегать к подобным «крайним мерам». «Вопрос о загрязнении Крюкова канала стоит в прямой связи с завершением работ по сооружению в столице фекалепровода, предназначенного для отвода городских нечистот в Финский залив», – заявил член Городской управы П.Н. Ге, в ведение которого перешло дело о Крюковом канале. Именно на этой стройке и были заняты все имевшиеся в распоряжении города три столь нужные для Крюкова канала землечерпательные машины.

После того как коломенские обыватели подняли шум, одну из землечерпательных машин перевели с Финского залива на Крюков канал. По словам П.Н. Ге, при работе одной землечерпательной машины очистка Крюкова канала займет около ста дней, при работе двух – в два раза меньше. Однако городские власти выделили деньги на работу только одной машины на канале – 18 тысяч рублей. Тем не менее в полную силу работать на Крюковом канале она не смогла: ее не смогли подвезти к тому месту, где ощущалось самое сильное «зловоние».

«Основная причина загрязнения Крюкова канала коренится в далеком прошлом, – замечал обозреватель. – Еще в царствование Екатерины II был возбужден вопрос о необходимости обводнить и усилить течение в столичных каналах. До 80-х годов XIX века это зло могло быть терпимо, но уже тридцать лет назад, когда Петербург стал разрастаться, надлежало принять меры против непомерного загрязнения почти стоячих вод. Теперь же за несколько недель невозможно поправить дело, запущенное в течение десятилетий».

Современники считали очистку Крюкова канала одним из жгучих вопросов Петербурга, погрязшего, как они считали, в «пучине внутреннего неблагоустройства». «Нужды Петербурга огромны! – восклицал еще за два года до скандала вокруг Крюкова канала репортер «Петербургской газеты». – Кажется, нет в мире второго города, так сильно страдающего от своего внутреннего неустройства. Такое мнение разделяется всеми без исключения его обитателями. В нем столько недочетов, что приходится удивляться сравнительно небольшому числу жертв неблагоустройства нашей северной Пальмиры».

Город буквально задыхался без «правильной канализации», крайне плохо функционировал водопровод, да и качество невской воды оставляло желать лучшего. Городские свалки

грозили оказаться в густонаселенных кварталах. «Запущенное в течение многих лет городское благоустройство может быть восстановлено или, вернее, вновь создано лишь в более или менее продолжительные сроки», – считал член Городской управы П.Н. Ге.

За что домовладельцы «погубили» Пушкина?

«Непомерное вздорожание квартир в Петербурге заставляет обывателей среднего достатка искать какого-либо выхода из тупика, в который их загоняет судьба, – сетовал в начале 1910-х годов обозреватель «Петербургского листка». – Семейному человеку приходится тратить на квартиру чуть не половину своего заработка».

Действительно, непомерная квартирная плата и ее постоянный рост являлись насущными проблемами петербуржцев не только сегодня, но и век назад, в эпоху «блистательного Санкт-Петербурга». Само собой, вставал традиционный русский вопрос: кто виноват? Первой «жертвой» петербургского общественного мнения стали «алчные домовладельцы».

Впрочем, архитекторы видели корень зла в неправильной постановке квартирного вопроса в Городской управе и дороговизне строительных материалов. Ряд архитекторов считали, что причиной «вздорожания квартир» служит то, что строительство не считается с законами спроса и предложения. Цены на материалы искусственно подняты синдикатами, а домовладельцы побуждают архитекторов, работающих на них, устраивать заведомо «негигиеничные квартиры».

Однако именно домовладельцы становились главной мишенью газетчиков. В 1894 году журнал «Наше жилище» опубликовал даже статистические данные, согласно которым «алчность домовладельцев» влияла на демографическую ситуацию в Петербурге.

Как выяснилось, смертность не была одинакова в различных частях столицы: в более зажиточных частях (Адмиралтейской, Казанской, Литейной, Московской) она не достигала и 20 случаев в год на тысячу жителей, а в беднейших частях города (Рождественской, Петербургской, Нарвской, Александро-Невской и Выборгской) она превышала 25 случаев в год на тысячу человек. «Если сгруппировать участки города по величине платы за жилую квартиру, то зависимость смертности от зажиточности, насколько последняя выражается в плате за квартиру, станет вполне очевидною», – констатировал обозреватель «Нашего жилища».

Стыдъ управѣ и позоръ!
Горожане—сыры:
Самъ столичный брендъ-майоръ
Выселень съ квартиры.

Сталь владѣльцемъ дома я.
Смѣльмъ Богъ владѣть!
Растолстѣль я, какъ свинья,
А жилецъ худѣть.

Карикатура на тему «квартирного вопроса», опубликованная на страницах журнала «Огонек» в номере от 21 августа (3 сентября) 1910 г. (из коллекции автора)

Впрочем, тот же журнал предостерегал от создания образа врага в лице домовладельцев. «Нашлись журналисты, которые на основании „бесспорных данных“ установили факт, что и великий наш Пушкин страдал от домовладельцев, – с иронией замечал автор «Нашего жилища» в декабре 1894 года. – Из этой справки сделан был вывод, что больше всего достается от домовладельцев писателям. После такого удивительно сообщения остается только ждать статистических данных о трагических столкновениях домовладельцев с поэтами, прозаиками, сатириками, журналистами, интервьюерами и репортерами».

Согласно переписи 1869 года, домовладельцы составляли около полпроцента всего населения Петербурга. На одного домовладельца приходилось, в среднем, по два дома. В словесном отношении среди петербургских домовладельцев преобладали дворяне: среди дам – почти наполовину, среди господ – на одну треть. По возрасту домовладельцы Петербурга были чаще всего зрелых или преклонных лет. Около половины домовладельцев Петербурга приходилось на возрастную группу от 40 до 60 лет.

А что же сами «алчные домовладельцы»? Они вовсе не собирались мириться с тем обликом, который им старалось навязать общественное мнение. Осенью 1896 года с анализом причин дороговизны петербургских квартир выступил на страницах журнала «Домовладелец» представитель этого гонимого «рода занятий» граф Кронгельм.

Во-первых, из-за частых наводнений признаны негодными для жилья многие подвальные квартиры. Их выселение привело к росту спроса на дешевое жилье. Во-вторых, городские власти повели борьбу со «скученностью» жилья, следовательно, опять-таки увеличился спрос на дешевые квартиры. В-третьих, появилось много школ, контор и других заведений, занявших прежние жилые помещения. И, наконец, усилились санитарные требования, вызвавшие массу

переделок и перестроек, вследствие чего произошло удорожание рабочих рук и строительных материалов.

В подтверждение своих доводов Кронгельм приводил нехитрую статистику: ежегодно население Петербурга увеличивается в среднем на 16 тысяч человек. На средний столичный дом приходится около ста человек, стало быть, требуется, чтобы каждый год в Петербурге строилось по 160 новых домов. А это, по словам Кронгельма, «не так-то легко при существующих условиях».

«Непрекращающаяся брань газет против домовладельцев заключает в себе что-то уж совсем курьезное, – возмущался он. – И странно, как пресса не понимает того, что, отбивая у публики охоту делаться домовладельцами, она тем самым слепо усугубляет квартирный кризис и даже играет прямо на руку ненавистным ей домовладельцам; пора бы ей опомниться...»

Вывеска – не синоним безобразия!

С изобилием рекламы, являющейся нередко частью архитектурного облика здания, мы сталкиваемся сегодня на каждом шагу. Век назад Петербург уже переживал нечто подобное, когда рекламные вывески стали принимать такие гигантские размеры, что закрывали собой фасады домов и превращали их в одно рекламное полотнище.

«Рекламное нашествие» на фасадах петербургских домов

Современники сетовали, что некоторые дома сплошь завешаны «разных форматов живописными рекламами», и нет никакой возможности разглядеть архитектуру. По воспоминаниям Дмитрия Сергеевича Лихачева, в ту пору из-за вывесок не было видно даже Невского проспекта. «Среди вывесок можно найти и красивые, они карабкаются по этажам, достигают третьего – повсюду в центре: на Литейном, на Владимирском, – вспоминал он. – Только площади не имеют вывесок, и от этого они еще огромнее и пустынее».

Проблема перегруженности города рекламой не раз поднималась представителями общественности и дошла даже до градоначальника, который своим приказом в начале 1914 года ограничил рекламное творчество на городских улицах, запретив украшать вывески живописью. Отныне следовало ограничиваться текстом с названием фирмы и родом торговли.

«Рекламное нашествие» на фасадах петербургских домов

Решение столичного градоначальника вызвало живую реакцию петербургской общественности. Директор школы общества поощрения художеств академик Николай Рерих, уже не раз выступавший с предложением о введении хотя бы какого-нибудь контроля над вывесками со стороны Городской управы, приветствовал этот шаг, заметив, что действительно некоторые старинные фасады домов сплошь обшиты «самыми ужасными антихудожественными вывесками».

Реклама на одном из корпусов Апраксина двора

«Правильная регистрация их необходима, – заявлял Рерих. – Но спасая дело от произвола, нужно поставить его в зависимость от людей понимающих. Необходимо, чтобы в комиссии, наблюдающей за вывесками, были художники и архитекторы. Я бы сказал, что нужна художественная цензура... Слово „вывеска“ – не есть еще синоним безобразия. В свое время писали эмблемы такие первоклассные мастера, как Дюрер, и эти произведения являются высокохудожественными. Необходимо только изгнать безвкусицу»...

Спустя всего несколько лет реклама с питерских улиц действительно исчезла, но вовсе не из эстетических соображений: политика «военного коммунизма», проводившаяся большевиками во время Гражданской войны, запрещала свободную торговлю. С введением НЭПа, то есть с возвращением элементов капитализма, реклама вновь стала обретать свои права. И снова фасады дворцов и особняков оказались закрыты рекламными щитами. Но теперь уже совсем ненадолго. Когда власти свернули НЭП, реклама как двигатель торговли окончательно перестала существовать, превратившись в безликие вывески и таблички.

Рекламные вывески на здании Серебряных рядов на Невском проспекте в 1900-е гг. и во времена НЭПа – в 1920-е гг. Почувствуйте разницу...

«Обращено внимание, что многие здания Ленинграда, имеющие художественно-исторический или бытовой интерес, обезображены громадными вывесками, которые часто совер-

шенно закрывают архитектурные особенности фасадов, – писала в 1925 году «Красная газета». – В ближайшем будущем предполагается снять с фасадов старинных домов такие вывески или, в крайнем случае, заменить их вывесками самых минимальных размеров».

И это было выполнено. По распоряжению Комитета по охране памятников были сняты рекламные вывески «Красного студента» и «Общества по охране русских интересов в Финляндии» со Строгановского дворца на Невском проспекте, убрали вывеску столовой со здания Адмиралтейства, а также рекламные щиты с бывшей Городской думы и некоторых старинных особняков. А на страницах ленинградских газет развернулась дискуссия: нужна ли вообще уличная реклама в пролетарском обществе и не означает ли ее существование уступку «старорежимным буржуазным порядкам»?

«После перехода к НЭПу наши города, особенно Москва, превратились в сплошную крикливую и пеструю вывеску, со всеми техническими ухищрениями, присущими буржуазным странам, – возмущался обозреватель „Красной газеты“. – Вывеска как продукт экономических и общественных отношений должна быть у нас другой, потому что у нас только одна треть торговли принадлежит частному капиталу. Назначение вывески в наших экономических условиях резко отличается от буржуазно-капиталистических».

Вывод из дискуссии делался следующий: реклама как способ конкуренции между государственными учреждениями попросту нелепа. На смену рекламе должна прийти вывеска – указатель функций магазина или учреждения. «Если это так, то незачем нагромождать вывески нелепых размеров и цветов и портить ими дома, – резюмировал обозреватель «Красной газеты». – Художникам следует подумать над этим вопросом и внести свои конкретные предложения».

«Старый Петербург гибнет»

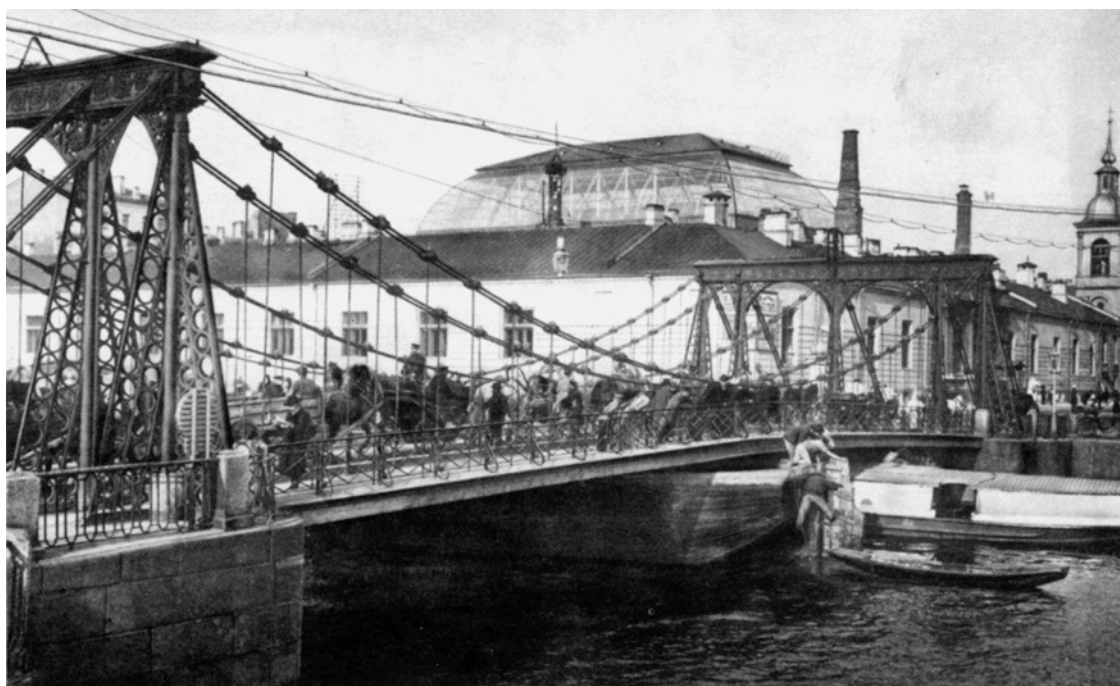
Проблема сохранения исторического облика старого Петербурга век назад стояла практически так же остро, как и сегодня. К сожалению, в последние годы мы стали свидетелями того, как современные архитекторы порой грубо и бесцеремонно вторгаются в сложившуюся городскую среду, возводя рядом с мировыми шедеврами сомнительные новоделы из стекла и бетона...

В начале XX века наш город, так же как и сегодня, охватила строительная лихорадка. Тогда улицы столицы впервые столкнулись с проблемой переизбытка транспорта, зазвучали проекты пробивки новых улиц через старые кварталы и устройства надземных скоростных линий железных дорог, а в обществе отчетливо зазвучало беспокойство за судьбу старого Петербурга. «Столица теряет свою физиономию, – сетовали ценители петербургской старины. – Город обезличивается».

«Мы еще варвары...»

Одним из выразителей настроений борцов за спасение «Старого Петербурга» стал талантливый петербургский журналист и известный в ту пору литератор Николай Брешко-Брешковский – сын знаменитой революционерки, которую называли «бабушкой русской революции». На страницах популярной «Петербургской газеты» он выступил в 1913 году с серией публицистических статей, посвященных «гибели старого Петербурга».

«Никакими силами не воскресишь того, что было и уничтожено. В наш все и вся обезличивающий железобетонный век с особенно бережным вниманием следует относиться к художественным, красивым архитектурным памятникам с каждым годом исчезающего старого Петербурга», – сетовал Брешко-Брешковский.

Одной из самых значительных архитектурных утрат начала XX в. стал Цепной (Пантелеймоновский) мост через Фонтанку у Михайловского замка – достопримечательность «пушкинского Петербурга». В 1907 г., в связи с катастрофой на аналогичном Египетском мосту, а также в связи с открытием в городе трамвайного движения, мост разобрали и заменили современным

Литератора крайне беспокоила гибель старых мостов – Цепного и Египетского через Фонтанку. По мнению еще одного ревнителя петербургской старины, искусствоведа Григория Лукомского, «наиболее печальной страницей в истории вандализма Старого Петербурга все-таки явится та, которая повествует о мостах. Исчезновение Цепного моста у Летнего сада – ничем не вознаградимая утрата. Такого другого сооружения не будет никогда в Петрограде. Теперь в воспоминании он рисуется полным фантастического великолепия. Струны, поддерживающие цепи, золотые украшения на пилонах, весь его старинный силуэт был так нужен именно этому уголку Старого Петербурга».

«Я с детства его особенно любила, – вспоминала о Цепном мосте художница А.П. Остроумова-Лебедева. – Скоро мне пришлось пережить большое огорчение. Цепной мост решили уничтожить. Александр Николаевич [Бенуа] и его друзья горячо отстаивали мост. Они стре-

мились спасти от гибели одну из прелестнейших достопримечательностей нашего прекрасного города. Кому-то писали, к кому-то ездили, убеждали, но ничто не помогло. Бенуа предлагал такой проект: если Цепной мост не удовлетворял условиям движения города, то передвинуть его по Фонтанке, ближе к Неве, примерно к зданию Правоведения. Он мог служить пешеходным мостом в Летний сад. Но, как мне помнится, отцы города, то есть члены Городской думы, на это не пошли, и мост разобрали. Мы очень горевали».

Возмущение Брешко-Брешковского вызывало также появление «пошлейших современных часов» на арке Главного штаба. Но еще больше возмущала хаотичная и случайная застройка Марсова поля. «Мы еще варвары, – писал Брешко-Брешковский. – Нет у нас чувства гармонии. Петербург обладает едва ли не самой громадной площадью в мире. Это Марсово поле, не уступающее размерами даже знаменитой парижской Площади Согласия. Сегодня Марсово поле – грязный, неопрятный пустырь, который к тому же умудрились обезобразить двумя „бородавками“». Первая – скетинг-ринк, вторая – панорама художника Ф.А. Рубо „Севастопольская оборона“».

Действительно, многие горожане крайне негодовали, когда вместо обещанного «Дворца правосудия» на Марсовом поле появился «Дворец пьяноблудия», как они называли скетинг-ринг. Обозреватель «Петербургской газеты», выступавший под псевдонимом «Не гласный», возмущался, что «под флагом скетинг-ринга вырос грандиозный ресторан для всепьянейшего препровождения времени с шампанским на десятках столиков, с отдельными кабинетами и с торговлей до часа ночи. Давно ли выступала Академия художеств за сохранение стилистики старого Петербурга? И вот теперь испорчена красивейшая часть старого города. Ресторан-монстр заслонил вид, с одной стороны, на Летний сад и Инженерный замок, с другой – на Мраморный дворец».

Представители архитектурного мира столицы говорили о том, что Марсово поле может стать одной из жемчужин Петербурга, и предлагали воздвигнуть на нем такие сооружения, каких это пространство заслуживало по красоте положения и по грандиозности территории. «Иначе пройдет несколько лет, и на бывшем Царицыном лугу вырастет целый цветник ресторанов-монстров, и он превратится в веселый ресторанный городок»...

В Петербурге в это время уже существовала специальная комиссия по охране исторических памятников Петербурга. Еще за два года до резких выступлений Брешко-Брешковского она поднимала вопрос о «гибели художественной старины». На заседании комиссии, состоявшемся в сентябре 1911 года, ее председатель Раевский сообщил о художественных достопримечательностях, сохранившихся в усадьбе Новознаменка, где ныне помещается городская колония для душевнобольных. От старых времен уцелели великолепная живопись, фрески, изразцы редкого рисунка, много уникальных предметов интерьера.

«Могли ли прежние знатные обитатели великолепной усадьбы предполагать, что в „китайских комнатах“ и расписных залах будут жить умалишенные, что больница превратится в психиатрическую больницу? – задавал риторический вопрос Раевский. – Только случайность спасла от гибели художественную старину». Капитальный ремонт, который смел бы все следы прежней жизни, удалось предотвратить.

Однако другую достопримечательность старого Петербурга сохранить не удалось. Речь шла о полицейской будке, стоявшей близ «Нового Адмиралтейства». Однажды, еще в то время, когда полицейские были вооружены алебардами, в эту будку во время своей прогулки заглянул сам государь Николай I. В память своего посещения он соизволил проявить «монаршую благодарность» и наградил будочника за примерную службу ста рублями. Это событие было впоследствии отражено на мраморной доске, водруженной на стене будки.

Городские власти намеревались использовать легендарную полицейскую будку для экспозиции создававшегося исторического музея, но не успели: вблизи построили храм Спас-на-

Водах, после чего будку снесли, поскольку она мешала проезду. Сохранилась лишь мраморная доска, которая когда-то красовалась на будке.

Многие горожане связывали надежды на сохранение старого Петербурга с назначением нового головы – графа Ивана Ивановича Толстого, пришедшего в мае 1913 года на смену Илье Ивановичу Глазунову. «Хочется думать и верить, что ныне всем эстетическим изуверствам пришел конец, – писал в августе 1913 года Николай Брешко-Брешковский, имея в виду столь нелюбимую им «модернистическую архитектуру». – Граф Толстой больше десяти лет был вице-президентом Академии художеств, понимает искусство, любит и ценит его. Ко всему этому еще, Толстой – человек высокой культуры, широко и европейски образованный».

Битва за башни

Очередной акт борьбы за сохранение старого Петербурга развернулся осенью 1910 года вокруг Чернышева моста через Фонтанку (ныне мост Ломоносова). В вопросе о будущем моста сталкивались две точки зрения: одни рассматривали его как бесценную реликвию старины, другие оценивали мост с прагматической, утилитарной точки зрения, настаивая на необходимости сооружения удобной и отвечающей современным требованиям переправы через Фонтанку.

«Каждый раз, когда делается попытка придать Петербургу более или менее благоустроенный вид, поднимается крик о том, что господа техники уничтожают памятники старины», – замечал еще в августе 1907 года обозреватель «Петербургского листка», выступавший под псевдонимом «Пчела». По его признанию, Городское управление действительно мало церемнилось с петербургской стариной, но, с другой стороны, что вообще следует подразумевать под стариной? Ведь в представлении комиссии по изучению и описанию старого Петербурга любое казенное или общественное здание, построенное при Александре I или Николае I, подходит под понятие памятника старины.

«А если так, то Петербургу раз и навсегда отрезан путь к благоустройству, – продолжал господин «Пчела». – Что бы он ни задумал сделать, комиссия может сию минуту наложить свое вето:

– Стоп! Не прикасайтесь к старине...

Чернышев мост через Фонтанку. Фото начала XX в.

Но тогда чем же мы не китайцы, которые не хотят знать никаких новшеств?»

Действительно, ситуация со старыми петербургскими мостами служила ярким примером такого отношения. Десятки лет они существовали без всякого ремонта и доходили уже до такого состояния, что начали представлять угрозу для жизни горожан. Более того, пока Еги-

петский и Михайловский мосты не обрушились (соответственно в 1905 и 1906 годах), никто не поднимал вопроса об их художественной ценности.

Что же касается Чернышева моста, то его собирались перестроить еще с конца 1880-х годов, и камнем преткновения стала главная достопримечательность моста – его башни.

Дело в том, что когда в 1780-х годах возводились гранитные набережные Фонтанки, ее берега были соединены семью каменными мостами с башнями, которые сооружались по одному типовому («образцовому») проекту. Пять из семи мостов были перестроены в XIX веке и утратили свои башни, только Чернышев и Старо-Калинкин мосты являлись единственными башенными мостами через Фонтанку, уцелевшими в своей первозданности с XVIII века.

Петербургские ревнители старины весьма серьезно отнеслись к реальной возможности потерять еще один башенный мост через Фонтанку. Несмотря на это, в итоге долгих архитектурно-инженерных споров Чернышев мост спроектировали в новом виде – без башен. Как только это стало известно, Городскую управу «атаковали» сразу с трех сторон.

Академия художеств заявляла, что не допускает и мысли об изменении исторического облика моста. Техническо-строительный комитет МВД обратился к городским властям: «Крайне нежелательно, чтобы столица империи вновь обезличилась уничтожением одного из характернейших памятников XVIII столетия. В уничтожении башен и изменении вида моста нет никакой надобности».

Вмешалась также Императорская археологическая комиссия, заявившая следующее: «Переустройство Чернышева моста, как художественного памятника старины, согласно действующим законам, не может быть допущено без разрешения комиссии, которой и должен быть представлен на утверждение проект предполагаемых работ».

Чернышев мост через Фонтанку. Фото начала XX в.

Тройная художественно-техническо-археологическая «опека» привела в такое раздражение «обер-мостака» Городской управы инженера Кривошеина, что он не без сарказма заметил: «Означенные три учреждения наиболее заинтересованы в сохранении Чернышева моста как памятника, а не как моста. Городское же присутствие заинтересовано в стремлении создать жителям удобное сообщение, чему существующий мост даже после реставрации удовлетворять

не может. Не поставить же Чернышев мост с башнями под стеклянный колпак как археологическую редкость с предупреждением: „Ходьба на цыпочках“?»

Пока шла долгая и упорная «башенная война», Чернышев мост все больше ветшал. Многие горожане боялись, как бы его не постигла судьба другого старинного моста через Фонтанку – Египетского. Этот цепной висячий мост, построенный еще в 1826 году, как известно, рухнул в январе 1905 года, когда по нему проходил эскадрон конногвардейского полка.

«Чернышев мост, дожив до XX века, трещит по всем швам и, вероятно, не без трепета вспоминает о судьбе своего почтенного собрата – престарелого Египетского моста, бросившегося в один прекрасный день по старости лет в Фонтанку, – с иронией писал в октябре 1910 года обозреватель „Петербургской газеты“. – Если проекты переустройства Чернышева моста будут и дальше путешествовать по опекунам инстанциям, то археологическая редкость XVIII века рискует с отчаяния покончить самоубийством, оставив на берегу записку: „Да здравствует археология и художественная красота!“».

В конце октября 1910 года столичная пресса с радостью сообщала, что предложение разрушить старый Чернышев мост и взамен него построить новый окончательно отвергнуто городскими властями. Большая заслуга в этом принадлежала лично гласному Городской думы Тарасову, который предостерегал Думу от «акта вандализма».

В 1911 году был решен вопрос с сохранностью моста: разводная деревянная средняя часть уступила место прочному перекрытию из металлических балок. Правда, как оказалось, на этом вопрос с перестройкой моста не закрыли. В январе 1913 года в печать просочилась информация, что реконструкция Чернышева моста по проекту инженера Пшеницкого должна начаться в «самое непродолжительное время». Согласно ему, мост предполагалось расширить, а старинные башни – опять-таки разобрать. К счастью, проект этот не осуществили...

«Бородавка» на Загородном и другие «уродства»

Новое строительство в центре Петербурга стало характерным явлением нашего времени. История повторяется: век назад Петербург также переживал строительный бум. Как и сегодня, многие домовладельцы в погоне за доходностью своих домов шли на любые ухищрения. А по причине дороговизны земли дома неукротимо росли вверх.

«Петербургские домовладельцы переживают странную эпидемию: огромное число их предпочитает вместо того, чтобы строить новые дома, надстраивать старые, – констатировал репортер «Петербургской газеты». – Это явление приняло эпидемический характер. Двух- и трехэтажные здания превращаются в пяти- и шестиэтажные громады. Прочность и красота зданий через это, конечно, мало выигрывает».

Но когда роста дома в высоту домовладельцам казалось мало, они нередко решались на самозахват городской земли. В особо вопиющих случаях это вызывало бурю общественного гнева, но, как ни странно, достаточно редко наказывалось городскими властями. Характерный пример – громадный дом на Загородном проспекте, который современники ехидно обозвали «бородавкой». Он выступал на полтора десятка метров за линию фасадов и заметно сузил проспект. «Шестиэтажная громада среди улицы! – возмущался обозреватель. – Как это могло случиться? Чьей прихотливой фантазии город обязан таким украшением?!»

Против этого дома резко выступила созданная осенью 1910 года комиссия по охране исторических памятников Петербурга. Председатель комиссии Дурново во всеуслышание назвал дом на Загородном «уродливой бородавкой» и потребовал немедленной «операции».

«Вся наша комиссия глубоко возмущена этим делом, – заявил член «комиссии о красоте города», гласный Городской думы Раевский. – К сожалению, оно дошло до нас уже тогда, когда постройка шестиэтажного дома, с выступом на восемь саженей за линию фасадов, была разрешена Управой. Красоте и стройности проспекта, не говоря уже о движении, наносится существенный удар».

Дурново в резких выражениях осудил Городскую управу за ее поспешность в разрешении этой постройки. Управа, в свою очередь, ссылаясь на то, что она, опасаясь исков, не могла воспрепятствовать строительству, раз документы на землю имелись. Однако, как выяснилось, при отводе земли не все было гладко. Местный участковый городской землемер, отводивший участок, подал несколько рапортов о незаконности постройки, захватывающей часть улицы. Но Управа сознательно не противилась строительству дома: рапорты землемера клались «под сукно», а вместо них фигурировали «правильные» отзывы старшего землемера.

«Комиссия о красоте города» обратилась в Городскую думу, которая согласилась, что «бородавка» на Загородном – это безобразие. Думцы постановили устранить «бородавку» путем ходатайства о новом урегулировании злополучного участка на Загородном. Однако, пока шли разговоры, постройка дома уже подошла к концу.

«Три месяца назад эта постройка могла еще назваться „бородавкой“, – возмущался в начале августа 1911 года журналист «Петербургской газеты». – Но теперь это уже злокачественная опухоль, отвратительный нарост». Конечно, сносить уже выстроенное здание никто не стал.

Другой вопиющий случай произошел на Петербургской стороне, где домовладелец Чесноков своим новым шестиэтажным громадным домом буквально загородил Малую Пушкарскую улицу. Она и так была довольно узкой, но два извозчика могли на ней свободно разъехаться. «Теперь же вместо улицы получился узенький проход, в котором с трудом разойдутся два пешехода, – сетовал очевидец. – И что здесь делал технический надзор, разрешая эту явно незаконную постройку?»

Современники возмущались безнаказанностью домовладельцев, которые и не пытались скрывать, что занимаются самозахватом городской земли. Все об этом знали и говорили, а некоторые даже нахваливали «находчивость» и «хозяйственность» домовладельцев. «Случаи захвата принадлежащей городу земли – явление слишком обычное для обывательского глаза, – писала одна из газет. – Редкий домовладелец не воспользуется возможностью хоть на аршин да выдвинуть постройку за пределы своего участка».

Впрочем, если Чесноков только сузил улицу, то домовладельцы Головины так расширили свой участок, что перегородили забором Съезжинский переулок. В своем доме на углу переуллка и Малого проспекта они открыли чайную, а загороженный участок переуллка превратили в двор для извозчиков.

После того как прошло некоторое время и ни с чьей стороны не поступило никаких протестов, Головины расширили свои владения, переставив забор и захватив еще часть переуллка. И опять – полная безнаказанность. «Почему-то молчит городской участковый архитектор, члены управы и другие лица, которые должны блюсти городское хозяйство!» – возмущался обозреватель «Петербургской газеты». Однако возникало впечатление, что на эти протесты никто не обращал внимания...

Пассаж над Фонтанкой

Проблема отсутствия свободной земли в центре Петербурга, с которой сталкиваются нынешние инвесторы, как в капле воды отражает ситуацию, в которой Петербург оказался век назад. Тогда предприимчивые коммерсанты, желая разместить свои торговые заведения в самых фешенебельных местах столицы, пытались проявить просто чудеса изворотливости. Иногда это им удавалось, но чаще всего они получали отпор от защитников «старого Петербурга». Ведь именно тогда, в начале XX века, Петербург переживал первую серьезную битву за сохранение своего исторического облика. Ту битву, которая с переменным успехом продолжается больше века, а сегодня, как никогда, разгорелась с новой силой.

Нам уже приходилось рассказывать, как в 1913 году некий коммерсант выступил с ходатайством перед Городской управой о разрешении соорудить «надводные магазины» по обеим сторонам Аничкова моста. Возможно, деньги коммерсанта смогли бы уладить этот вопрос, но на защиту жемчужины Невского проспекта грудью встал архитектор Александр Павлович Максимов. Будучи старшим архитектором Городской управы, он выступил против чужеродного вторжения в исторический ансамбль Невского проспекта. И сумел отстоять свою точку зрения.

Впрочем, как оказывается, этот эпизод не был единственным в «битве» за Аничков мост. Еще в 1907 году в городскую печать просочилась информация о планах устройства грандиозного «надводного пассажа». Его хотели возвести над Фонтанкой, перекрыв реку неким мостом-платформой на протяжении от Аничкова моста до Итальянской улицы. Эта надстройка над рекой не должна была мешать оживленному движению «речных трамваев» и барок с дровами, углем и строительным материалом. Предполагалось, что весь речной транспорт будет свободно и беспрепятственно проходить под торговым комплексом.

На образовавшейся «надводной» территории предполагалось соорудить двухэтажное стеклянное здание с железным каркасом – «самой изысканной архитектуры». Нижний этаж отводился под торговые ряды (пассаж), а верхний – для постоянного торгово-промышленного выставочного зала. При этом здание предполагалось строить не вплотную к Аничкову мосту, а на расстоянии нескольких саженей от него. Промежуточную территорию рассчитывали использовать для цветников и фонтанов.

Автор замысла нового пассажа П.Л. Шиккульский заявлял, что этот проект в случае осуществления сыграет важную роль в промышленной жизни столицы. Да и городские власти высказывали заинтересованность, ведь по истечении определенного количества лет здание пассажа над Фонтанкой должно было перейти в собственность города. Одним словом, желающие стать «инвесторами» в строительстве «надводного пассажа» сразу же появились. По имеющимся у «Петербургского листка» сведениям, проектом заинтересовались многие столичные финансисты, выразившие согласие вложить в него свои средства. «Так что с этой стороны препятствия, вероятно, не встретятся, – отмечал обозреватель „Петербургского листка“. – Иное дело – чисто техническая сторона предприятия».

Однако факт остается фактом: в итоге Аничков мост не оказался обезображенным ни пассажем над Фонтанкой, ни галереями с «надводными магазинами». Что ж, остается лишь благодарить наших предшественников, сумевших предпочесть сохранение исторического облика Петербурга коммерческой выгоде. Интересно, а как потомки, спустя хотя бы полвека, оценят нас, взирая на те, порой весьма монстрообразные торговые комплексы, что выросли в самом сердце исторического Петербурга?..

Кому помешала часовня у ковша?

Принято считать, что осквернение церковных святынь – атрибут исключительно советского периода петроградско-ленинградской истории Северной столицы. Но тем не менее подобные случаи происходили и ранее, только, конечно, они не носили характера государственной политики. Речь, скорее, шла об элементарной бесхозяйственности при попустительстве духовенства и «отцов города». Ярким примером стала история с часовней у ковша.

Ковшом в XIX веке именовалось место, которое ныне носит название Водопроводного переулка, идущего от Шпалерной улицы напротив Таврического дворца к набережной Робеспьера. Когда-то давно к дворцу от Невы вел «гаванец», или ковш, служивший для захода малых судов прямо к парадному въезду во дворец. Даже когда в середине XIX века «гаванец» засыпали, и на его территории Петербургское общество водопроводов соорудило первую в Петербурге водонапорную башню, местность продолжала по традиции именоваться «ковшом».

Берег Невы у ковша считался сенной биржей Петербурга. Здесь каждый день до конца навигации стояло до сотни барок, груженных сеном и соломой. Место было очень оживленным: с утра до вечера тут стоял шум от говора сотен людей и грохота телег.

В середине XIX века на сенной бирже у ковша случился сильный пожар, уничтоживший почти все стоявшие у берега барки с соломой и сеном. Пожар удалось потушить 26 июля, в день Тихвинской иконы Божьей Матери. Местное купечество увидело в этом знак свыше и решило ознаменовать памятный день избавления от огня сооружением часовни. Вскоре на собранные деньги у самого берега ковша, представлявшего тогда еще обширную выемку у Водопроводного переулка, построили небольшую деревянную часовню, куда и поставили икону Тихвинской Божьей Матери.

С тех пор эта часовня долгие годы служила святыней для купцов-«сенников». В дни начала работы и закрытия сенной биржи купцы приходили в часовню, истово молились на икону и опускали в ящик для пожертвований монету «от избытка своего». Каждый год в день Тихвинской иконы Божьей Матери, в память избавления от пожара, у часовни совершалось благодарственное молебствие, заканчивавшееся крестным ходом вокруг площади и окроплением барок святой водой. Так продолжалось около полувека.

В конце первого десятилетия XX века, в связи с охватывавшими Петербург почти каждый год эпидемиями холеры, сенную биржу на берегу Невы закрыли. Жизнь у ковша замерла и заглохла, а часовня осиротела. Навес с весами для грузов снесли, а жившие здесь на случай пожарной опасности огнеборцы Литейной части перебазировались в казармы. На ковше остались только яличники да старый седой сторож Дворцового управления, охранявший расположенные рядом склады Красного Креста. Именно эти «ветераны» ковша заботились о сохранении часовни...

В один из весенних дней 1910 года на площадку ковша пришли плотники. Застучали топоры, завизжали пилы, в шагах в семи-восьми от часовни, перед которой полвека совершались молебствия и крестные ходы, выросло уродливое деревянное строение с надписью «Общий ватерклозет». Старожилы ковша были поражены подобной дерзостью и посчитали такое соседство возмутительным оскорблением и осквернением православной святыни.

Вполне вероятно, что об этом факте знали бы только «ветераны» ковша да окрестные обыватели, если бы не вездесущие журналисты. Прознав про осквернение часовни, они сразу же сделали это событие достоянием печати, не упустив возможности в очередной раз сделать дерзкий выпад по адресу «отцов города», равнодушно взиравших на хиреющую часовню. Власти попытались замаять ситуацию, но довольно неуклюже. Приехал председатель городской больничной комиссии генерал Нидермиллер, собственноручно забрал из часовни чтимую икону и увез ее в неизвестном направлении.

Спустя некоторое время, в августе 1910 года, кто-то сломал крест на крыше часовни, после чего она стала представлять собой просто пустой деревянный ящик. «Но так как деревянный сруб все-таки был освящен, то его решили на днях сжечь, – отмечал репортер одной из газет. – Такой конец постиг заброшенную и забытую часовню»...

Развитие города – не самоцель, а средство

В начале прошлого века, как и сегодня, наш город испытывал настоящий транспортный коллапс. В начале мая 1913 года «комиссия о пользах и нуждах города» признала необходимым для решения этой острой проблемы расширить некоторые существующие улицы и пробить новые магистрали.

Претендентом на расширение стала Гороховая улица. Ее предложили расширить между Фонтанкой и Малой Морской улицей за счет сноса лицевых фасадов домов по нечетной стороне. Новой магистралью должен был стать дублер Невского проспекта. Для этого предлагалось соединить улицу Жуковского с Итальянской улицей и вывести ее к Певческому мосту.

Кроме того, были планы прокладки дублера Каменноостровского проспекта, а также продолжения Большого проспекта через Аптекарский остров. Любопытно, что из всех предложенных проектов только один осуществился, но только гораздо позднее: продолжением Большого проспекта стал нынешний проспект Медиков.

Большинство озвученных проектов предполагало серьезное вмешательство в сложившуюся городскую среду, и Петербург лишился бы многих красивых уголков, радующих нас сегодня. Правда, тогда, век назад, главной причиной отказа от проектов стала экономическая: для сноса зданий и отчуждения частных владений пришлось бы потратить очень много денег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.